КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал
в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта,
д. 11/2, офис 204
Тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru,

а также
в Издательском доме «МИРС» по адресу:
199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта,
д. 11/2, офис 202
Тел.: (812) 325-11-33
e-mail: mirs@ropryal.ru, sales-mirs@yandex.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать
в Издательском доме «МИРС» и С.-Петербургской штаб-квартире
РОПРЯЛ по указанным адресам, а также на сайте:

http://spbmirs.ru/magazine/

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

С сентября 2007 года Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации включила журнал «Мир русского слова» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки
и доставки журнала за пределами
СНГ обращайтесь к нашим
дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский
пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22;
факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского,
39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47;
факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы"»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ"»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudenticg@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

МИРС

№ 3
2012

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель
Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Редакционный совет:
Л. А. Вербицкая
В. В. Воробьев
Л. П. Клобукова
Ю. Е. Прохоров
Е. Е. Юрков
В. М. Шаклеин
С. Н. Голубев

Адрес редакции:
199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru

Издательский дом «МИРС»

[официальные материалы]

4 III Конгресс РОПРЯЛ
«Динамика языковых и культурных процессов в современной России»

[лингвистические заметки]

7 Н. Н. Рогозная
Описание корпуса интерязыка

12 О. А. Селюнина
Полипредикативные конструкции с вторичной связью, формализованной релятивами *и то, да и то, но и то, да еще*

21 Е. И. Гражданкина
Обособленный причастный оборот в системе конструкций, осложняющих предложение

24 Н. А. Хан
Конструкция *(я) не знаю* в русской спонтанной речи: соотношение разных функциональных типов

[лингвокультурология]

30 Т. В. Романова
Топоним Соловки в русском художественно-публицистическом дискурсе: Образ? Понятие? Символ? Метафора? Культурема? Мифологема? Идеологема? Аксиологема? Концепт?

38 А. Ю. Малафеев
Языковая объективация концепта «смерть» в современной русской православной картине мира (на примере книги А. И. Осипова «Посмертная жизнь»)

44 Е. Г. Стешина
О структурных компонентах вербализации концепта «бедность» (на материале русского и английского языков)

50 У Вэй
Зима в русском паремиологическом пространстве (на фоне китайского языка)

[культура речи]

55 Н. В. Козловская
Термин в философской интерпретации Павла Флоренского

62 В. В. Колесов
Мато-пустышки

Главный редактор:
К. А. Рогова

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Над журналом работали:
Редакторы:
Т. Б. Авлова, Д. А. Щукина
Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
К. А. Кузьмина
Вып. редактор:
М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77–5399 от 11.09.2000)
ISSN 1811–1629

Тираж 5 000 экз.

Подписано в печать 17.09.2012
Отпечатано в типографии «Инфо Ол»,
Санкт-Петербург,
ул. Рентгена, д. 1

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи не возвращаются

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Материалы с краткой аннотацией и списком ключевых слов просьба представлять только в электронном виде. Требования к оформлению статей:
http://www.spbmirs.ru/magazine/rules.html

63 Ж. Кимпалу
Обращения и вежливость в деловой письменной речи (с позиции носителя языка лингала)

[взаимосвязь литературы и языка]

66 А. В. Калашников
Евангелие в переводе Л. Н. Толстого
73 Н. В. Пушкарёва
Подтекст как средство углубления смысловой перспективы прозаического текста
80 О. С. Шурупова
«Дышал ноябрь осенним хладом...»
(Время действия в Петербургском тексте русской литературы)
83 Н. В. Семенова
«Человек с ружьем» Н. Ф. Погодина: экранизация и инсценировка

[методика преподавания русского языка]

91 Н. А. Вострякова
Русский кинотекст в сознании инофона: Проблема адекватности восприятия и её решение на материале кинотекста «Опять двойка!»
98 Е. Р. Корниенко
Роль сказочного дискурса в русском культурном пространстве
103 М. Бансимба
Трудности и барьеры в обучении русскому языку в конголезской аудитории
106 Г. С. Шатохина
Русский язык для детей в Японии

[представляем новые книги. рецензии]

11 М. А. Шахматова, Н. Е. Якименко —
Зиновьева Е. И. Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков: Монография. — СПб.: Изд-во «Осипова», 2012. — 148 с.
23 В. И. Коньков —
Щукина Д. А., Атаева Е. В., Беспалова О. Е. и др. Основы деловой коммуникации: Учеб. пособие по русскому языку и культуре речи. — СПб.: МИРС, 2011. — 267 с.
61 Журнал русистов Кыргызстана

[хроника]

54 Выездная сессия «МАПРЯЛ — Русскому миру»
(г. Бишкек, Киргизия, 2–4 сентября 2012 года)
97 Выездная сессия «МАПРЯЛ — Русскому миру»
(г. Шеньян, г. Далянь, Китай, 15–17 сентября 2012 года)

[россия... народы, языки, культуры]

110 Владимир

Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)
при поддержке фонда «Русский мир»
11–13 октября 2012 года проводит

III КОНГРЕСС РОПРЯЛ «ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

Место проведения — Санкт-Петербург, гостиница «Парк Инн Пулковская»,
площадь Победы, д. 1 (м. «Московская»)

Состав Оргкомитета

Председатель — Президент СПбГУ, декан Филологического факультета СПбГУ, академик РАО, президент РОПРЯЛ, президент МАПРЯЛ, председатель Попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Алексеевна Вербицкая.

Заместитель Председателя — Директор Института русского языка и культуры филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, вице-президент РОПРЯЛ, генеральный секретарь МАПРЯЛ, член Попечительского совета фонда «Русский мир» Евгений Ефимович Юрков.

Тематические направления работы конгресса

1. Русский язык и его социокультурное функционирование

– Новое в теоретическом описании и методологии изучения русского языка.

– Русский язык как государственный: функции и сферы употребления.

– Язык СМИ и проблемы социокультурного воздействия.

– Интернет как средство самовыражения и социокультурного воздействия.

– Грамматика в процессе понимания и порождения связной речи.

– *Коммуникативный речевой идеал и реальная речевая практика в современной России* (круглый стол).

2. Русский язык, литература и культура в социокультурном пространстве современной России

– Язык и культура: проблемы взаимодействия в современной России.

– Современные субкультуры России в аспекте лингвокультурологии.

– Проблемы межкультурного общения в современной России.

– Терминосистема современной лингвокультурологии: проблемы формирования и употребления.

– *Общекультурный код современных россиян: миф или реальность?* (круглый стол).

3. Русская литература в современном мире

– Преемственность образовательного процесса в изучении русской словесности: «школа — вуз — профессиональная деятельность».

– Русская литература в иностранной аудитории.

– Проблемы изучения художественной литературы в контексте мировой культуры и межнационального общения.

– Нравственно-воспитательный потенциал русской литературы.

– Новые учебные программы и курсы по русской литературе.

– *Российские писатели в осмыслении жизни современной России* (круглый стол).

4. Русский язык в школе: цели и проблемы обучения

– Проблемы преподавания русского языка в условиях внедрения новых образовательных стандартов.

– Современные учебно-методические комплексы по русскому языку: проблемы создания и внедрения.

– *Современный учебник по русскому языку и проблемы формирования творческой языковой личности* (круглый стол).

5. Русский язык как неродной: проблемы функционирования и преподавания

– Проблемы создания и перспективы внедрения национально ориентированных учебников по русскому языку как неродному.

– Проблемы преподавания русского языка в поликультурной школе в контексте качества обучения.

– Русский язык как неродной в сфере трудовой миграции: освоение — усвоение — контроль.

– *Опыт работы в поликультурной школе: достижения и проблемы* (круглый стол).

6. РКИ в современном лингвокультурном пространстве

– Развитие новых подходов к обучению русскому языку как иностранному.

– Уровневый подход и личностно ориентированное обучение: проблемы взаимодействия.

– Учебно-научная и профессиональная сфера общения: проблемы обучения.

– Дискурс, текст, речевой жанр, речевые стратегии и тактики в обучении русскому языку как иностранному.

– *Гуманизация современного образования и новые тенденции в обучении русскому языку как иностранному* (круглый стол).

7. Компьютерные технологии в обучении русскому языку и культуре

– Сетевая (электронная) лингводидактика в виртуальной образовательной среде e-learning: возможности виртуальной обучающей среды и перспективы её развития.

– Владение компьютерными технологиями как составляющая профессиональной компетенции современного преподавателя русского языка как иностранного.

– Проблемы компьютерного тестирования.

– *Компьютерные технологии в процессе преподавания русского языка и русского языка как иностранного* (круглый стол).

8. Круглый стол редакторов журналов в области русистики

Заявки на участие в Конгрессе и статьи для публикации принимаются **до 20 сентября 2012 года.**

Учитывая опыт проведения конгрессов РОПРЯЛ, рекомендуемый регламент для доклада — 20 мин., для сообщения — 5–6 мин.

Публикация сборника статей

Сборник статей будет опубликован по окончании Конгресса, а также размещён на сайте РОПРЯЛ.

Требования к оформлению статьи

Статьи по материалам докладов принимаются в электронном виде по адресу info@ropryal.ru **до 20 сентября 2012 года**.

Язык статьи — русский. Объём публикации — до 6 стр. Поля: левое — 3 см, правое — 1 см, верхнее и нижнее — по 2 см. Абзац (отступ) — 1 см. Шрифт — Times New Roman, 14 пт через 1,5 интервала.

Выделение текста курсивом и/или полужирным начертанием допускается только в тексте статьи; информация об авторе, заголовок и примечания приводятся указанным шрифтом без выделения.

В оформлении текста не допускаются: автоматические ссылки, надстрочные и подстрочные символы, колонтитулы, расстановка номеров страниц.

Имя, отчество и фамилия автора, а также название организации, в которой он работает, указывается в верхнем правом углу.

Заголовок статьи приводится по центру.

Вся дополнительная информация (ссылки, комментарии и т. п.) приводятся в конце статьи в разделе «Примечания».

Образец оформления текста доклада

Сергеева Ирина Петровна
Волжский государственный университет

Художественный текст в иностранной аудитории

Текст текст текст текст текст текст текст [1] текст текст текст текст текст текст [2] текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст текст.

Примечания:

[1] Зайцев В. Т. Анализ художественного произведения...

[2] Известны также другие точки зрения на ...

Программа Конгресса будет размещена на сайте РОПРЯЛ http://www.ropryal.ru 1 октября 2012 года.

Регистрация участников Конгресса будет проходить 11 октября 2012 года с 8.30 до 10.00 по адресу: Санкт-Петербург, гостиница «Парк Инн Пулковская», площадь Победы, д. 1 (м. «Московская»).

Регистрационный взнос и плата за публикацию **не взимаются.**

Проживание

Для членов РОПРЯЛ предусмотрено проживание в двухместных номерах (с завтраком) в гостинице «Парк Инн Пулковская» за счет организаторов Конгресса (коллективные члены РОПРЯЛ делегируют *по одному* представителю своей организации). Номера для них будут забронированы организаторами конгресса по предварительным заявкам.

Проезд за счет участников Конгресса.

Остальные участники Конгресса несут расходы, связанные с оплатой проезда и проживания, самостоятельно. Кроме того, обращаем Ваше внимание, что Вам необходимо самостоятельно заказать гостиницу.

Парк Инн Пулковская
площадь Победы, д. 1, Санкт-Петербург, 196240
8 (812) 740 39 00
http://www.parkinn.ru/hotelpulkovskaya-stpetersburg
(здесь будут проходить заседания по направлениям и круглые столы)
1-местн. номер — 3500–3900 руб.
2-местн. номер — 4100–4900 руб.

Указываем также более экономичные варианты размещения недалеко от места проведения Конгресса.

1. **МИР, гостиница**
улица Гастелло, 17, Санкт-Петербург, Россия, 196135
8 (812) 708 51 66
hotelmir.spb.ru
1-местн. номер — 2700–2900 руб.
2-местн. номер — 2800–3400 руб.

2. **Немецкий Клуб, Гостиница**
ул. Гастелло, 20, Санкт-Петербург, 196135
8 (812) 371 51 04
hotelgermanclub.com
1-местн.номер — 2600 руб.
2-местн. номер — 3100 руб.

Культурная программа и питание

Для участников запланирована культурная программа за счёт Организаторов Конгресса. Во время работы Конгресса будут организованы 4 кофе-брейка, а также заключительный банкет.

Адрес Оргкомитета:
Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ),
к. 201, д. 11/2, наб. Лейтенанта Шмидта,
Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Телефоны Оргкомитета:
(812) 325 11 32, (812) 323 66 20, (812) 320 68 62.

E-mail: info@ropryal.ru

http://www.ropryal.ru

Н. Н. Рогозная

ОПИСАНИЕ КОРПУСА ИНТЕРЯЗЫКА

NINA N. ROGOZNAYA
DESCRIPTION OF THE INTERLANGUAGE CORPUS

В статье рассматривается проблема функционирования субординативного (подчиненного) билингвизма с позиции наличия промежуточной лингвистической системы (интерязыка), возникающей при контактировании двух языков, находящихся в неравных условиях существования. Анализ развития теории интерязыка за рубежом и в отечественной лингвистике помогает осмыслению, пониманию и описанию субстанции промежуточной компетенции.

Ключевые слова: субординативный билингвизм, интерязык, описание корпуса интерязыка.

The article covers the problem of functioning of subordinate bilingualism in the view of language intersystem existence that takes place within contacting two languages in unequal conditions. The analysis of theory of interlanguage genesis helps in the intermediate competence understanding and describing.

Keywords: subordinate bilingualism, interlanguage, description of the interlanguage corpus.

Нина Николаевна Рогозная

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Иркутского государственного технического университета
► g09@istu.edu

Современный билингвизм перешагнул рамки замкнутого круга и перешел в состояние всеобщей востребованности. Вот почему необходимо пристальное изучение различных аспектов билингвизма и его функционирования в современном мире, а значит, необходим пересмотр и некоторых теоретических и практических воззрений на объект исследования с новых позиций. Одним из основных положений в современный науке следует признать основополагающую сущность антропоцентрической парадигмы, признающей главенствующую линию поворота к личности, персоналии. Это не случайно. Являясь самым совершенным творением природы, человек попадает в центр не только движения мирового прогресса, защиты и сохранения его как вида, но и в центр индивидуализации человека.

Поэтому современное состояние билингвизма требует комплексного подхода и разностороннего описания.

При анализе корпуса интерязыка следует прежде всего определить его место в лингвистике, в связи с чем необходимо пересмотреть некоторые термины и их значения.

Почти во всех лингвистических источниках термин «двуязычие» синонимичен термину «билингвизм».

Это не совсем верно, проще сказать, совсем неверно, т. к. термин «двуязычие» по своему семантическому объему шире термина «билингвизм» и включает еще такое понятие, как «диглоссия». Следовательно, равноправны термины «диглоссия» и «билингвизм». Под диглоссией следует понимать две разновидности одного и того же языка, например литературный язык и диалект. Под билингвизмом следует понимать сосуществование в сознании индивида двух языковых систем, находящихся в определенных отношениях.

Такие отношения, по определению У. Вайрайха [1], могут быть координативными, коррелятивными и субординативными, что представлено на схеме 1.

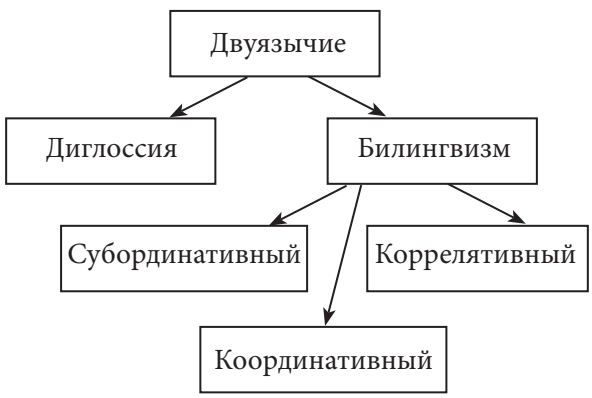


Схема 1. **Место билингвизма в системе двуязычия**

При рассмотрении трех видов (типов) билингвизма мы прежде всего обращаемся к термину «субординативный» (подчиненный) билингвизм.

В аудиторных условиях преподаватель-практик и лингвист-теоретик сталкиваются с этим термином и явлением очень часто и при описании языковых контактов, вот почему некоторые лингвисты иногда называют его «классным» билингвизмом [3].

В системе субординативного билингвизма следует выделить два явления: акцент и интерференцию. И вновь отметим, что они не являются синонимами, но отсутствие понимания этого приводит к синонимическому использованию этих терминов и смешению явлений.

Дело в том, что акцент следует считать явлением социолингвистического порядка, понимание акцента связано с перцепцией и сводится к констатации отклонения от нормы, возникающего в коре головного мозга «слушающего» как импульс на ошибку, а интерференция локализована в коре головного мозга «говорящего», который чаще всего не знает, не догадывается о своих ошибках.

Интерференция, пронизывая все лингвистические ярусы, функционирует в системе интерязыка.

«Интерязык» представляет собой некую промежуточную компетентностную область и вместе с правильно усвоенными формами языковой системы второго (неродного) языка ($Я_2$) имеет такие единицы, которых нет ни в $Я_1$ (родном языке), ни в $Я_2$.

Таким образом, ошибки, вызванные интерференцией (отклонением от норм и правил контактирующих языков), следует называть интерферентами. Они считаются результатом воздействия интерференции. Однако интерференция — это не ошибка, как часто понимают в лингвистической литературе, это явление, существующее в системе интерязыка, некий вирус, червь, который ее пронизывает и разрушает.

В связи с таким пониманием (правильно только такое понимание) интерференции следует обратиться к родовому понятию «языковой перенос», которое может быть представлено двумя видовыми понятиями: интерференцией и транспозицией (схема 2).

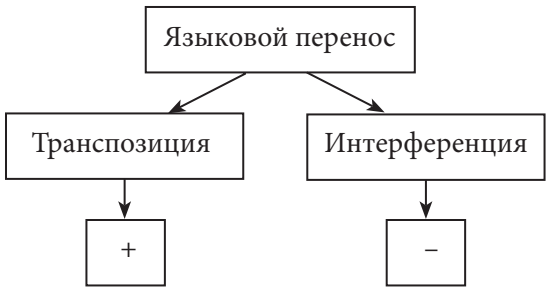


Схема 2. **Родо-видовое понимание языкового переноса**

Под интерференцией мы понимаем отрицательный языковой перенос из системы $Я_1$ в систему $Я_2$.

Под транспозицией мы понимаем положительный языковой перенос, помогающий по каким-либо причинам (нам пока не известным) правильному усвоению $Я_2$. Н. А. Любимова придерживается иного взгляда на интерференцию, говоря о том, что интерференция может быть «положительной» и «отрицательной». Транспозиция как положительный перенос ею не рассматривается.

Нам кажется, что такое понимание термина «интерференция» затемняет его семантику.

Справедливо заметить, что если «говорящий» не осознает, что «нечто» помогает ему в овладении $Я_2$, то он бессознательно переносит «это» (эти знания, умения, навыки), не задумываясь над тем, откуда он «это» знает. Скорее всего, языковая транспозиция является некой универсалией, способствующей усвоению $Я_2$ на базе первичной лингвистической системы, первичных знаний. Поэтому мы считаем, что под интерференцией следует понимать только отрицательный перенос языкового материала, который часто трансформирован настолько, что его нельзя отнести ни к $Я_1$, ни к $Я_2$, а только к «$Я_и$» (интерязыку).

Пожалуй, все лингвисты солидарны в выделении видов интерференции: межъязыковой и внутриязыковой, но в понимании этих терминов также не единодушны.

Мы понимаем под межъязыковой интерференцией перенос из родного языка, а под внутриязыковой — перенос явлений внутри $Я_2$. И то и другое может быть на любом лингвистическом ярусе. Соответственно ошибки в системе $Я_и$ мы назвали, исходя из природы их существования.

1. Графоференты — ошибки графического яруса (мы выделяем их вслед за В. А. Виноградовым [2]).
2. Фоноференты — ошибки фонетического яруса.
3. Лексоференты — ошибки лексического яруса.
4. Граммаференты — ошибки грамматического яруса.
5. Синтоференты — ошибки синтаксического яруса.
6. Прагмаференты (или текстоференты) — ошибки прагматического яруса.

Таким образом, каждый ярус имеет свои единицы, что и составляет его корпус — динамическую развивающуюся систему, освобождающуюся от суррогатных примесей и двигающуюся в сторону совершенного (координативного) билингвизма.

Анализ единиц каждого яруса интерязыка мы предлагаем проводить по пяти параметрам: полное тождество, формальное тождество, частичное совпадение, несовпадения, отсутствие единицы. Анализ системы интерязыка строится на сопоставлении двух контактирующих лингвистических систем и, естественно, на попеременном обращении то к родной, то к изучаемой системе языка для определения фактов отклонений, поиска различий, соответствий/несоответствий, т. к. идея похожести языков, питавшая методику XX века, сегодня не выдерживает критики и должна быть пересмотрена.

Кроме всего прочего, необходимо обратить внимание на психолингвистический аспект при овладении $Я_2$. Встают проблемы исследования интереференции по обе стороны контактирующих языков. Но и это еще не всё. Изучающие иностранный язык создают личную грамматическую память, собственную систему применения грамматическую знаний и собственный механизм изучения языка», то есть существует индивидуальный язык обучающегося. Но к индивидуальным особенностям обучающего, хотим мы этого или нет, добавляется национально ориентированная специфика интерязыка, и родной язык ведет себя предсказуемо в моноязычной аудитории, т. к. большинство нарушений запрограммировано $Я_1$. Вследствие этого рождаются типичные межъязыковые интерференты. Индивидуальными могут быть внутриязыковые интерференты. Таким образом, интерязык отражает не только языковой уровень изучающего, его языковую компетенцию, но и его национальную принадлежность: француз не сделает таких ошибок, как китаец, а китаец таких, как русский, и т. д. Особенностью интерязыка при субординативном билингвизме является то, что это — открытая система, которая способна постоянно развиваться. Существуют 3 составляющих субординативного билингвизма.

1. Очищение от суррогатных примесей (динамический билингвизм — наиболее встречаемое явление в практике овладения $Я_2$).

2. Окостенение — функционирование языка без изменений, остановка в развитии. Окостенение может охватывать любой лингвистический ярус, может появиться на любом этапе изучения, но чаще всего возникает на элементарном и базовом уровнях и практически никогда не изменяется, какие бы методические приемы и тактики не предпринимались. Это психолингвистический механизм, который трудно преодолеть.

3. Отмирание происходит в силу невостребованности изучаемого языка. На этом этапе активно забывается $Я_2$ и говорящий полностью возвращается к исходной лингвистической системе $Я_1$. Реже, происходит полное забывание первичной лингвистической системы $Я_1$ и используется только вновь приобретенная.

При изучении любой пары контактирующих языков мы сталкиваемся с явлением интерязыка и продуктом его функционирования — интерференцией. Условия функционирования интерязыка предполагают существование «левого» предела в виде родного языка и «правого» в виде неродного (схема 3).

Схема 3. **Переделы функционирования интерязыка**

И «левый», и «правый» пределы допускают возможность ошибки в языке, но совершенно иного рода, нежели ошибки, возникающие в системе интерязыка. Поуровневый анализ системы интерязыка показывает, что больше всего проблем мы имеем на элементарном, базовом и первом уровнях, когда откат знаний к родному языку достигает иногда 70–80%.

Следует заметить, что учащиеся могут вырабатывать свои индивидуальные психологические модели изучения языка: личную грамматическую память, собственную прагматическую систему применения знаний, индивидуальные приемы овладения знаниями, механизмы защиты от информации и т. д.

До сих пор среди лингвистов нет полного понимания методов и способов не только описания, но и критериев выделения корпуса интерязыка, поэтому в данной статье впервые предлагается обсуждению эта проблема и описывается понимание интерязыка как системы. Ясно только то, что интерязык имеет следующие особенности:

– возникает при контактировании двух (и более) языковых систем;

– представляет собой целостную систему;

– при динамическом (субординативном) билингвизме — это непрерывная, саморазвивающаяся индивидуальная языковая система;

– существование интерязыка — языковой факт, отражающий языковую компетенцию изучающего на неродном языке;

– развитие интерязыка идет в направлениях очищения от суррогатных примесей окостенения и отмирания;

– объективно интерязык составляет вместе с национально ориентированными языковыми компонентами психолингвистическую систему индивида;

– интерязыков столько, сколько существует парных языковых контактов;

– интерязык изучающих в моноязычной аудитории похож;

– интерязык имеет «предел слева» (родной язык) и «предел справа» (неродной изучаемый);

– порядок и уровень развития интерязыка мононациональной группы и индивида можно просчитать по определенной формуле, а также можно рассчитать индивидуальный трек функционирования развития интерязыка [4; 5; 6];

– усвоение второго (неродного) языка можно активизировать, если методика преподавания иностранного языка будет учитывать явление интерференции и использовать новые билингвальные модели обучения;

– интерязык — это непрерывная, саморазвивающаяся система при динамическом субординативном билингвизме.

При описании субординативного билингвизма возможны настоящие научные открытия, раскрывающие природу образования и анализ функционирования ошибочных речевых произведений.

Исследование интерязыка как промежуточной лингвистической системы является важной актуальной проблемой. Интерязык следует понимать, прежде всего, как индивидуальную систему,

находящуюся в состоянии промежуточной компетенции, локализующуюся между родным и изучаемым неродным языком. Естественно, в языковом сознании индивида интерязык приобретает групповой характер в определенной мононациональной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнрах У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.

2. *Виноградов В. А.* Лингвистика и обучение языку. М., 2003.

3. *Любимова Н. А.* Фонетический аспект общения на неродном языке. Л., 1988.

4. *Рогозная Н. Н.* Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск, 2001.

5. *Рогозная Н. Н.* Моя твоя не понимай или Interlanguage // Русский язык за рубежом. 2003. № 1, 2.

6. *Рогозная Н. Н., Кирий В. Г.* Математическая модель субординативного билингвизма // Вестн. ИрГТУ. № 2. Иркутск, 2009.

[представляем новые книги. рецензии]

ЗИНОВЬЕВА Е. И. ОЧЕРКИ ПО ФРАЗЕОЛОГИИ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВЕКОВ:

Монография. — СПб.: Изд-во «Осипова», 2012. — 148 с.

В 2012 году вышли из печати «Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» — монография известного лингвиста, лексиколога, историка языка Е. И. Зиновьевой.

Работа посвящена систематизации и детальному описанию фразеологизмов в период формирования русского национального языка. Исследованию текстового материала памятников предшествует изложение теоретических основ исторической фразеологии и представление методов её изучения, направленных на выявление актуальных эволюционных процессов внутри корпуса устойчивых сочетаний.

Определенным вкладом в историческое изучение русского языка служит описанный в работе на фразеологическом материале начальный этап становления языковой нормы и рассмотрение в этой связи проблемы формирования функциональных разновидностей языка. Стилистическая дифференциация фразеологизмов и лексики в обиходном языке XVI–XVII веков, как показано в исследовании, становится базой для становления самостоятельных функциональных стилей.

В работе показаны различные фразеологические объединения: тематическая группа речевого этикета, фразеосемантическое поле речи, формулы деловой письменности. Анализ этих объединений обнаружил, что многие современные фразеологизмы в исследуемый период уже сложились или находились в стадии становления.

При описании фразеологизмов в работе используются лингвокультурологический, лексикографический и семантико-функциональный подходы, что позволяет автору подметить тончайшие оттенки значений языковых единиц. Лингвокогнитивный подход даёт автору возможность выявить и описать такие нашедшие выражение во ФЕ доминанты языкового сознания, как Душа, Грех, Дело, сделать выводы об отдельных фрагментах языковой картины мира рассматриваемой эпохи.

Семантико-функциональному подходу обязано описание богатства системных связей фразеологических сочетаний, выявление сохраняющегося синкретизма значений устойчивых сочетаний, описание динамических процессов, активно проявляющихся в языке в рассматриваемый период, а также семантической структуры полисемантического слова, построение системы фразеологических единиц, вокруг вербализации значения главного слова — компонента ФЕ.

Рецензируемая монография является ценным вкладом в отечественную фразеологию и будет полезна лингвистам, лингвокультурологам и всем, кто интересуется историей русского языка.

М. А. Шахматова,
канд. филол. наук, доцент СПбГУ,
Н. Е. Якименко, канд. пед. наук, доцент СПбГУ

О. А. Селюнина

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ВТОРИЧНОЙ СВЯЗЬЮ, ФОРМАЛИЗОВАННОЙ РЕЛЯТИВАМИ *И ТО, ДА И ТО, НО И ТО, ДА ЕЩЕ*

OLGA A. SELYUNINA

THE POLYPREDICATIVE CONSTRUCTIONS OF THE SECONDARY LINK, FORMALIZED BY RELATIVES *И ТО, ДА И ТО, НО И ТО, ДА ЕЩЕ*

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности построений, не нашедших места в классификациях сложного предложения, но входящих в языковую систему, — бипредикативных построений, части которых связаны двумя средствами связи, а именно подчинительным союзом и присоединительным релятивом.

Ключевые слова: конструкционный аспект, синтаксическая конструкция, вторичная связь.

The article deals with the structural and semantic features of the constructions absent upon the classification of complex sentences, but within the language system — bipredikativ constructions parts of which are connected by two means of communication, namely, subordinate conjunctions and connecting relativistic.

Keywords: structural aspect, syntactic conjunction, secondary link.

Ольга Анатольевна Селюнина

Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка Института русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток)
► selan@rphil.dvgu.ru

В центре нашего внимания специфические структуры, которые в специальной литературе часто представлены не терминологически, а примерами типа «*пришел, но поздно*» (см., например: [2; 16]), поскольку не получили однозначной трактовки. Они рассматриваются в рамках понятий «присоединение» (Н. П. Киселева, Хан Хи Чжон), «пояснение» (Л. Д. Чеснокова), «уточнение» (В. Н. Перетрухин), «функциональная однородность» (Н. В. Ветрова), «коммуникативная однородность» (В. З. Санников, Е. Ф. Троицкий, И. М. Богуславский). В них видят фразеосхемы (М. С. Милованова), сложные предложения с эллипсисом во второй предикативной единице (И. А. Попова, Е. Н. Ширяев) и союзные конструкции, совмещающие в себе признаки простого и сложного предложения (Е. Ф. Троицкий, Н. Н. Скрипникова).

Особую интерпретацию они получили в работах А. Ф. Прияткиной, обнаружившей главное отличительное свойство этих конструкций — двухуровневое синтаксическое строение: «...союз выражает отношения между словами уже вступившими в сочетание посредством словоформ» [8: 96]. Ср.: *Я пишу, но пустячки; Дело медленно, но движется; Нам предстояла недолгая, но разлука* и *пишу пустячки, медленно движется, недолгая разлука.* Союз в этих построениях накладывает новый ярус синтаксических отношений на уже существующую связь словоформ (т. е. на первичную связь). Это отношение и союзную связь ученый называет вторичными.

Исследования конкретных проявлений конструкции с вторичной связью показали, что вторичная связь может наслаиваться не только на связь, характерную для словосочетания и простого предложения, но и на те связи, которые возникают между частями сложного предложения. Сообразно с этим особого рассмотрения заслуживают построения, состоящие из двух предикативных единиц, соединенных при помощи подчинительного союза и присоединительного релятива. Например: *Похлебку конвойные раздавали один раз в день,* ***и то, если*** *поезд стоял* (А. Тарасов. Миллионер; «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru) — далее НКРЯ); *В армии горными костюмами снабжаются десантники, спецназ,* ***да и то если*** *они работают в горах* (Солдат удачи. 2004.07.07; НКРЯ); *И нельзя было не любоваться всем этим,* ***да еще когда*** *летишь на такой машине* (С. Вишенков. Испытатели; НКРЯ); *Одному тебе повезло,* ***и то потому что*** *ты так яростно рвался из нашего круга наружу* (О. Дивов. Выбраковка; НКРЯ); *Для вас, а не для кого больше на свете, я молчать соглашаюсь,* ***и то пока*** *мочь будет* (Д. И. Фонвизин. Бригадир; НКРЯ) и под. Именно эти построения являются объектом исследования в данной статье.

Такие построения не находят места в известных классификациях сложного предложения, они не только не описаны, но и практически не упоминаются в лингвистической литературе. Причина вполне понятна: наличие сразу двух средств связи между двумя предикативными единицами не позволяет квалифицировать рассматриваемые построения в терминах синтаксических единиц. Представляется целесообразным продолжить разговор на эту тему не в аспекте предложения, а в аспекте синтаксической конструкции [8; 12], поскольку конструкционный аспект особенно ярко демонстрирует свою жизненную силу при анализе тех фактов, которые не вписываются в систему типичных, эталонных синтаксических единиц.

При рассмотрении исследуемых построений прежде всего обнаруживается, что присоединительный релятив выражает отношения между предикативными единицами уже вступившими в сочетание посредством подчинительного союза. Релятив как бы накладывает новый уровень синтаксических отношений на уже существующую подчинительную связь. Это отношение и соответственно связь можно назвать вторичными.

Вторая (вторичная) линия связи в этих конструкциях строится на базе первичной формальной основы, представляющей собой сложноподчиненное предложение. Подчинительная связь в изучаемых построениях является первичной, она создает первый (предложенческий) уровень.

Первый уровень связи может быть оформлен при помощи союзов *если, когда, пока, чтобы, после того как, потому что, оттого что, при условии что*. Например: *Джентльменом в этой троице был только Шейх Спиря, да и то* ***пока*** *в нем начинала закипать горячая кровь пустыни* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона; НКРЯ); *Это обстоятельство не могло расстроить только Игоря, да и то* ***потому что*** *он был без сознания* (И. Былинин. Море); *Я сошел всего два раза на берег, и то* ***чтоб*** *только очистить совесть,* ***чтоб*** *не упрекали, что не ступил ногой на не известный никому берег* (И. А. Гончаров. Письма; НКРЯ).

Таким образом, базовым построением исследуемой конструкции может быть сложноподчиненное предложение с условными, временными, причинными и целевыми отношениями. Ср.: *Джентльменом в этой троице был только Шейх Спиря,* ***пока*** *в нем начинала закипать горячая кровь пустыни*; *Это обстоятельство не могло расстроить только Игоря,* ***потому что*** *он был без сознания; Я сошел всего два раза на берег,* ***чтоб*** *только очистить совесть...*

Допускаем, что в качестве базового построения способны выступать и другие сложноподчиненные предложения, но факты такого рода нами не обнаружены, за исключением следующего: *Не все вокруг дворники. Но и самых прекрасных принцев,* ***да еще и которым*** *зачем-либо вдруг больше всех земных благ понадобилась бы я, тоже не так много попадается на жизненном пути...* (ICQ переписка; НКРЯ).

Вторая линия связи в рассматриваемых построениях оформляется при помощи служебных

единиц *и то, да и то, но и то, да еще*, обычно определяемых как собственно присоединительные союзы. Они создают текстовый уровень конструкции, выводя на первый план присоединительные отношения и маркируя присоединительную связь.

Наиболее изученным из рассматриваемых средств оформления второй линии связи является релятив *и то*. Он регулярно отмечается в современных словарях служебных слов, а также упоминается или описывается во многих научных работах, в частности посвященных проблемам служебных средств языка и присоединения. Существует и специальная работа, в которой представлен комплексный анализ семантики и функций *и то* [13], но в которой, кстати сказать, не отмечены случаи функционирования *и то* в полипредикативных построениях, части которых уже связаны подчинительными союзами.

По мнению М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [15: 125–126], служебное слово *и то* возникло в результате переосмысления местоимений, которые, сочетаясь с компонентом *и*, «втягиваются в орбиту служебных слов» и приобретают акцентно-выделительную и связующую функции. Ср.: *Уж на что родители суровы,* ***и те*** *рассмеялись* и *Уж на что родители суровы,* ***и то*** *рассмеялись*.

В трактовке грамматического статуса *и то* превалирует точка зрения, согласно которой данный релятив определяется как союз. Однако возможны и другие интерпретации. Так, В. В. Виноградов [1: 547] рассматривает *и то* в составе присоединительных частиц. Представители этого разряда жестко не противопоставлены союзам, поскольку соединяют функцию частицы со способностью союза выражать отношения и оформлять связь между частями предложения. Гибридный характер *и то* отмечается и в [9: 730].

Вместе с тем, безусловно, есть такие употребления, в которых *и то* в разной степени близок к союзу. Ср.: *Единственный хищник — динго,* ***и то*** *его считают одичалой домашней собакой, некогда привезенной сюда аборигенами* (Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами); *А бедной японкой занимался всего один человек,* ***и то*** *очень недолго* (Б. Акунин. Квест); *Отошли-ка ты лучше баб: что их слушать. [Черный:]* ***И то!*** (А. К. Толстой. Посадник; пример Р. П. Рогожниковой). Однако, как справедливо отмечают М. И. Черемисина и Т. А. Колосова [15: 126], разграничение союза *и то* и частицы *и то* остается проблематичным.

Релятивы *да и то, но и то* являются менее изученными, по сравнению с *и то*. Составители словарей, а также некоторые исследователи, например Ф. И. Серебряная, Н. П. Киселева, И. И. Горина, С. М. Колесникова, В. Н. Завьялов, считают *и то, да и то, но и то* отдельными союзами. Существуют и другие трактовки категориального статуса *да и то, но и то*. Так, согласно Н. Ю. Шведовой, их можно квалифицировать как некие «целые комплексы», которые организуются вокруг частицы-союза *и то* [9: 730].

Е. С. Шереметьева определяет *но и то* как союзное единство [14: 110].

В. З. Санников рассматривает *да и то* как объединение двух союзов, а именно *да* и *и то*. Эти союзы, как правило, не являются взаимозаменяемыми, поскольку *да* связывает однородные компоненты, а *и то* соединяет разнородные признаки, но свободно объединяются «без заметного изменения смысла» [10: 309]. Н. Н. Скрипникова [13], напротив, считает, что лексема *да* осложняет *и то.* М. В. Ляпон рассматривает *да и то, и то* в качестве модификации союза *да и* [6]. Р. Камю полагает, что *да и то* является сочетанием союза *да и* с местоимением *то* (*те, та, том*) [3].

Релятиву *да еще* посвящены работы Н. П. Киселевой [4] и А. Ф. Прияткиной [7], где он определяется как присоединительный союз. Вместе с тем усилительно-присоединительное *да еще* рассматривается и как сочетание присоединительного союза *да* с уточнителем *еще*, эксплицирующим значение усиления, расширения [5: 137–138].

В ряде работ релятивы *и то, да и то, но и то* противопоставляются *да еще*, например, как синсемантические соединения автосемантическому (В. Н. Завьялов) или как собственно присоединительные союзы присоединительной союзной скрепе (И. И. Горина). Однако все они способны организовать конструкцию с вторичной связью, при-

чем функционирующую в рамках как полипредикативной, так и монопредикативной единицы. И если первые ранее практически не отмечались, то вторые нашли отражение в лингвистической литературе [4; 5; 7; 8]. Самым острым моментом их исследования стало обнаружение того факта, что релятив *да еще* и особенно релятивы *и то, да и то, но и то* способны организовать построение, совмещающее признаки конструкции с вторичной связью и конструкции ряд. Это возможно в случае невхождения общего члена в состав ремы 1. Например, построение *Пришел на квартиру,* ***да еще*** *с товарищем* содержит две ремы (рема 1 — *на квартиру*, рема 2 — *с товарищем*), предикат не входит в состав ремы. Такое построение получило номинацию конструкция с вторичной связью на основе соподчинения. Считается, что соподчинение и вторичная связь не исключают друг друга, если сосуществуют на разных уровнях. Соподчинение обнаруживается только на первом, досоюзном, морфолого-синтаксическом, уровне. Ср.: *Пришел на квартиру с товарищем*. Вторичная связь проявляет себя только на уровне союза (второй, собственно-синтаксический уровень), но при этом послесоюзный член связан с предикатом опосредованно, через первый член. Было установлено, что сочетание разнофункциональности (обстоятельство места и дополнение) и неравноправия (присоединительные отношения) членов не дает возможности квалифицировать построение как ряд. Каждая из этих характеристик в отдельности лишь модифицирует ряд, но их совокупность ведет к разрушению ряда и образованию новой конструкции.

Полипредикативные построения с релятивами *и то, да и то, но и то, да еще*, в принципе, также могут быть охарактеризованы как построения с «чистой вторичной связью» и как построения с вторичной связью на основе соподчинения. Сопоставим два случая: 1) *Миниатюра «Ава» — сплошная импровизация,* ***да еще когда*** *Витя Ильченко ее подхватывал...* (Р. Карцев. Малой, Сухой и Писатель; НКРЯ); *Могу, конечно, рассказать про плюсы ГВ* (грудного вскармливания. — *О. С.*), ***но и то если*** *увижу интерес к этому вопросу* (Наши дети: Малыши до года. Форум, 2004; НКРЯ) и 2) *Трудился, почти как Флобер над «Саламбо», когда тот приказал своему слуге разговаривать с ним только по воскресениям,* ***да и то, чтобы*** *сказать ему всего три слова: «Сударь, сегодня воскресение»* (А. Мариенгоф. Это вам, потомки!; НКРЯ); *Это можно сделать только снегоходами или на собачьих упряжках,* ***и то если*** *за ними приедут родители* (В. Писигин. Письма с Чукотки; НКРЯ).

В построениях первого типа на подчинительную связь предикативных единиц, формализованную подчинительным союзом, наслаивается еще один уровень связи и отношений, оформляемых с помощью релятива.

В примерах второго типа обнаруживаются связанные по смыслу обстоятельства *только по воскресениям* и *чтобы сказать ему всего три слова, только снегоходами или на собачьих упряжках* и *если за ними приедут родители,* о которых, в принципе, можно сказать, что они подчинены одному общему члену *разговаривать* — в первом примере и *можно сделать* — во втором, то есть являются соподчиненными. Однако соподчиненные члены характеризуются разнофункциональностью (первый пример: обстоятельство времени и обстоятельство цели, второй пример: обстоятельство образа действия и обстоятельство условия) и неравноправием (присоединение), то есть конструкцию ряд не образуют. Семантика релятива не позволяет поставить компоненты отношения в один ряд: релятив вводит дополнительный компонент. Этот компонент предполагает все сказанное в досоюзной части, а не только выделенный значимый признак ситуации, с которым он семантически соотнесен. И в этом смысле различие между построениями первого и второго типа оказывается несущественным.

Вместе с тем вторая разновидность исследуемых построений встречается гораздо чаще первой, что, по всей видимости, обусловлено усугубляющей семантикой релятивов: *да еще, и то, да и то, но и то* вводят такой признак (обстоятельство), который подразумевает наличие другого, значимого, признака, по отношению к которому он выступает как усугубляющий. Эта семантическая особенность релятивов определяет специфи-

ку синтаксических построений, образуемых ими. Так, в построениях с релятивом *да еще* имеется три компонента: тезис, отражающий наличие некой ситуации (явления, объекта), значимый признак ситуации и усугубляющий признак, который усиливает аксиологическую оценку ситуации, положительную или отрицательную. Ср.: *Никто не одолеет нас на нашей территории, да еще когда мы на подъеме сил* (И. Крохмаль. Лишние); *Ты попробуй так пять дней в неделю, по восемь часов, да еще когда на тебя одного по три Т-790 выезжают* (В. Пелевин. Принц Госплана).

Смысловой центр построений с релятивами *и то, да и то, но и то* тоже представлен тремя структурно-семантичекими единицами: тезисом, отражающим наличие некой ситуации (явления, объекта), ограничителем первой ступени, являющимся значимым признаком этой ситуации, и «ограничителем второй ступени» [6] (усугубляющий признак), который «„обесценивает“ (а иногда и „сводит на нет“) прагматическое значение» [17: 44] описываемой ситуации. Так, построение *Свободный день у Васьки был только воскресенье, и то если не было срочной работы* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. В каменном колодце) может быть охарактеризовано как трехкомпонентное. Его первый компонент (тезис), отражающий наличие у Васьки свободного дня, характеризуется количественным ограничением — *только воскресенье* (второй компонент); третий компонент — *если не было срочной работы* — выступает в качестве усугубляющего ограничителя.

В построениях с *и то, да и то, но и то* трехкомпонентность проявляется в большей мере тогда, когда значимый признак акцентирован формальными языковыми средствами, такими, как ограничительные частицы *только, лишь, разве только, разве что, один, всего, не более* или слова другой частеречной принадлежности, имеющие семы ‘ограничение’ или ‘исключительность’, в частности наречия *как минимум, максимум,* предлоги *кроме, за исключением*, союз *кроме как* и под. Например: *В больницу же его вызвали утром неожиданно и сказали, что отец его находится на грани жизни и смерти, спасти его может* ***только*** *операция,* ***и то, если*** *ее делать теперь же, а не через час* (В. Орлов. Альтист Данилов; НКРЯ); *Он говорил «ты»* ***одному*** *Павлу —* ***и то потому, что*** *тот был слишком несчастлив, если б Соломин вздумал говорить ему «вы»* (И. С. Турненев. Новь); *Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни единого слова,* ***кроме как*** *попадье,* ***и то потому только, что*** *корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка) и под.

Как показывает материал, построения с актуализатором при ограничителе первой ступени более частотны, чем построения без актуализатора. При этом последние, как правило, допускают его подстановку, так как имеют лимитирующую семантику или называют признак, который оценивается говорящим как незначительный. Ср.: *Какая же Ялпух лужа, когда другой берег еле-еле видно,* ***да и то если*** *взобраться в плавнях на вербу* (Н. Дубов. Мальчик у моря; НКРЯ); *Пару раз мыл посуду* ***и то после того, как*** *ему что-то от меня понадобилось* (Наши дети: Дошколята и младшие школьники. Форум 2005; НКРЯ); *Кстати, дрянь пельмени, Лидия через силу проглотила один,* ***и то потому, что*** *постеснялась выплюнуть* (О. Некрасова. Платит последний; НКРЯ).

Прочтению выделенных компонентов как ограничителей первой ступени, безусловно, способствует наличие ограничителей второй ступени, вводимых с помощью релятивов *и то, да и то, но и то*. Функция ограничителя у компонента, вводимого таким релятивом, особенно ярко проявляется тогда, когда и он сам маркирован ограничительными частицами, хотя, как нам кажется, они при нем избыточны. Например: *Наиболее остро процесс похолодания происходит в семье, в этой главной ячейке общества: даже самые близкие родственники звонят друг другу раз в год «по обещанию»,* ***да и то лишь когда*** *им что-то «надо»* (В. Агранов. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике; НКРЯ); *Когда я почти насильно вытащил его из столовой, дилижансы уже отправились, и мы с трудом догнали их у Петровской заставы,* ***да и то потому только, что*** *тут обыкновенно все проезжающие останавливаются на несколько минут...* (М. Н. Загоскин. Москва и москвичи; НКРЯ).

Отмечены в нашем материале и факты двойного употребления акцентирующих средств, например: *Это было место, откуда можно было выйти* ***только*** *тяжелораненым, и то* ***только*** *если удавалось через лед вытащить его на северный берег реки с помощью волокуши* (И. М. Дьяконов. Книга Воспоминаний; НКРЯ); *И на капитуле Пятого Рима мог присутствовать* ***лишь*** *с правом совещательного голоса, как принято нынче выражаться, да и то* ***лишь****, когда позовут* (А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ; НКРЯ); *Во всю мою жизнь я убил* ***не более*** *десяти болотных кур и то* ***единственно*** *потому, что отыскивал их весьма прилежно* (С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии; НКРЯ); *Я сошел* ***всего*** *два раза на берег, и то чтоб* ***только*** *очистить совесть...* (И. А. Гончаров. Письма).

Ограничители первой и второй ступени могут быть представлены разнофункциональными членами, причем второй из них обязательно является обстоятельством. Например:

– подлежащее и обстоятельство времени: *Борьку остановили мужики, да и то когда навалились все* (В. Шукшин. Ораторский прием);

– подлежащее и обстоятельство причины: *Один только Подхалютин оставался не совсем доволен, но и то потому, что на предварительном совещании относительно картин не было принято его предложение* (В. В. Крестовский. Панургово стадо; НКРЯ);

– подлежащее и обстоятельство условия: *А ведь известно: только вода в колодце не убывает, да и то если черпать ее разумно* (В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном; НКРЯ);

– дополнение и обстоятельство условия: *Есть им придется один только хлеб, да и то если случится найти на станции продавцов* (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк; НКРЯ);

– дополнение и обстоятельство причины: *Впрочем, его намерение с самого начала не было понятно только Паше, да и то лишь потому, что тот наверняка не ожидал ничего подобного* (А. Берсенева. Полет над разлукой; НКРЯ);

– дополнение и обстоятельство времени: *Ты не можешь понять, есть ли у тебя вообще право ее видеть, потому что привык, что она должна быть открыта лишь высшей силе, и то когда человек умер и его душа отлетела к Богу, предстала перед Его судом* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря; НКРЯ);

– дополнение и обстоятельство цели: *Знай, что рассказал я это только тебе, да и то чтобы ты перестал дразнить Диму* (С. Плужникова. Событие).

Однако чаще всего эти компоненты представлены обстоятельствами разных разрядов, например:

– место и условие: *В богадельню ей идти придется, да и то если протекция* (И. Шмелев. Человек из ресторана);

– место и причина: *Мне не позвонили разве что из Антарктиды — и то только потому, что пингвины не эмигранты* (А. Битов. Русский устный и русский письменный);

– время и условие: *Отдыхать удавалось только по воскресениям, и то если нам давали увольнительные* (Ю. Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь; НКРЯ);

– время и причина: *Жастина признала меня хозяином только через сутки, да и то потому что оказалась одна и в совершенно непривычной обстановке* (разг.);

– образа действия и цель: *Пил он редко, да и то чтобы обычная усталость сменилась умиротворением* (С. Климова. Дом);

– цель и условие: *Бомжей здесь допускают только для ручной разборки, да и то если возникает дефицит рабочей силы* (Профессионал. 1998.07.01; НКРЯ) и т. д.

В редких случаях описываемые компоненты являются обстоятельствами одного семантического типа, чаще всего временного или условного, как в следующих примерах: *Она уже целый год как сломалась, а ты <u>только сейчас</u> заметил, да и то <u>когда тебе пальцем ткнули</u>* (П. С. Романов. Русь); *Стыдясь своих превращений, она плотно повязывала голову черным платком, который снимала <u>лишь на ночь</u>, и то — <u>после того, как задует лучину</u>* (А. Черкесов. Венок на могилу ветра; НКРЯ).

Рассматривая монопредикативные конструкции с вторичной связью на основе соподчинения, В. Т. Леонтьева [5] выделяет следующие условия их сближения с конструкцией ряд: невхождение общего члена в состав ремы, контактное расположение рематических компонентов, наличие актуализатора при реме 1 (и тем более

при обеих ремах), однофункциональность рематических компонентов. Комплекс этих признаков можно обнаружить в примерах последнего типа, однако их нельзя квалифицировать как конструкцию ряд: этому препятствует релятив, имеющий фиксированное значение добавочности, которое противоречит идее однородности.

Чтобы выявить роль такого релятива в исследуемых конструкциях, трансформируем построение *Этим судном можно пользоваться только при условии штиля, да и то только если начальник лагеря разрешит* (С. Сотников. Арбуз), заменив релятив *да и то* соединительным союзом *и*, наиболее типичным для конструкции ряд. Ср.: *Этим судном можно пользоваться только при условии штиля и только если начальник лагеря разрешит.*

Семантически предложения очень близки: и в первом, и во втором говорится о двух условиях пользования судном. В обоих случаях можно отметить некоторое нагнетание условий, каждое из которых претендует на единственность, о чем свидетельствует наличие ограничительной частицы *только* и при первом, и при втором условном компоненте. Однако в трансформе эти условия даны как взаимодополняющие и равноценные, а в исходном построении второе условие ограничивает, минимизирует первое.

В структурном отношении сравниваемые построения являются разными. Трансформ представляет собой конструкцию ряд, соподчиненные члены которого (*только при условии полного штиля, только если начальник лагеря разрешит*) связаны сочинительным союзом и одинаково зависят от общего для них члена (*можно пользоваться*). В исходном примере релятив *да и то* не дает возможности поставить члены отношения в один ряд: он присоединяет дополнительный компонент ко всей основной части построения.

Однако если заменить *да и то* противительным союзом *но*, то при сравнении построений обнаруживается, что разница в структуре исходного построения и трансформа не столь очевидна. Ср.: *Этим судном можно пользоваться только при условии штиля, но только если начальник лагеря разрешит.* В этом случае, вероятно, следует согласиться с В. Т. Леонтьевой, сделавшей вывод о возможности неразличения ряда и вторичной связи. С одной стороны, контактная позиция и особенно однофункциональность соподчиненных членов, при наличии которой неясно, имеем ли мы дело с двумя ремами или с одной нерасчлененной ремой, свидетельствуют в пользу трактовки построения как ряда. С другой стороны, ощущается, что союз устанавливает отношения не между соподчиненными членами, а между предикативными частями предложения. Причем из первой предикативной части можно элиминировать содержащийся в ней соподчиненный член: *Этим судном можно пользоваться, но только если начальник лагеря разрешит.* Образовавшийся в результате элиминации трансформ вполне может быть охарактеризован как полипредикативная конструкция с «чистой» вторичной связью.

Сомнения в наличии вторичной связи между предикативными единицами в условиях соподчинения не возникают лишь тогда, когда она оформлена специальной присоединительной скрепой. Ср.: *Этим судном можно пользоваться только при условии штиля,* ***причем*** *только если начальник лагеря разрешит.* Приведем несколько реальных примеров: *Теперь у меня нет сомнений, что девушка с такой ясностью взгляда должна пойти по правильному пути. Да, в конце концов такое может случиться,* ***к тому же, если*** *я увижу этот путь* (С. Жемайтис. Большая лагуна; НКРЯ); *Неожиданно один из секретарей СРК Мухи Машхади потребовал голосования по поводу отставки президента,* ***причем чтобы*** *решение непременно принималось единогласно* (О. Гриневский. Восток — дело тонкое; НКРЯ).

Релятивы *и то, да и то, но и то, да еще*, обычно определяемые как собственно-присоединительные (В. Л. Ринберг, П. В. Кобзев, И. И. Горина), присоединительно-градационные (Р. П. Рогожникова) или усилительно-присоединительные (Ф. И. Серебряная, С. М. Колесникова), тоже не дают оснований сомневаться в наличии вторичной связи в анализируемых построениях (кстати, они гораздо чаще оформляют вторую линию связи в полипредикативных построениях, чем *причем* или *к тому же*). Во-первых, на уров-

не предложения предикативная единица в зависимой грамматической форме ориентирована на предикат главной предикативной единицы, подчинена ему, о чем, в частности, свидетельствует наличие в ней подчинительного союза. Во-вторых, на уровне текста при помощи релятива предикативная единица в зависимой грамматической форме присоединяется ко всей первой предикативной единице, характеризующейся интонацией законченности, автосемантичностью и собственным актуальным членением (что особенно явно в случаях с парцелляцией: *А животные, их тоже жалко? В горсобрании подготовили законопроект и об их защите. Но пока повезло лишь «позвоночным». **Да и то, если** это не дикобегающие мыши и крысы* (Известия. 2002.07.14; НКРЯ); *Раньше о стариках только дети думали. **И то, если** правильно их вырастил* (О. Латифи. Земляки; НКРЯ); *Так прикольно наблюдать в контакте у себя в друзьях бывшего. **Да еще если** он сам добавился* (www.diary/~veronicca/p116713604.htm). В результате получается, что на текстовом уровне (второй уровень связи) для присоединительного релятива уже неважно, есть ли на первом уровне соподчиненные члены или нет. Он создает присоединительную конструкцию на базе подчинительной связи.

Казалось бы, что есть факты, которые могут опровергнуть такую трактовку. Это случаи интерпозитивного употребления компонента, вводимого релятивом. Однако мы склонны рассматривать их как экспрессивную модификацию исследуемых построений. Порядок расположения компонентов в таких модификациях связан с актуализацией, но поскольку актуализация не зависит от связи словоформ или предикативных единиц, не считается с их позицией в цепи последовательного подчинения, она не решает вопроса о типе конструкции (см. об этом в [7]). Приведем примеры экспрессивных модификаций: *Феогност <...> печально добавил, что только в Оптиной, **и то когда** в келье с ним вместе молился старец Питирим, монах совершенно святой жизни, бесы оставляли его в покое* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря; НКРЯ); *Мне лично профессорская сверхтребовательность к жене, **да еще после того, как** она отдала ему жизнь, несимпатична* (Юность. 1965; НКРЯ).

Экспрессивные модификации возможны и при других присоединительных скрепах. Ср.: *Такие помещения, **к тому же если** арендодатель является собственником и готов предоставить их на условиях прямой аренды, «уходят» за несколько дней* (Коммерсант-Daily. 1996.01.27; НКРЯ).

Необходимо также отметить, что в этих модификациях ощущается близость компонента, вводимого релятивом, к вставке. Особенно показателен в этом отношении следующий пример: *Он избегал общества и посещал **только, и то когда** не было гостей, губернаторский дом* (В. А. Соллогуб. Теменевская ярмарка; НКРЯ), где компонент ***и то когда** не было гостей* воспринимается как грамматически «инородное тело», вставленное в основной текст.

Впрочем, этот компонент может быть оформлен как вставка. Например: *...зиме в фильмах Чаплина вообще отведено очень небольшое (**да и то, когда** Чарли в шубе, как в «Золотой лихорадке») место...* (Экран и сцена. 2004.05.06; НКРЯ); *Речь шла об истреблении населения: оставшиеся, — **и то если** их признавали «подходящими», — онемечивались* (И. И. Минц. Великая Отечественная война Советского союза; НКРЯ).

Если служебные единства *и то, да и то, но и то, да еще* не создают конструкции ряд, то сочетание соединительного союза *да* с частицей-наречием *еще* вполне способно его образовать. В принципе, можно утверждать, что различение единства и сочетания *да еще* базируется на их конструктивных возможностях: сочетание *да еще* организует ряд, единство *да еще* — конструкцию с вторичной связью. Так, в предложении *Надежда Васильевна после рождества почти все время проводила в своей комнате, откуда показывалась только к обеду, **да еще когда** ходила в кабинет отца* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы) обнаруживается асимметричный ряд [11]: *показывалась только к обеду, да еще когда ходила в кабинет отца*, состоящий из двух членов: непредикативного *только к обеду* и предикативного *когда ходила в кабинет отца*, которые формаль-

но не зависят друг от друга, связаны между собой сочетанием *да еще*, относятся к общему для них члену *показывалась*. Сочетание *да еще* в этом построении может быть заменено союзом *да (=и)* или сочетанием соединительного союза *и* с полифункциональным словом *еще*. Наличие в русском языке двух разных *да еще* (единства и сочетания) убедительно доказано А. Ф. Прияткиной [7].

Итак, рассматриваемые структуры в конструкционном аспекте представляют собою конструкцию с вторичной связью. Важный формальный принцип их организации состоит в наложении одного вида связи на другой. Первый уровень связи создается подчинительными союзами. Синтаксическое образование этого уровня (базовое построение) — сложноподчиненное предложение. На его основе при помощи присоединительных релятивов *да еще, и то, да и то, но и то* выстраивается второй уровень связи — текстовый.

Специфика релятивов *да еще, и то, да и то, но и то* состоит в том, что для реализации их семантики часто нужны три компонента, однако создаваемая ими конструкция остается бинарной: семантическая трехчленность не предполагает трехчленности формально-синтаксической.

Да еще, и то, да и то, но и то являются универсальными средствами связи, так как могут присоединять как предикативные, так и непредикативные компоненты, в том числе в рамках конструкции с вторичной связью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.

2. *Данилевская Т. А.* К вопросу о конструкциях типа «Пришел, но поздно» // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения: Матер. междунар. конф.: В 2 ч. Воронеж, 2010. Ч. 1. С. 173–177.

3. *Камю Р.* ДА И // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998. С. 267–278.

4. *Киселева Н. П.* Присоединительные конструкции с союзом ДА ЕЩЕ // Вопросы русского языка. Ярославль, 1975. С. 22–31.

5. *Леонтьева В. Т.* Вторичная союзная связь как способ грамматикализации ремы: Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2000.

6. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

7. *Прияткина А. Ф.* Присоединительная конструкция с союзом «да еще» // Функции и условия употребления связующих средств в современном русском языке. Сб. науч. тр. Тюмень, 1987. С. 8–19.

8. *Прияткина А. Ф.* К изучению союзных связей «вторичного» характера // Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции). Избр. труды. Владивосток, 2007. С. 94–109.

9. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой: В 2 т. М., 1982. Т. 1: Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.

10. *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

11. *Селюнина О. А.* О синтаксическом статусе построений с сочинением разноуровневых компонентов // Русский язык в школе. М., 2009. № 8. С. 45–50.

12. *Селюнина О. А.* Сложное предложение и синтаксическая конструкция // Русский язык: Исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и матер. / Сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. М., 2010. С. 445–446.

13. *Скрипникова Н. Н.* Служебная единица И ТО и ее функциональные эквиваленты в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995.

14. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток, 2001.

15. *Черемисина М. И., Колосова Т. А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987.

16. *Чуглов В. И.* Об образованиях типа *Пришли, и вовремя; Пришли, но поздно* // Русский язык в школе. 2006. № 2. С. 76–80.

17. *Шувалова С. А.* Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990.

Е. И. Гражданкина

ОБОСОБЛЕННЫЙ ПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ
В СИСТЕМЕ КОНСТРУКЦИЙ, ОСЛОЖНЯЮЩИХ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

EKATERINA I. GRAZHDANKINA

ISOLATED PARTICIPIAL CONSTRUCTION IN THE SYSTEM OF CONSTRUCTIONS COMPLICATING A SENTENCE

В статье с опорой на работы, посвященные рассмотрению причастного оборота с семантической точки зрения, предлагается объяснение явления взаимозаменяемости причастного оборота и определительного придаточного предложения и ставится вопрос о необходимости описания условий выбора конструкций на основе учета контекстов их употребления.

Ключевые слова: пропозиция, ситуативная семантическая основа предложения, вариативность синтаксической реализации дополнительной пропозиции.

The article based on different researches covering participial construction from a semantic point of view provides an explanation of the phenomenon of the interchangeability of a participial construction versus attributive subordinate clause, and brings up the question of a necessity to describe the conditions of the structure's selection on the basis of a consideration of the context of their use.

Keywords: proposition, situational semantic basis of a sentence, variety of syntactical realization of additional proposition

Языкознание XXI века активно развивается в когнитивном направлении, которое исходит из того, что все особенности культуры нации, процесс ее развития, значимые события отражаются в языке, что делает его уникальным, фиксируя мир человеческих ценностей, характерных именно для этого народа.

Все указанные положения оказались непосредственно связанными с развитием семантики, которая наблюдает, как в языковых значениях отражается реальность, как она интерпретируется носителем языка, позволяя представить существующую в его сознании картину мира. Однако непосредственно в речи в действие вступают коммуникативные установки. Перед говорящим постоянно стоит задача не просто передать информацию о действительности, но и ранжировать ее компоненты по степени важности в составе высказывания, учитывая при этом уровень понимания речи адресатом. Для решения этой задачи используются разного рода синтаксические конструкции, среди которых особое место принадлежит обособлению.

Обособление традиционно относится к случаям осложнения предложения, которое оказывается конструкцией «с более сложной семантической организацией» [1: 631]. В классе осложненных принято рассматривать предложения:

1) с обособленными членами;
2) с однородными членами;
3) с вводными и вставными конструкциями;
4) с обращением.

Екатерина Игоревна Гражданкина

Ассистент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета
► ekaterina_cuba@mail.ru

Общим для них является приспособленность синтаксического построения для выражения б**о**льшего семантического объема, чем тот, какой обычно выражается в неосложненных предложениях. С этим обстоятельством связан и особый интонационный характер таких предложений, на что обращал внимание А. М. Пешковский [3: 375–376].

Однако если подойти к этим конструкциям с семантической точки зрения, учитывая присутствие в составе предложения информации о действительности (диктума) и сообщения о взаимодействии адресанта и адресата (модуса), то станет ясно, что здесь обнаруживаются случаи принадлежности к одному или другому семантическому типу. Так, обращение, вводные конструкции прямо связаны с коммуникативным аспектом предложения, тогда как однородные члены и обособленные расширяют информацию о действительности. При этом вставные конструкции и часть обособления уточняющего и комментирующего типа (они выделены и в Русской грамматике как отличающиеся от полупредикативных оборотов [6: 181]) занимают по-своему промежуточное положение: они вводят дополнительную информацию, но она ориентирована на когнитивную базу адресата и не расширяет сведений о действительности. Таким образом, оказывается, что только обособленные конструкции пропозитивного типа (сохраняющие номинативную базу предложения в целом) и конструкции с однородными — прежде всего именными — членами вводят дополнительную информацию о действительности.

Если принять эти общие положения, то становится ясно, что обособленные конструкции — причастный и деепричастный обороты семантически отличаются от других случаев осложнения предложений. В «Русской грамматике» отмечается разнонаправленность их смысловых связей в предложении [Там же: 180], т. е. известная смыслосинтаксическая самостоятельность и обладание большой смысловой нагруженностью [Там же: 181]. Что касается причастных оборотов, то отмечается их временное значение, которое может обозначать как постоянный признак предмета, к которому они относятся, так и вступать в разные временные отношения со сказуемым предложения. Вообще сведения об обособленных причастных оборотах в «Русской грамматике» очень скудны.

Значительную попытку в определении и уточнении понятия *обособления* сделала А. Ф. Прияткина, которая выделила формально-структурные показатели обособленных структур и стоящие за ними значения: для определения осложненного предложения как особого синтаксического явления, по ее мнению, нужно установить, к какому синтаксическому аспекту относится понятие «осложнение», имеется в виду: *осложнение семантическое*, т. е. содержащее семантическую полипропозитивность, и *осложнение формально-синтаксическое*, которое проявляется в синтаксическом отношении дополнительной предикативности [4].

И. П. Распопов и А. М. Ломов охарактеризовали обособленные причастные обороты как своеобразную надстройку над основной линией предложения [5: 257]. «Пропозитивное осложнение предмета, — пишет А. М. Ломов, — имеет целью дополнительную характеристику этого предмета за счет небазисной пропозиции, выражаемой придаточным определительным, причастным и деепричастным оборотом» (*Я заметил женщину, которая сидела у окна / сидевшую у стола*) [2: 37].

Современные синтаксические исследования выдвинули в качестве семантической базы предложения ситуацию объективного мира, пропущенную через сознание носителя языка, которая кодируется в языковых знаках. Этим можно объяснить присутствие в предложении необходимо заполняемых позиций, что обеспечивает представление ситуации, и факультативных распространителей (детерминанты и атрибуты). Именно они обладают способностью быть представленными словами и словосочетаниями, а также свернутыми дополнительными пропозициями — придаточными предложениями и причастными и деепричастными оборотами. На практике возможность реализации пропозиции в форме придаточного предложения, обособленного полупредикативного оборота, слова и словосочетания используется в грамматиках для обучения русскому языку как иностранному.

Сегодня стоит вопрос об определении и описании правил выбора этих конструкций как соответствующих целеустановке говорящего в условиях того или иного типа текста. Эта задача обозначена в учебном пособии по синтаксису современного русского языка М. Ю. Федосюка [7] и требует дальнейших разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белошапкова В. А.* Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов. М., 1989.

2. *Ломов А. М.* Типология русского предложения. Воронеж, 1994.

3. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении: Учеб. пособие. М., 2001.

4. *Прияткина А. Ф.* Синтаксис осложненного предложения. М., 1990.

5. *Распопов И. П., Ломов А. М.* Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984.

6. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2: Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

7. *Федосюк М. Ю.* Синтаксис современного русского языка: Учеб. пособие. М., 2012.

[представляем новые книги. рецензии]

ЩУКИНА Д. А., АТАЕВА Е. В., БЕСПАЛОВА О. Е. и др. ОСНОВЫ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ:

Учеб. пособие по русскому языку и культуре речи. — СПб.: МИРС, 2011. — 267 с.

Рецензируемое учебное пособие продолжает разработанный кафедрой русского языка и литературы Горного университета учебно-методический комплекс, обеспечивающий изучение дисциплины «Русский язык и культура речи». В преподавании культуры речи в вузах негуманитарного профиля хорошо зарекомендовали себя три пособия, представляющие основные части вузовской учебной дисциплины: Практикум по русскому языку и культуре речи: Нормы современного русского литературного языка / Под ред. И. Г. Проскуряковой. — М: Флинта, 2004; Пособие по научному стилю речи. Для вузов технического профиля / Под ред. И. Г. Проскуряковой. — М.: Флинта: Наука, 2004; Русский язык и культура речи: Практикум по риторике. Ч. 1, 2 / Под ред. В. В. Кудряшовой. — СПб: СПГГИ (ТУ), 2006.

Целью нового учебного пособия является повышение общей речевой культуры учащихся, развитие навыков и умений эффективного речевого поведения в деловой сфере общения, включая профессиональную деятельность. Роль деловой коммуникации в современном обществе трудно переоценить. Востребованность специалиста на рынке труда, его конкурентоспособность в значительной степени зависит от умения эффективно общаться в деловой сфере. Успех любой профессиональной деятельности связан со знанием законов деловой коммуникации и умением применять их на практике.

Учебное пособие четко структурировано. Каждая из пяти глав делится на разделы и подразделы. В конце раздела даны вопросы и задания для работы в аудитории, самостоятельной работы и самопроверки. К каждой главе пособия приложен библиографический список.

В первой главе «Введение в деловую коммуникацию» вводятся базовые понятия деловой коммуникации, описываются лингвистические особенности официально-делового стиля, а также дается общее представление о невербальном этикете в деловом общении.

Вторая и третья главы характеризуют, соответственно, письменную и устную формы деловой коммуникации. Студентов технических вузов необходимо познакомить с основными жанрами деловой письменной речи: организационно-распорядительные документы, контракт, деловая переписка, резюме, а также с особенностями деловой устной коммуникации, расширяющей жанровые рамки с учетом сценарной организации

(Окончание на с. 49)

Н. А. Хан

КОНСТРУКЦИЯ *(Я) НЕ ЗНАЮ* В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: СООТНОШЕНИЕ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ

NATALIA A. KHAN

(YA) NE ZNAU CONSTRUCTION IN RUSSIAN SPONTANEOUS SPEECH: CORRELATION OF DIFFERENT FUNCTIONAL TYPES

В статье рассматриваются особенности функционирования конструкции *(я) не знаю* на материале текстов записей устной речи, входящих в состав Звукового корпуса русского языка, и отмечается ее способность выполнять несколько функций, что проявляется в ее структурно-смысловых типах и в значительной степени зависит от типа коммуникативного сценария. Отмечено использование говорящим конструкции *(я) не знаю* в не свойственной кодифицированному языку функции заполнителя паузы хезитации.

Ключевые слова: устная спонтанная речь, Звуковой корпус, хезитационная конструкция, коммуникативный сценарий.

The articles covers the *(ya) ne znau* construction functioning. The empirical base is the audio texts of speech that are in the Russian sounds corpus. Such peculiarity of speech as its capability to perform several functions in structural and meaning types depends on a communication script to a considerable degree. The author notes the use of the *(ya) ne znau* construction performing hesitation pause not peculiar to normative language.

Keywords: spontaneous speech; Russian sounds corpus; hesitation pause; communication script.

Наталья Анатольевна Хан

Аспирантка кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
► natalykhan@gmail.com

Одной из особенностей русской разговорной речи, обратившей на себя внимание в ходе анализа устных монологов из сбалансированной части Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ), является употребление конструкции *(я) не знаю* в качестве вербализированного модуса, то есть, по словам В. В. Виноградова, конструкции, которая лежит «как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания»[1]. По уже установившимся представлениям о модусе, как составляющей семантической структуры высказывания, под ним понимают ту часть содержания, в которой представлен субъект речи с его отношением к сообщаемому. В ряду основных значений модусных конструкций находятся и такие, как знание / незнание, уверенность / неуверенность в достоверности сообщаемого (или его частей)[2]. Конструкция *(я) не знаю* является одним из способов выражения этого значения, ср.:

– *Наверно это / чья-то дача или* ***не знаю*** *//* ***что-то вроде этого*** (опис. несюж., инф. № 7, жен., интр.[3]).

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Изучение зависимости речевых характеристик от условий коммуникации (корпусное исследование на материале повседневной русской речи)» (проект 10-06-00300).

Эта конструкция вписывается в устную спонтанную речь, изобилующую явлениями, которым трудно дать однозначную лингвистическую трактовку: это различного рода повторы, перебивы, обрывы слов или фраз, оговорки, элементы самокоррекции или хезитационные паузы, которые давно уже воспринимаются как своеобразные маркеры такой речи:

> – **например** (?) если я даю в долг / я всегд**а-а** расстаюсь с деньгами **например**... сразу / **чтобы...** вдруг не отдадут // я / морально / **угу** // **от... отдаю** / прикольно // я **(... э)** рассчитываю сейчас / что я отдаю // а потом когда мне приходит долг / так оп-па // **ага** // ни хрена себе // **типа** о / **кру... круто** // мне еще плюс деньги пришли // я на них не рассчитывал (фрагмент корпуса «Один речевой день» — ОРД[4]).

Каковы функции этой конструкции в устном спонтанном монологе? Характерны ли они для русского литературного языка, представленного в нормативных грамматиках, его структурно-семантических форм: простого предложения и сложноподчиненного с изъяснительным придаточным? (Не знаю; *Не знаю его; Я не знаю, что...; Не знаю, где...;* и т. п.)? В каких смысловых отношениях с частью высказывания, содержащего основную (диктумную) информацию, эта конструкция состоит? Уже первые наблюдения над звучащей речью показывают, что довольно часто говорящий непроизвольно произносит *(я) не знаю,* чтобы «взять паузу», сориентироваться, что говорить дальше.

Основным *материалом* для настоящего исследования послужили устные спонтанные монологи из сбалансированной части Звукового корпуса русского языка[5]. В общей сложности было проанализировано 176 спонтанных монологов, построенных по трем разным коммуникативным сценариям: пересказ, описание, рассказ. В качестве дополнительного материала приводятся иллюстрации из блока ОРД.

Было выявлено, что эта конструкция вступает в различные смысловые отношения с содержанием высказывания, в которое она включена: она а) может носить комментирующий, поясняющий характер или, б) представляя собой нераспространенное простое предложение, нередко сопровождаемое дополнительными хезитационными маркерами, такими как *ну; там; как бы, э-э* и под., удлиненными паузами, повторами или обрывами структуры и т. п., заполнять паузы в спонтанном процессе речи-мысли. Однозначно провести границу между этими типами не всегда удается, что определяется близостью мотивов введения их в спонтанную речь.

I. С учетом структурных реализаций **конструкции комментирующего характера** можно представить следующими группами.

1. *Простое предложение с объектным распространителем,* который по значению соотносится с членом основного высказывания, уточнить название которого или дать определение признается невозможным:

(1) *это пейзаж / названия **не знаю** / а вот / дубы называется* (опис. несюж., инф.-жен.)

(2) *э-э-э изображены три дерева / честно говоря конечно солгу что **не знаю** их названия / да / это дубы* (опис. несюж., инф.-муж.);

(3) *э-э-э растения / названия растений **я не знаю** / поэтому сказать что это я не могу / но какая-то трава* (опис. несюж., инф-.муж.).

Во всех примерах зависимой формой от переходного глагола с отрицанием оказалось существительное в родительном падеже[6].

2. *Главное предложения в структуре сложноподчиненного с придаточным изъяснительным***.**

2.1.Наиболее распространенным средством связи в данных предложениях выступает союзное слово *что* (средства связи в примерах подчеркнуты), рассматриваемая конструкция сообщает о своего рода ограниченности сообщаемых сведений:

(4) *создается ощущение / что это даже не картина а фотография / столько хватит / хорошо / **не знаю** что еще сказать* (опис. несюж., инф.-муж.);

(5) *облаков вроде не видно // ну **я** если честно а **не знаю** что и добавить да / сучья какие-то кривые на этих деревьях* (опис. несюж., инф.-муж.);

(6) *хорошо видны листья / ярко / снизу надпись Шишкин / нарисовано очень живо/ **не знаю** что еще сказать* (опис. несюж., инф.-муж.);

(7) *если б меня не было **я не знаю** что б они там делали* (расск., инф.-муж.).

2.2. Помимо союзного слова *что*, встретились и другие варианты средств связи, соотнесенные с передачей значений неуверенности, сомнения говорящего:

(8) *хотя тут он изображено / что он наливает на двух человек и на себя / вот / **не знаю** хватит ли на всех чая / вот* (опис. сюж., инф.-муж.);

(9) *ну вот этот котенок / э-э-э **не знаю** / то ли по незнанию своему / то ли по глупости / э-э-э преграждает им дорогу* (опис. сюж., инф.-муж.);

(10) *где зверь находится / его подзывать / **не знаю** какими уж словами / ругательными или все-таки более менее нормальными* (опис. сюж., инф.-муж.);

(11) *э-э-э с героическим видом / этого котенка / ну может с торжествующим / даже **не знаю** / как лучше употребить термин какой / вот* (опис. сюж., инф.-муж.);

(12) *пошел звонить / куда звонить **не знаю** / наверное всем родственникам* (опис. сюж., инф.-жен.);

(13) *мальчик или дядя / кто это **не знаю** / какой-то он крупный он поливает цветы* (опис. сюж., инф.-жен.).

В примерах (12, 13) можно наблюдать обратный порядок частей сложноподчиненного предложения: придаточное предшествует главному, что вполне соотносится со спонтанным характером построения устного монолога.

2.3. Конструкция включает в свой состав союзное слово без придаточного (*не знаю, что, как, где, почему*):

(14) *мы с женой / там пиво заказывали / и соответственно харчо брали / и харчо тоже ему очень нравилось / **не знаю** почему / вот* (расск., инф.-муж.);

(15) *ну тут **не знаю** что что-то типа шалаша или домика какого-то* (инф.-жен., описание несюж. изображения);

(16) *а если солнышко / садится яркое / то будет жарко // **не знаю** / что // все наверно* (инф.-жен., пересказ несюж. текста);

(17) *был / сейчас **не знаю** что* (фрагмент ОРД);

(18) *ножка это / **не знаю** что / вот это ножка* (фрагмент ОРД);

(19) *и она просто / у нее там на на уровне подсознания срабатывает / нет / не хочу / потому что // **я не знаю** почему / думаю что...* (фрагмент ОРД);

(20) *тогда это пятерка была (...) сейчас **не знаю** как / тогда была пятерка* (фрагмент ОРД);

(21) *по телевизору / не так давно / вчера что ли / или позавчера / в новостях какое-то там удмуртское село / ну не знаю / где-то короче / говорят далеко / **я не знаю** где* (фрагмент ОРД).

Грамматики русского языка допускают такую возможность (для глагола *(не) знаю* и ему подобных) как для литературной, так и для разговорной речи, ср.:

*– Вдали я видел сквозь туман, В снегах, горящих как алмаз, Седой, незыблемый Кавказ; И было сердцу моему Легко, **не знаю** почему* (Лерм.);

*– Ты боишься, сама **не знаешь** чего* (Писем.);

*– В сильные минуты ощущения радости ему всегда становилось грустно, он сам **не знал** отчего* (Дост.);

*– Очень хочется писать, и **знаю** что* (Л. Толст.);

– [Дон Гуан:] *Донна Анна Де Сольва! как? супруга командора Убитого... **не помню** кем*? (Пушк.);

В примерах 14–21 комментирующая конструкция используется с целью сообщить о невозможности объяснить причину состояния, названного в основной части сообщения (14, 19), дать более четкое наименование/определение предмета (15, 18), события (16, 17), качества (20, 21).

Итак, конструкция *(Я) не знаю* используется в качестве вводящей сведения, связанные с модусом знания. Эти сведения касаются как отдельных компонентов информации, содержащейся в основном высказывании, так и всего его содержания в целом.

II. *Заполнитель паузы хезитации*

Данное употребление рассматриваемой конструкции встречается исключительно в устной спонтанной речи, отражая одновременность процессов ее обдумывания и порождения. С точки зрения грамматики конструкция *(я) не знаю* оказывается нераспространенным простым предложением, обладающим явно выраженным хезитационным характером. Этот характер часто подчеркивается, как мы указывали выше, с помощью дополнительных хезитационных маркеров, таких как *ну, там, как бы, э-э* и под., удлиненными паузами, повторами или обрывами структуры (в примерах все они подчеркнуты), которые соседствуют с исследуемой конструкцией или даже

встраиваются в нее. В отличие от употреблений первой группы смысловые связи с информационным высказыванием не выражены, содержание конструкции представляет собой скорее повод для продолжения или прекращения беседы, чем комментирует или уточняет его. То есть если первая группа примеров связана с основной информацией ретроспективно, имея в своем составе элементы повтора (в широком смысле), то данная — проспективно, обещая продолжение, но не включая каких-либо значимых компонентов.

Рассмотрим следующие примеры:

(22) *вот ну что хорошо что* ***я*** *там (...) ну* ***не_знаю*** */ позагораю / покупаюсь // отдохну* (расск., инф.-жен.);

(23) *тихое озеро / и можно сидеть в кресле и просто /* ***не знаю*** */ ни о чем не думать* (расск., инф.-муж.);

(24) или какой-то вот (...)лежать на солнце / потом ***не знаю*** *там / выпить заку.. закусить / да* (опис. несюж., инф.-муж.);

(25) значит в этот день выходной / можно навестить родственников там ***я не знаю*** */ по поводу ∫ событий может быть веселых* (расск., инф.-жен.);

(26) возможно собрать /а-а-а своих друзей / с-с-с какой-нибудь там организовать / дикий пикник / а-а-м ***не знаю*** */ с танцами / с музыкой* (опис. несюж., инф.-жен.);

(27) тут приехали пожарные // на самом деле наверное [нрзб.] вызвать какую-нибудь скорую / ***не знаю*** *из психбольницы кого-нибудь* (опис. сюж., инф.-жен.).

(28) *отдыхать я люблю / это замечательно / это хорошо / как бы ∫* ***не знаю*** */ ты приводишь себя сам себя сам в порядок* (расск., инф.-жен.);

(29) *похоже на картины Шишкина мне почему-то сразу вспомнилось «Утро в сосновом лесу» самая моя /* ***не знаю*** *самая примитивная хранящаяся у меня в голове картина из детства / вот* (опис. несюж., инф.-жен.);

В примерах 22–29 конструкция *(я) не знаю* отделяет продолжение начатого и ситуативно «обещающего» продолжение сообщения (*я там / позагораю; лежать на солнце / выпить; сидеть и просто / ни о чем не думать; навестить родственников / по поводу событий; пикник / с танцами; это хорошо / ты приводишь себя в порядок; самая моя / самая примитивная),* для формирования чего была необходима пауза, которая и была заполнена.

Во второй группе примеров (30–33) за рассматриваемой конструкцией следует высказывание, связанное с основным, в принципе законченным, сообщением отношениями заключения, предположения, неясной (еще) оценки:

(30) *какая-то улыбка такая блин дурацкая / ну* ***не знаю*** *непонятно* (опис. сюж., инф.-жен.);

(31) *хотя отдых / с родственниками моего мужа / это ужасно <смех> я могу вам сказать / очень ужасно / его родственники очень тяжелые // вот (...) ну* ***не_знаю*** *(...) поживем <смех> увидим отдохнем узнаем* (расск., инф.-жен.);

(32) *положил ручку ты-ы ∫ э-э не захотел там // печатать что-нибудь / взял ручку написал // <смех> ну-у* ***не знаю*** *мне как это м-м нет и легко как это ко всему относиться и-и очень я при... приспособляюсь к ра... разным ситуациям быстро и легко к народу привыкаю* (расск., инф.-жен.);

(33) *вот принимали солнечные ванны ну наверно им так было* ***э-э*** *полезно* ***не знаю*** *вот этот момент как-то* (расск., инф.-муж.).

Во всех примерах использования конструкции *(я) не знаю* в функции хезитатива очевидно присутствует еще и элемент *метакоммуникации*[7]: говорящий вербализует в этом своеобразном, минимальном по объему, «тексте о тексте» свою неуверенность, неспособность продолжать речь или правильно выполнить коммуникативное задание (вербализованный модус со значением незнания или неуверенности). Это значение отмечается тем чаще, чем труднее само это задание — например, в случае пересказа несюжетного текста или описания несюжетного изображения[8].

Данная конструкция встречается часто в конце высказывания, выполняя тем самым, помимо хезитационной и метакоммуникативной, еще и *дискурсивную функцию*, то есть маркирует границы фрагмента или всего монолога, ср. (дополнительные хезитационные маркеры в примерах подчеркнуты):

(34) *похоже этот котик скоро попадет под колеса / зачем его тогда вообще спасали / вот / ну вообще* ***я не знаю*** (опис. сюж., инф.-жен.);

(35) *вот потому что уезжать я не хотела вообще / для меня Россия это была (...) ну* ***не_знаю*** *//*

ну там как вот (...) ну ***не знаю*** *(...) отношение к человеку там совсем другое* (расск., инф.-жен.);

(36) *небо было чистым / безоблачным / солнце ∫ светило (...) ну* ***я не знаю*** */ это надо описывать както* (переск. несюж., инф.-жен.);

(37) *что-то делаешь по дому / что-то помогаешь родителям / помогаешь себе /* ***н-не знаю ∫*** *но после отпуска конечно ОЧЕНЬ тяжело выйти* (расск., инф.-жен.);

(38) *ну передо мной явно какая-то картина // видимо какого-то / н-н-н /// а может быть малоизвестного художника* ***не знаю*** *// э-э // нарисовано по-моему даже масляными красками* (опис. несюж. инф.-муж.).

Важно отметить, что такой многофункциональный статус конструкции *(я) не знаю* дает основания рассматривать ее в одном ряду с другими способами вербализованного заполнения пауз хезитации в устном спонтанном монологе[9].

В целом анализ материала, включающего конструкцию *(я) не знаю*, позволил сделать следующие выводы. В 176 текстах было выявлено 39 случаев употребления этой конструкции. Наиболее распространенной в спонтанной речи оказалась конструкция *(я) не знаю* в не свойственной кодифицированному языку хезитатационной функции (48,7%). Во всех случаях это не было единственным выражением колебаний говорящего: в соседстве с конструкцией были отмечены и другие хезитационные элементы (см. примеры выше).

Наиболее употребительной исследуемая конструкция в данной функции оказалась в монологах-рассказах (47,4%). Это можно объяснить тем, что такой тип монолога минимально мотивирован каким-либо исходным стимулом, его структурные составляющие в наибольшей степени отражают спонтанный характер устной речи.

Распределение конструкции *(я) не знаю* по разным типам текста с учетом пола информантов позволил сделать вывод об отсутствии существенной разницы в ее количественном употреблении мужчинами и женщинами. Хотя несколько замечаний в отношении гендера говорящих все же можно сделать. Например, как для мужчин, так и для женщин пересказ сюжетного текста оказался наиболее простым заданием, поскольку количество того, чего информанты «не знают», здесь минимально по сравнению с описанием несюжетного текста. В речи мужчин исследуемая конструкция чаще употреблялась в описании несюжетного изображения (44,4%). В речи женщин нет четких перепадов от одного типа текста к другому, но максимальное количество исследуемых конструкций у них в итоге оказалось в свободных рассказах (33,3%).

Таким образом, подводя первые итоги исследования конструкции *(я) не знаю*, можно сделать вывод, что, во-первых, она способна выступать в спонтанной речи в различных функциях, по ее связям с основным высказыванием выделяется два типа контексов: она а) вводит информацию комментрующего, уточняющего характера и б) заполняет паузу, вызванную поиском адекватных смыслу сообщения языковых средств. Во-вторых, частотность ее использования зависит от типа коммуникативного сценария. И, наконец, в-третьих, конструкция чаще употребляется испытуемыми не в тех функциях, которые свойственны и литературному языку, а в роли объемного вербализованного модуса, заполнителя паузы колебания, чего литературная речь попросту не предполагает.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986. С. 594–595.

[2] *Алисова Т. Б.* Дополнительные отношения модуса и диктума Текст // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 54–64.

[3] В конце каждого примера в круглых скобках дана атрибуция текста: *переск. сюж.* — пересказ сюжетного текста, *переск. несюж.* — пересказ несюжетного, *опис. сюж.* — описание сюжетного изображения, *опис. несюж.* — описание несюжетного, *расск.* — рассказ; а также информант с указанием его пола — мужчина / женщина.

[4] «Один речевой день» (ОРД), см. о нем подробнее, например: *Богданова Н. В., Асиновский А. С., Русакова М. В. и др.*. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: концепция и состояние формирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По матер. ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2008) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2008. С. 488–494.

[5] Более подробно об этом блоке Звукового корпуса см., например: *Богданова Н. В., Бродт И. С., Куканова В. В. и др.* О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По матер. ежегодной

междунар. конф. «Диалог» (2008) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2008. С. 57–61; *Богданова Н. В.*, *Куканова В. В.*, *Сапунова Е. М. и др.* Звуковой корпус как способ описания языка современного города // Речевая коммуникация в современной России: Матер. I междунар. научн. конф. (Омск, 27–29 апр. 2009 г.) / Под ред. О. С. Иссерс, Н. А. Кузьминой. Омск, 2009. С. 43–48; *Богданова Н. В.* 1) О корпусе текстов живой речи: новые поступления и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). По матер. междунар. конф. «Диалог» (2010) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2010. С. 35–40; 2) *Принцип невода* и *принцип ковчега* в корпусных исследованиях русской речи // Слово есть дело. Юбилейный сб. научн. тр. в честь проф. Ирины Павловны Лысаковой. Т. 1. СПб., 2010. С. 82–91.

[6] Ср.: «При переходных глаголах с отрицанием сильноуправляемое имя со знач. объекта может иметь форму род. или вин. п.» // Русская грамматика (1980). — / http://rusgram.narod.ru/2661–2673.html (2012).

[7] Под метакоммуникативной конструкцией понимается «...любое сообщение, имеющее своей целью комментарий, объяснение, констатацию или оценку человеком своих собственных коммуникативных действий», см: *Трунов Д. Г.* Вербальная и невербальная метакоммуникация // Матер. II Междунар. конф. «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты (Коммуникация-2004)». 24–28 мая 2004 г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону, 2004. С. 80–81.

[8] Сюжетный текст для чтения, пересказа и описания гипотетически легче, чем несюжетный, см.. например: *Бродт И. С.* Спонтанный монолог в социолингвистическом и лингвистическом аспектах (на матер. текстов разного типа). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007; *Сапунова Е. М.* Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на матер. русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

[9] См., например, похожие наблюдения над употреблением в спонтанной речи других вербализованных хезитативных (дискурсивных) конструкций: *Богданова Н. В.* 1) Конструкция *(я) думаю (что)* в русской спонтанной речи: соотношение разных функциональных типов // Матер. научн. конф. «Пермская социопсихолингвистическая школа: Идеи трех поколений». К 70-летию со дня рождения Аллы Соломоновны Штерн. Пермь, 1 февр. 2011 г. Пермь, 2011. С. 266–275; 2) Об одном типе хезитационной вставки в русской устной спонтанной речи // Матер. IX Междунар. научн. конф. «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект». 22–24 сент. 2011 г. Владимир, 2011. С. 50–56; 3) *ЭТО САМОЕ*: грамматические формы и функционирование в русской спонтанной речи // Матер. XL междунар. филол. конф. Вып. 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23–25 марта 2011 г. СПб. / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб., 2011. С. 18–47; 4) О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По матер. ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2012. С. 71–83; 5) Про *не это самое* // Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова). Матер. ежегодной Всероссийской научн. конф. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 16–17 ноября 2011 года. СПб., 2012 (в печати); *Богданова-Бегларян Н. В.* Конструкция *(...) скажем (...)* в повседневной русской речи (матер. к словарю дискурсивных единиц) // Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. Вып. 2. 2012 (в печати); и некот. др.

[предлагаем вашему вниманию]

***Гаспаров М. Л.* Филология как нравственность: о прошлом и будущем, об интеллигенции, о культуре, о школе, о жизни: статьи, интервью, заметки** — М.: Фортуна ЭЛ, 2012. — 288 с.

М. Л. Гаспаров — крупнейший отечественный филолог, литературовед, переводчик, автор популярных книг «Занимательная Греция» и «Записи и выписки». Но мало кому известна другая сторона его творчества. В предлагаемой книге собраны опубликованные в последние годы его жизни статьи по вопросам истории и культуры, о значении прошлого для будущего, о роли интеллигенции, о состоянии нашего образования, о школе, о воспитании подрастающего поколения, о политике, а также многочисленные интервью и ответы на анкеты для различных газет и журналов и отдельные высказывания на эти темы.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

Т. В. Романова

ТОПОНИМ *СОЛОВКИ* В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОБРАЗ? ПОНЯТИЕ? СИМВОЛ? МЕТАФОРА? КУЛЬТУРЕМА? МИФОЛОГЕМА? ИДЕОЛОГЕМА? АКСИОЛОГЕМА? КОНЦЕПТ?

TATIANA V. ROMANOVA

TOPONYM "SOLOVKI" IN THE RUSSIAN ARTISTIC-PUBLICISTIC DISCOURSE: IMAGE? NOTION? SYMBOL? METAPHOR? CULTUROLOGEM? MYTHOLOGEM? IDEOLOGEM? AXIOLOGEM? CONCEPT?

В статье анализируется содержание, формы воплощения социокультурного знака *Соловки* в автобиографическом дискурсе русской интеллигенции.

Ключевые слова: образ, метафора, символ, идеологема, аксиологема, мифологема, концепт.

Content, form of realization of the social and cultural sign Solovki are analyzed in the article.

Keywords: image, metaphor, symbol, axiologem, mythologem, concept.

В исповедальном автобиографическом дискурсе русской интеллигенции частотен топоним *Соловки*. Представляется необходимым определить его сущностные характеристики. Что это? Образ? Символ? Метафора? Аксиологема? Идеологема? Мифологема? Концепт?

С философской точки зрения концепт — «основная единица ментального плана, — содержащаяся в словесном знаке и явленная через него как образ, понятие, символ» [9: 5]. В образе концепт проявляется, воплощаясь в первую содержательную форму, в понятии — осмысливается, осознается, в символе — хранится. Образ субъективно индивидуален, символ — достояние народной культуры, а понятие — категория логики — всеобщее достояние. Сущность концепта существует в понятии, осуществляясь в слове, однако связующей их всех сутью являются семантические переходы между образом, понятием и символом. Таким образом, концепт (от conceptum) — «зерно первосмысла <...>, диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение неопределимой сущности бытия в неопределенной сфере сознания» [Там же: 51]. «Концепт развивается, только постоянно изменяя форму своего воплощения: являясь последовательно в образе, в понятии и в символе» [Там же: 56]. Концепт может пониматься «как инвариант смысла, значения и **ценности** словесного знака (выделено нами. — *Т. Р.*)» [Там же: 81].

Символ можно трактовать как образ идеи в коллективном сознании (А. Ф. Лосев) (мифологема → концепт — *Т. Р.*), отражающий «национальную субъективность» [1: 41] (идеологема → концепт).

Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип (аксиологический, аксиологема → концепт). Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культу-

Татьяна Владимировна Романова

Доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации Нижегородского филиала ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики"»
► tvromanova@mail.ru

ры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т. д.), этот феномен (культурема, термин Л. Карсавина) формирует в данной культуре концепт (культурема → концепт). Помимо ценностного элемента, в его составе выделяются фактуальный (понятийный) и образный элементы [11: 54]. В отличие, например, от топонима *Колыма* образный компонент значения топонима *Соловки* включает не только отрицательные, но и положительные оценочные коннотации.

Рассмотрим содержательные формы проявления концептуального смысла в речи. К числу основных отнесем идеологему, мифологему, аксиологему, культурему, метафору.

Идеологема — «„семантико-тематические“ обозначения духовных ценностей в картине мира языковой личности» [7: 153]. Языковые единицы, создаваясь и функционируя в условиях того или иного исторического дискурса и закономерно испытывая на себе влияние конкретной идеологии, аккумулируют в своем содержании множество ценностно обусловленных коннотаций эпохи (например, дооктябрьский (самодержавный), советский и постсоветский (современный) периоды). В отношении к идеологеме *Соловки* эти коннотации менялись в диахронии. Идеологемы как ценностно мотивированные знаковые образования являются формой воплощения концептуальной идеи, ценности, концептуальной сущности, служащей основой для формирования аксиологических категорий (аксиокатегорий), единицей выражения которых являются **аксиологемы**. С. А. Журавлев предложил распределить идеологемы русского языка по следующим разрядам: аксиокатегория власти, аксиокатегория социального устройства, аксиокатегория образа врага, аксиокатегория религии, аксиокатегория культурно-философских ценностей [6: 7]. Аксиологему / идеологему *Соловки* отнесем в первую очередь к двум последним, хотя в ней, с нашей точки зрения, сочетается семантика всех перечисленных разрядов. К числу идеологем относят и имена собственные. Статусом идеологем могут обладать как одинарные единицы (слова), так и бинарные (словосочетания). Ср.: *Соловки* — аксиологема / идеологема всех разрядов (см. выше), но *Соловецкие острова*, или *Соловецкий архипелаг* (аксиологема в первую очередь природной, культурной ценности).

На основе совокупности разнообразных историко-функциональных признаков идеологем С. А. Журавлев в своем диссертационном исследовании приводит следующую их классификацию: «1) общие (или диахронические) идеологемы — такие единицы, значимость которых является универсальной, т. е. их внешнее и внутреннее содержание будет ценностно актуализировано на любой стадии социально-политического развития общества (*Бог, власть, держава, народ, партия, свобода* и т. д.). <...> на каждом историческом этапе данным единицам будут свойственны свои специфические семантико-когнитивные трансформации — естественное следствие динамики общественного сознания; 2) частные (синхронические) идеологемы — такие единицы, значимость которых будет иметь место только в пределах аксиосферы конкретной эпохи (*император, самиздат, самодержавие, славянофильство, сменовеховство, советский* и т. д.). На других исторических этапах такие слова не имеют ценностно обусловленной актуализации и являются либо просто политемами, либо вовсе не терминологизированными единицами с нейтральным содержанием; 3) описательные идеологемы — вспомогательные дискурсивные единицы, которые, как правило, несут в себе логическую оценку и используются как средство предикации (функционального элемента) словарной статьи в пропагандистском разъяснении роли других идеологем (*буржуазный, консервативный, контрреволюционный, мелкобуржуазный, меньшевистский, оппортунистический, реакционный* и т. д.). Такие идеологемы, регулярно употребляясь в стандартных идеологически значимых контекстах, в свою очередь, приобретают ауру внеязыковой оценочности и становятся ценностно актуализированными» [Там же: 10]. С одной стороны, идеологему *Соловки* можно отнести к идеологемам первого типа — общая идеологема, подвергающаяся в диахронии семантико-когнитивной трансформации. Но, с другой стороны, это не универсальная, а национально и культурно ориентированная, специфическая идеологема. Следовательно, статуса идеологемы, которым обладает рассматриваемое

имя собственное, для данной единицы явно недостаточно, этим ее сущность не исчерпывается. Рассмотрим другие содержательные формы.

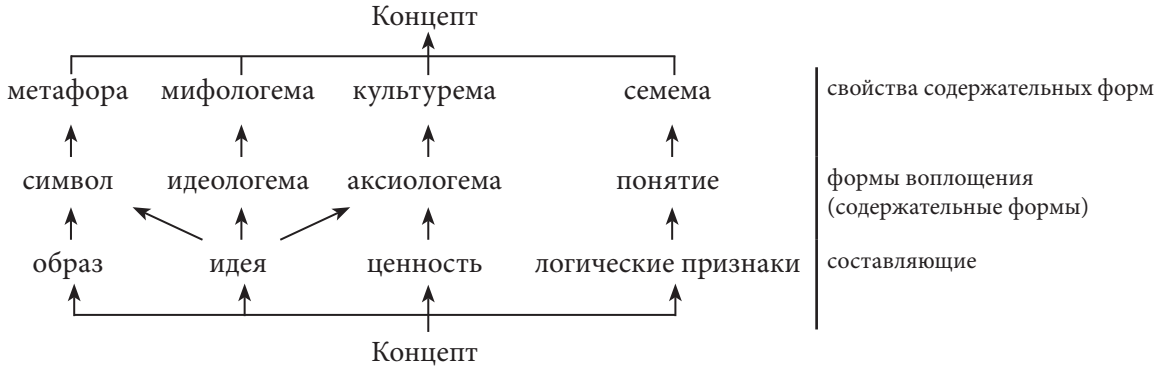
Идеологемы могут подвергаться **мифологическому переосмыслению**: их концептуальное содержание обогащается магическими, сакральными смыслами (идеологема → мифологема). При мифологическом переосмыслении семантики знака исходное слово утрачивает как компоненты своих общеязыковых значений, так и первоначальную денотативно-сигнификативную отнесенность. Идеологемы могут, например, подвергаться в дискурсе несвойственному им образно-чувственному переосмыслению, нарушающему объективно существующие связи явлений действительности. «Освоение такой идеологемы происходит путем включения в её концептуальное содержание и коннотативную окраску других значимых для личности смыслов и оценок — религиозных, натурфилософских и пр., устанавливаются связи и корреляции, не имеющие соответствия в реальности» [12: 129]. Таким образом, мифологизацией языкового знака является «превращенное отображение языковой и мыслительной действительности в языке. Когда идеологема превращается в мифологему, тогда язык начинает осуществлять когнитивную и коммуникативно-прагматическую функцию в аномальном виде» [Там же: 135].

«Идеологема, как единица неодномерная, имеющая двойную конвенциональность (языковую и внеязыковую), наиболее точно раскрывает свою сущность в лингво-семантическом аспекте — в соответствии с концепцией мифологий Р. Барта [2]. В данном случае следует говорить о построении модели идеологемы как знаковой формы, спроецированной на вербальную основу. Соответственно, идеологема — конкретное знаковое образование с двойным означаемым: одно означаемое естественное, первичное, имеющее языковую природу, другое — мифологизированное, вторичное, закрепленное внешней идеологической конвенцией» [6: 21].

В отличие от идеологемы в **аксиологеме** как знаке на первый план выступает не денотативно-сигнификативное значение, а ценностно-оценочные коннотации. Если идеологема является знаком культурно значимых смыслов, идей, она приобретает статус **культуремы**.

Метафора «представляет собой отношение образа к символу и — есть процесс» [13: 380], «процесс взаимодействия двух содержательных форм (концепта. — *Т. Р.*) в пользу третьей — в пользу понятия, воссоздаваемого как результат наложения образа на символ <...>, предикативное свойство содержательных форм концепта — образа, понятия и символа» [9: 182].

Повторим, что «**концепт** есть сущность одновременно каждой содержательной формы слова (шире — знака. — *Т. Р.*)» [Там же: 196], а «выбор эмического ряда, представленного в лингвоаксиологии очень широко (аксиологема, идеологема, мифологема, политема, прагмема и пр.), обусловлен хотя и разнообразной, но стройной таксономией и возможностями успешной корреляции» [6: 9]. Если учесть, что «концепт — исходная точка семантического наполнения слова (знака. — *Т. Р.*) и одновременно — конечный предел развития» [8: 34], то соотношение между рассмотренными выше единицами можно представить следующим образом:



Продолжая разговор об образной составляющей лексемы *Соловки*, обратимся к «Книге паломника Соловецкой обители» [5], в восьмой главе которой обсуждаются «образы Соловков как грядущего града, Небесного Иерусалима, как потерянного рая и одновременно как острова спасения — духовной лечебницы, в которой врачуются души всех притекающих сюда» [Там же: 2].

> «*О ты — горний, грядущий Иерусалим! Не одно исстрадавшееся, облитое кровью сердце бьется великою верою в твое пришествие. Не один грустный взгляд измученного устремляется в синюю, бездонную высь, следит за серебристо-белыми облаками, словно испытуя, где сверкают стены этого града, где стоят купола его, где зыблются и шепчут, зеленеют и Цветут благоуханные сады Эдема*» [Там же: 5].

«Согласно Священному Преданию Церкви, храм объемлет всю вселенную и созидается, по существу, не только людьми, но и великим Строителем — Словом и существует на земле как мысленное подобие того, что превыше небесного свода. Расположенный за морем на краю света Соловецкий монастырь <...> воспринимался как земля обетованная, образ обителей Небесных. Эта ассоциация укреплялась и историей основания монастыря: преподобный Зосима видел „осияние Божественное“ и церковь, стоящую на „воздусе“. Видение Божественного света определило посвящение первого храма Преображению Господню. О явлении церкви, сходящей с небес, тоже не забыли. На одной из икон Преображения XVII века Соловецкий монастырь изображен в виде Града Небесного» [Там же: 331].

Соловки являются основным образом многих художественных произведений. Остановимся, в качестве примера, на рассказе Н. А. Тэффи «Соловки» [14], который имеет посвящение И. А. Бунину.

Доминантный концептуальный знак *Соловки* вынесен в семантически сильную позицию текста — в заглавие. Композиционно текст разделен на семь частей, каждая из которых семантически и структурно связана с основным образом православной святыни, с оплотом веры. Первая часть — путь к Соловкам. Ключевые слова — *чайки* и *пароход*. Являясь семантическими доминантами текста, они неоднократно используются автором (занимают позицию повтора) и актуализируют новые смыслы. *Пароход* — не просто вид транспорта, а средство передвижения в другой мир, от блудной жизни в мир без греха, к душевному очищению. Переправа на пароходе связана с метафорой переходного состояния, ощущения неопределенности. *Чайка* — образ свободной птицы, неотъемлемая часть Соловецких островов и моря. Птицы описаны автором как полноправные герои рассказа («*чайки долго провожали пароход, словно шагали*», «*чайка подозрительно смотрела одним глазом*»). Образ птиц является одним из ключевых символов, в котором воплощена тема гармонии с природой, приятия сил природы как данности. Так актуализируется идея о неразрывности человека и природы («*Обе они, и чайка, и поморка, самки одной породы с одинаковыми желтоглазыми детенышами, понимали, что играют друг с другом*», «*Поморки вдруг снялись быстрой стаей, наладили паруса*»).

Данный текст — пример аукториального повествования с экзегетическим повествователем (нарратив от 3-го лица). Однако, несмотря на некую дистанцированность автора от происходящих событий, его отношение и оценка происходящего (которая отчасти соотносится с чувствами главной героини Варвары) проявляется в эмоционально окрашенной лексике («*В трапезной снова облизывала старуха старым языком ложку и гнусил чтец про блуд, грех и дьявола*» ... «*Донимал ханжа, всем назло развивший благочестие до вторых петухов*»). В ряду основных авторских стратегий следует назвать объяснение читателю важнейших догм христианства, в частности: равенство всех людей в греховной сущности своей перед Богом и, как следствие этого, неправильность порицания людьми друг друга, абсурдность суда человеческого на фоне суда Божьего. Этому способствует вынесение описания картин страшного суда, притчей Господних о «сучке в глазу ближнего» и «душистой легенды о соблазнах», присущих каждому, в логический центр текста. Автором подчеркивается неспособность человека объективно оценивать свои и чужие проступки.

Дополнительными стратегиями являются описание образа жизни на Соловках — в месте духовного исцеления, формирование в сознании читателей веры в возможность чуда. Первая стратегия реализуется через детальное описание быта обитателей Соловков и паломников. Вторая — через включение в повествование представления обывателей о чуде.

Употребление разговорного варианта номинации (*Соловки*) свидетельствует о том, что образ данной реалии «пропускается» через сознание обычных людей. Это позволяет говорить о *Соловках* как о текстеме, то есть о субкатегории, выражающей основные смыслы произведения, которые представляют идеи событийности в ее пространственных, временных, персонажных проекциях. В данном тексте топоним *Соловки* по своей семантической и ассоциативной наполненности является именем концепта. Рассмотрим его структуру. Ядром (когнитивно-пропозиональной структурой концепта) в рассматриваемом произведении будет выступать православная вера. Приядерная зона формируется различными лексическими репрезентациями именно этой реалии, как-то: *монастырь, заутренний звон, церковь*. Эти уровни концепта представляют общенациональные знания. О периферии допустимо говорить с позиции автора и героев, так как их взгляды на предмет речи коррелируют. Ассоциативно-образные репрезентации транслируют индивидуальные знания, а в конкретном тексте — это субъективные представления о Соловках как о месте, где может произойти чудо. В авторском сознании это не только географический объект, но в большей степени древний центр православной культуры, место паломничества, а также (по принципу метонимического переноса) — люди, населяющие монастырь. Автор смотрит на эту реалию глазами простого паломника, передает внутреннее состояние человека, приехавшего за покаянием. В этом контексте раскрываются концептуальные смыслы, важные для души русского человека, а именно: надежда, связанная с чудесным исцелением, избавлением от грехов.

Сюжет поездки на Соловецкие острова реализован и в повести современного писателя Алексея Варламова. В повести «Теплые острова в холодном море» [3] речь идет о поездке на Соловки двух друзей, которые посещали остров в студенческие времена. Двое взрослых мужчин и ребенок, сын одного из друзей, неорганизованно, дикарем, а не с экскурсией едут на остров. Оппозиционное восприятие островов передается через внутреннюю диалогическую речь персонажей, тем самым «моделируется» образ Соловков в художественном тексте:

> *«Павел снова вел с Поддубным мысленный разговор, продолжавший их вчерашний спор на обратном пути с Муксалмы. «Зачем мы сюда приехали, — спрашивал друга Макаров, — и что туту делаем? Как можем* ***любоваться природой****, ловить рыбу, сидеть у костра, отгонять комаров, пить водку и сытно есть, сентиментальничать, когда* ***все на островах проникнуто голодом, болью, страданием****, о котором прежде, приезжая сюда несмышлеными студентами, мы могли не знать, но теперь-то ведь знали! Знали, как привозили на архипелаг из Кеми на баржах несчастных, как привязывали раздетых догола людей к деревьям и оставляли на съедение комарам, загоняли в болото, привязывали к лошадям, морили голодом, выгоняли на мороз, пытали и убивали, и это уж точно никакая* ***не легенда, но факт****. И если ты любишь* ***архитектуру и природу****, неужели мало на свете других* ***прекрасных мест для созерцания и удовольствия****? Ведь, может быть, капитан „Печака“ тоже чувствовал нечто подобное и поэтому таким зверем смотрел на праздных людей?»* [3: 271].

В диалоге выявляются следующие семантические оппозиции:

Любоваться природой — Все на островах проникнуто голодом, болью, страданием;

Легенда — факт;

Архитектура, природа — Больной остров;

Прекрасное место для созерцания и удовольствия — Не место для созерцания и удовольствия праздных людей;

«...не правильнее было бы, если бы эти горы, каналы и озера остались неприкасаемыми и не было бы здесь, как в старину, никого, кроме монахов, трудников и паломников, и коль скоро мы с тобой ни под один из этих разрядов не попадаем, то и нечего нам тут делать?» [Там же: 273] — *«люди, которым все прошлое — легенда, и они не хотят ее знать,*

но живут так, словно ничего здесь и не было» [Там же: 272]; «*Висели на стенах фотографии бывших заключенных, все было оформлено очень пронзительно, как в маленьком театре, однако в* ***продуманности*** *и* ***преднамеренности*** *производимого на* ***посетителей впечатления*** *чудилось что-то* ***наигранное, слишком нравоучительное*** *и тем досадное, и Макаров опять не знал, надо ли рассказывать сыну про кровавую звезду или пусть лучше* ***острова*** *останутся в его памяти* ***местом, где поют птицы, светит*** *в конце августа* ***солнце*** *и веселые, беззаботные люди ходят по желтым песчаным дорогам*» [Там же: 288].

Заголовок повести «**Теплые** острова в **холодном** море» подчеркивает амбивалентную аксиологическую сущность культуремы «*Соловки*»: «*Острое чувство, что этот* ***красивый и страшный*** *край и есть его* ***возлюбленная****, обретенная* ***родина****, коснулось* ***светлой души*** *Ильи Поддубного*» [Там же: 292].

Ценностная суть островов для персонажа и автора — в том отголоске «***угрызенной совести*** *и* ***одиночества****, <...> что извлекали из его* ***потревоженной, иссеченной*** (Секира. — *Т. Р.*) *души заброшенные северные острова — отоки <...> Отчего тебе покойно и хорошо здесь и почему мучаюсь я? Почему* ***раздражает*** *меня эта* ***покойная красота*** *и* ***кажется неестественной и подлой****?*» [Там же: 274]; «*Странный остров <...> то не хотел принимать, теперь не хочет выпускать, устраивает каверзы, обманывает*» [Там же: 278]; *в возможности знать, что другая жизнь возможна, она постоянно рядом, вход в нее всегда открыт*» [Там же: 293].

Диалогически оппонирующим является «голос» другого персонажа, чья точка зрения тоже не отвергается автором, что еще более усиливает амбивалентную сущность культуремы:

«*Вдохновенно и страстно,* ***озирая не только пространство, но и время*** (подчеркивается вневременная значимость рассматриваемой культуремы. — *Т. Р.*), *Павел говорил о том, что будущее архипелага вовсе не за музеем и не за монастырем, не за их прихотливыми взаимоотношениями и посильными пожертвованиями и даже не за льготами для островитян, которых следовало бы добиться не только в случае с музейным катером, но и с местным самолетом, а за расширяющейся взлетной полосой, за частными гостиницами с горячей водой и домашними ресторанами, за шведами, финнами и фешенебельными корабельными турами из Москвы. Дать деньги не реставрацию, помочь жителям острова найти оплачиваемую работу и устроить человеческую жизнь могут только они, другого пути, как ни выдумывай, нет, монастырского прошлого уже не воротить и наступления новой жизни не остановить, но если бы нашлись предприимчивые, разумные люди, которые бы островами занялись, они бы быстро все подправили и привели в порядок, и тогда земля стала бы опять цветущей, снова паслись бы стада на Муксалме, развели бы рыбу в филипповских садках и вырастили арбузы на южном берегу*» [Там же: 292–293].

Концептуальное содержание, объективированное лексемой *Соловки*, позволяет выявить исповедальная мемуарная проза русской интеллигенции, судьба которой, счастливо и наоборот, связана с островами. Это книги Б. Ширяева, О. Волкова, Д. Лихачева и др.

Стимул *Соловки* актуализирует идеологическую составляющую картины мира, становясь идеологемой, мифологемой, сохраняя при этом статус аксиологемы. Лексема *Соловки* эксплицирует и эстетическую составляющую картины мира. В эстетической оценке природы и искусства выражается взгляд человека на мир, система его ценностей. Этическая оценка природы отражает мировоззрение личности. Например: «*На Соловках все говорит о призрачности здешнего мира и о близости потустороннего*» [10: 227]: Ср. эпиграф к книге Б. Ширяева «Неугасимая лампада»: «*Не бойтесь Соловков. Там Христос близко*» [15: 5].

Природа Соловецких островов словно создана между небом и землей <...>.

Здесь — большой ***природный Рай****, но одновременно* ***Ад для заключенных*** *всех рангов, сословий, всех населяющих Россию народов! Здесь в этом* ***мире святости и греха, небесного и земного****, природа и человек соединились в необыкновенной близости* [10: 230].

Счастье — в гармонии взаимоотношений человека и природы, человека и общества, а свойственное русскому языку представление о месте человека в мире и, в частности, в социальной сфере нашло отражение в концептах *свобода — воля*. Воля издавна ассоциировалась с бескрайними степными просторами. На эту связь указывает и Д. С. Лихачев:

Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не ограниченным пространством [Там же: 157].

Данный ассоциативный ряд представлен в ассоциативном поле слова — стимула *Соловки* в книге Олега Васильевича Волкова:

*Боже мой! Облитая солнцем гладь моря, свежий его запах, наносимый ветром, легким и ласковым. Вереница мягких сверкающих облаков, улегшихся у самой воды. Крупные чайки лениво машут крыльями, летят рядом, так близко, что различаешь всякое перышко... **Простор, воля**! Корабль идет плавно и бесшумно, скользит по бесконечной **равнине**, оставляя позади белеющую пеной дорогу, не исчезающую, сколько хватает глаз. День жаркий, но от воды тянет прохладой. И все вокруг — **свет, тепло, тишина** — охватывает, словно ласковыми руками, баюкает **врачует**...* [4: 56].

В «Воспоминаниях» О. Волкова происходит символизация языкового знака *Соловки. Соловки* являются идеологическим, культурным памятником, знаком:

*<...> И если хоть у одного читателя содрогнется сердце при мысли о **крестном пути русского народа**, особенно крестьянства, о проделанном над ним жестоком и бессмысленном эксперименте, это будет означать, что и мною уложен кирпич в основание **памятника** его страданиям* [Там же: 434].

Соловки — знак, памятник «*крестного пути русского народа*», «*памятник его страданиям*». Кроме того, это **символ веры**: «***Надо верить**, что церковь устоит, — говорил он. — **Без этой веры жить нельзя**. Пусть сохраняются хоть крошечные, еле светящие огоньки, когда-нибудь от них все пойдет вновь. **Без Христа люди пожрут друг друга**. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму **тут** прожил, **когда и дня** не бывает — **потемки круглые сутки**. Выйдешь на крыльцо — **кругом лес**, **тишина, мрак**. **Словно конца им нет, словно пусто везде и глухо**... Но „чем ночь темней, тем ярче звезды...“ Хорошие эти строки. А как там дальше — вы должны помнить. Мне, монаху, впору писание знать* (владыка Илларион)» [Там же: 74].

Выявляя образно-концептуальную составляющую единицы *Соловки*, остановимся на книге Бориса Николавича Ширяева «Неугасимая лампада», впервые изданной в Нью-Йорке в 1954 году издательством имени Чехова. Книга бывшего преподавателя Московского университета, заключенного первого соловецкого этапа, «состоит из серии рассказов о наиболее ярких событиях и встречах автора на соловецкой каторге. Страшна окружающая действительность («Первая кровь»), но автор больше останавливается на моментах, в которых и на каторге находит свое выражение неистребимое стремление людей к красоте и добру. К ним относится организация театра на Соловках. «*Театр на каторге — экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве... К серии таких светлых эпизодов относятся описание новогодней елки и единственной пасхальной заутрени, которая была отслужена на острове со времени превращения его в концлагерь*» [15: 8]. Издатели обращают внимание, что первые советские узники Соловецкой каторги прибыли на остров в 1922 году на пароходе, названном именем знаменитого чекиста, «Глеб Бокий», «*но под этим новым названием парохода легко можно было разобрать его старое название „Святой Савватий“*». В этом автору книги чудится, как нити прошлого переплетаются с нитями настоящего:

«...в жизнь Соловецкого монастыря новые времена как бы „вплели омоченное кровью суровье“, вытканное сотнями тысяч людей, согнанных сюда „метелью безвременных лет“.

По зловещей иронии истории новые вершители страны как бы переняли у соловецких монахов учение о спасительной роли труда, организовав на Соловках первую советскую каторгу, где „правонарушители“ трудом должны были искупить „преступления“, совершенные ими перед государством. Впрочем, эту философию советские чекисты разработали позже. В первые годы возникновения Соловецкого концлагеря труд, длившийся 12 часов в день, был лишь формой медленного убийства, даже вне расчетов о коммерческой выгоде» [Там же: 11]. *«<...> он [автор] все чаще стал задумываться над тем, в память каких безвестных страдальцев он пишет: тех ли, что погибли за „древнее русское благочестие“ или в память „новых мучеников, положивших свою жизнь за Русь ... грядущую?“»* [Там же: 11–12]. Соловецкая каторга для автора была «*страшной, зияющей ямой, полной крови, растерзанных тел, раздавленных сердец... над навсегда покину-*

тым ***святым островом*** *смерть,* ***только смерть простирала свои черные крылья***» [Там же: 11].

Амбивалентная оценка: *святой остров — остров смерти*. Еще раз обратимся к авторскому эпиграфу: «*Посвящаю светлой памяти художника Михаила Васильевича Нестерова, сказавшего мне в день получения приговора: „****Не бойтесь*** *Соловков.* ***Там Христос близко****“*».

Итак, топоним *Соловки*, частотный в исповедальном автобиографическом дискурсе русской интеллигенции, как одинарная единица выявляет свое концептуальное содержание через образное, понятийное, символическое содержание. Его можно считать номинацией лингвокультурного концепта, так как в концептуальном содержании значим в первую очередь национально-культурный оценочный компонент. В структуре концепта можно выделить субординатный, базовый, суперординатный уровни, связанные с разными формами-единицами их представления.

Субординатный уровень — понятие, фиксирующее логические признаки: *'природный заповедник', 'архипелаг', 'остров', 'монастырь', 'лагерь', 'тюрьма'*, а также образно-ассоциативная экспликация указанных логических признаков.

Базовый уровень представляет собой идеологему, «семантико-тематическое обозначение духовных ценностей в картине мира нации» [7: 153]: православная и культурно-историческая святыня (культурема). Аксиологическое ее окружение (коннотативное) амбивалентно: как аксиокатегория религии, культурно-философской ценности — имеет положительный знак (*уникальный природный заповедник, памятник архитектуры, православная святыня)*, а как категория социального устройства (власти) — отрицательный (*тюрьма, лагерь, место гибели*). Это общая идеологема, аксиологическая сущность которой менялась в диахронии, подвергалась семантико-когнитивной трансформации на каждом историческом этапе (монастырь — лагерь — природно-архитектурный заповедник).

Суперординатный уровень включает обозначение ценностных абстрактных сущностей (*Бог, совесть...)*. Знаковыми единицами этого уровня является мифологема (сакральные смыслы) и символ: «*грядущий град Небесного Иерусалима*», «*потерянный рай*», «*остров спасения — духовная лечебница, в которой врачуются души всех притекающих сюда*» [5: 3], *легенда, крестный путь русского народа, памятник его страданиям, символ веры*.

Осмысление ценностной сущности знака происходит посредством метафоры, которая является базой для мифологизации знака. В метафорических синонимических заменах топонима *Соловки* используются эмоционально-оценочные (*святой остров, теплый остров*) и образные (*остров смерти*) метафоры. Сферой-донором (по частотности) для метафорического переосмысления понятия *Соловки* являются 1) библейские, мифологические представления: *святой остров; потерянный рай; природный Рай; Ад для заключенных; мир святости и греха, небесного и земного*; 2) медицина: *остров смерти, больной остров*; 3) совмещающая сферу библейского текста и медицины: *духовная лечебница, врачует душу* (функциональная метафора).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 267–280.
2. *Барт Р.* Мифологии / Пер. вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М., 1996.
3. *Варламов А.* Теплые острова в холодном море: Повести. Иркутск, 2008.
4. *Волков О. В.* Век надежд и крушений: Воспоминания, повести, рассказы, очерки. М., 1989.
5. Во отоце океана моря... Книга паломника Соловецкой обители / Автор-сост. М. В. Осипенко. М., 2008.
6. *Журавлев С. А.* Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
7. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
8. *Колесов В. В.* Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3 (№16), 1992. С. 16–25.
9. *Колесов В. В.* Философия русского слова. СПб., 2002.
10. *Лихачев Д. С.* Избранное: Воспоминания. СПб., 2000.
11. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику. Минск, 2005.
12. *Радбиль Т. Б.* Мифология языка Андрея Платонова. Н. Новгород, 1998.
13. Теория метафоры: Сб. статей. М., 1990.
14. *Теффи Н. А.* Соловки // Житье-бытье. Рассказы. Воспоминания. М., 1991.
15. *Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампада. М., 1991.

А. Ю. Малафеев

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

(НА ПРИМЕРЕ КНИГИ А. И. ОСИПОВА «ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ»)

ALEXEY YU. MALAFEEV

LANGUAGE OBJECTIFICATION OF CONCEPT "DEATH" IN THE MODERN RUSSIAN ORTHODOX WORLDVIEW (BASED ON THE ANALYSIS OF "AFTERLIFE" BY ALEXEY I. OSIPOV)

Статья посвящена анализу языковой объективации концепта «смерть» в современной русской православной картине мира на примере книги А. И. Осипова «Посмертная жизнь». Описываются основные аспекты восприятия православным сознанием данного концепта: темпоральный, пространственный, экзистенциальный, когнитивный, духовно-нравственный и сотериологический. Рассматривается связь концепта «смерть» с другими ключевыми концептами православной картины мира («человек», «Бог», «мир», «грех», «спасение» и др.).

Ключевые слова: концепт «смерть», православный дискурс, православная картина мира.

The article analyzes language objectification of the concept death in the modern Russian Orthodox worldview in "Afterlife" by Alexey I. Osipov. The author describes the main aspects of the Orthodox view of death: temporal, spatial, existential, cognitive, spiritual, ethical and soteriological. The paper concerns the connection between the concept death and other key concepts of the Russian Orthodox worldview ("man", "God", "world", "sin", "salvation" etc.).

Keywords: concept "death", Orthodox discourse, Orthodox worldview.

Алексей Юрьевич Малафеев

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)
► amalafeev@yandex.ru

Смерть, как ни парадоксально, является неотъемлемой частью жизни как отдельного человека, так и общества. При этом ее восприятие и осмысление в мировой культуре всегда характеризовалось полифоничностью. В постиндустриальном обществе к существующему многообразию воззрений на смерть прибавилось и довольно широко распространенное сейчас понимание ее через призму культа потребления, когда смерть других людей с жадностью «потребляется» (через канал различных СМИ), а собственная смерть отодвигается индивидом на периферию сознания [6]. Резко отличается от такого отношения к смерти ее восприятие в русской православной картине мира, рассмотрение которого (на основании анализа языковой объективации концепта «смерть» в тексте книги А. И. Осипова «Посмертная жизнь» [5]) является целью данной работы.

Обращение к православному дискурсу отчасти связано с тем, что православное христианство лежит в основе русской культуры и без знакомства с ним невозможно адекватное понимание многих событий истории нашей страны, ее литературы, традиций, некото-

рых реалий русского языка. И хотя к проблематике религиозного дискурса обращались многие отечественные и зарубежные лингвисты (Е. В. Бобырева, Н. Д. Арутюнова, Р. Водак, Е. В. Грудева, Л. П. Крысин, Н. Б. Мечковская, О. А. Прохватилова, Н. Н. Розанова А. Д. Шмелев, К. А. Тимофеев и др.), православный дискурс, на наш взгляд, пока еще недостаточно хорошо изучен с лингвистической и когнитивной точек зрения. Русская православная картина мира представляет собой актуальный объект лингвокогнитивного исследования, особенно в междисциплинарном контексте современного научного знания: ее анализ позволяет получить богатый фактический материал, который может быть использован не только в лингвистике, но и в таких науках, как культурология, философия, психология, социология, литература, этика и история. В частности, рассмотрение языковой объективации концепта «смерть», одного из ключевых концептов русской православной картины мира, позволяет ответить на многие важные вопросы о восприятии действительности религиозным человеком. Действительно, при всей теоцентричности православной картины мира, очевидна и ее антропоцентричность, при этом смерть — это та самая неизбежная точка встречи человека с Богом, явного совмещения «земной» и духовной реальностей. Таким образом, смерть оказывается в православном мировосприятии тесно связанной с самой жизнью, она является одним из центральных элементов христианской телеологии.

Выбор книги «Посмертная жизнь» в качестве материала исследования обусловлен несколькими причинами. Во-первых, ее автор, профессор Московской духовной академии и семинарии А. И. Осипов, является одним из самых авторитетных русских православных богословов нашего времени. Следует отметить, что его книги и выступления не только *эксплицируют* православную картину мира, но во многом и *формируют* ее в сознании читателей и слушателей. Поэтому анализ текста «Посмертной жизни» — это изучение не только и не столько индивидуально-авторской картины мира, но православного мироощущения как такового (хотя и с известной оговоркой: думается, невозможно получить такой текст или такую совокупность текстов, которые отражали бы то или иное мировоззрение во всей полноте).

Во-вторых, в работах Осипова приводится большое количество ссылок на тексты Священного Писания и труды других богословов как древности, так и относительно недавнего прошлого. В основном это люди, которые названы Православной Церковью Святыми Отцами. Важно упомянуть, что, хотя прецедентность вообще характерна для религиозного дискурса [1], в православных (богословских, духовно-поучительных и др.) текстах тесная связь со святоотеческой традицией выступает своего рода критерием истины. Это важный аргумент в пользу выбора «Посмертной жизни» в качестве материала для анализа, поскольку укоренённость в соответствующей традиции свидетельствует о том, что автор названной книги является носителем именно православного, а не какого-либо другого мировоззрения, что, разумеется, важно в контексте данного исследования.

И наконец, книга А. И. Осипова раскрывает православное понимание жизни и смерти, а также учения о жизни после смерти, на достаточно глубоком уровне, что позволяет нам всесторонне проанализировать концепт «смерть» как элемент современной православной картины мира на основании его языковой объективации в данном тексте.

Основным методом нашего исследования является концептуальный анализ, т. е. анализ, объектом которого является концепт (в данном случае — концепт «смерть»). Под концептом вслед за Н. Н. Болдыревым мы понимаем «единицу осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [2: 26]. При концептуальном анализе применяются различные методики, в зависимости от особенностей исследования; в рамках же данной публикации основной методикой концептуального анализа стало рассмотрение специфики языковой объективации концепта «смерть» в тексте книги «Посмертная

жизнь». В частности, это подразумевает анализ синтагматических связей слова-экспликатора данного концепта — лексемы *смерть* — для толкования контекстуально реализуемых речевых смыслов. Кроме того, поскольку содержание данного концепта репрезентируется в тексте не только соответствующим словом, но и другими лексическими единицами, входящими в семантическое поле «смерть», мы также проанализировали употребление в тексте лексем с корнем *-смерт-* (*смертность, бессмертие, бессмертный, предсмертный, посмертный, посмертье* и др.), с корнем *-мертв-* (*мертвый, полумертвый, мертвец*), с корнем *-мир-/-мер-* (*умирать, умереть, умерший)*, а также *усопший*. Данные лексемы представляются наиболее значимыми с точки зрения экспликации различных аспектов концепта «смерть». В результате интерпретации актуальных контекстов употребления этих лексических единиц становится возможным формулирование общих выводов о содержании концепта «смерть» в современной православной картине мира.

Анализ показал, что смерть воспринимается православным сознанием в нескольких аспектах, или планах. Основными из них, на наш взгляд, являются следующие: темпоральный, пространственный, экзистенциальный, когнитивный, духовно-нравственный и сотериологический. Разумеется, сознание носителя православной картины мира воспринимает эти планы целостно, гештальтно; однако для удобства описания содержания концепта «смерть» нам представляется целесообразным рассматривать предмет поаспектно.

1. **Темпоральный план**. Время и пространство входят в число базовых концептов, отражающих универсальную картину мира; в философском смысле пространство и время как категории онтологичны для сознания индивида и гносеологичны по отношению к внешнему миру [7]. Данные категории выступают своего рода системой координат для человеческого сознания, позволяя упорядочить предметы и события в мире, который без этих категорий казался бы хаосом, а не космосом. Разумеется, православное мировоззрение также пользуется этой системой координат, и поэтому многие, если не все, ключевые концепты соответствующей картины мира обладают пространственно-временными характеристиками. Рассматриваемый нами концепт «смерть» — не исключение.

С одной стороны, смерть воспринимается как некий момент во времени, отмечающий важный этап жизни человека. Это демонстрируется тем, что автор «Посмертной жизни» употребляет прилагательные ***по****смертный*, ***пред****смертный*, окказиональное существительное ***по****смертье* (префиксы с временным значением), а также предложные сочетания ***перед*** *смертью*, ***после*** *смерти*, ***по*** *смерти*, именное количественное сочетание ***за*** *три месяца* ***до*** *смерти* (предлоги с временным значением). Подобные слова и словосочетания выполняют в тексте функцию временн**о**го маркера ситуаций или событий. При этом из примеров видно, что смерть не воспринимается как *заключительный* этап жизни человека (если только речь не идет о земной жизни) — ср. само название книги, «*Посмертная* ***жизнь***», а также словосочетания *посмертное* ***существование***, *посмертное* ***состояние***, *посмертное* ***бытие***, *посмертные* ***переживания***, и др. Приведенные словосочетания, в которых семантика существительных предполагает наличие *живого* субъекта, красноречиво свидетельствуют о том, что в рамках православного мировоззрения смерть является лишь промежуточным этапом существования личности.

С другой стороны, смерть концептуализируется и как процесс, протекающий во времени: словосочетание ***во время*** *смерти* (*какие жуткие страдания испытал он во время смерти*), употребление глагольных и деепричастных форм несовершенного вида (***Умирал*** *епископ Смоленский и Дорогобужский Сергий*; *мой дядя,* ***умирая*** *в полном сознании на глазах у всех нас родных*). В данных контекстах авторская интенция сфокусирована на описании переживаний субъекта, умирающего человека, из чего можно сделать вывод о том, что смерть воспринимается автором не просто как некий обязательный переходный этап в жизни личности, но как уникальный опыт, как правило, связанный с той или иной степенью страдания (*предсмертная* ***мука***).

Особо отметим контексты, в которых, на первый взгляд, смерть концептуализируется как момент: *описывая* ***момент*** *своей клинической смерти; выражение его лица было гораздо хуже, чем в* ***момент*** *смерти*. Поскольку в данных высказываниях речь идет не о смерти как таковой, а о клинической смерти (*короткий период после прекращения дыхания и сердечной деятельности, в к-рый еще сохраняется жизнеспособность тканей* — словарь Ожегова [4]), эти контексты не являются репрезентативными с точки зрения экспликации концепта «смерть» как элемента православной картины мира. В данных случаях смерть понимается в узком смысле: как (при)остановка жизнедеятельности организма.

2. **Пространственный план**. Автор называет смерть ***порогом***, употребляет сочетания *за* ***гранью*** *смерти, пройти через* ***врата*** *смерти*, что свидетельствует о своеобразном восприятии смерти в пространственном аспекте. Если в темпоральном плане смерть концептуализируется как этап жизни (процесс), т. е. точка или отрезок на временно**м** векторе бытия личности, то приведенные примеры иллюстрируют понимание смерти как переходного пункта или границы. Такое понимание основано на метафорическом восприятии жизни как дороги (ср. употребляемые автором словосочетания *путь жизни; посмертный духовный путь человека*). Важно отметить, что «пространство» смерти «сужено». Этот концептуальный смысл актуализируется в тексте с помощью лексемы *врата*. С другой стороны, эти «врата» отмечают некую границу (ср. *порог*, *грань*), которую можно перейти лишь однажды, границу между земной жизнью человека и вечностью. Таким образом, пространственное восприятие смерти, эксплицированное в тексте, можно выразить так: смерть — это врата, к которым ведет дорога земной жизни, обойти которые невозможно (ср.: [смерть является] *лишь неким* ***необходимым*** *порогом при входе в тот мир;* ***даже Божия Матерь*** *прошла через врата смерти, чтобы приобрести новое, духовное тело;* смерть ***неотвратима***, ***неминуема***) и за которыми дорога продолжается в бесконечность (своего рода векторное движение); но это и врата между принципиально разными «мирами» (*земля*, *земная жизнь — рай, небо, ад, вечность*) (полная смена пространственной парадигмы).

3. **Экзистенциальный план**. Данный аспект восприятия смерти тесно связан с рассмотренными выше, однако акцент здесь должен быть сделан на субъекте, переживающем это состояние. Приведенные ранее словосочетания — *посмертная* ***жизнь***, *посмертное* ***существование***, *посмертное* ***состояние***, *посмертное* ***бытие***, *посмертные* ***переживания*** — ясно показывают, что смерть в православной картине мира не воспринимается как прекращение существования личности: умирает тело, но не душа. Однако смерть означает вр**е**менное изменение качества существования индивида; это изменение иногда называется *сбрасыванием кожаных риз* (ср.: *Быт. 3: 21 И сделал Господь Бог Адаму и жене его* ***одежды кожаные*** *и одел их* — в церковнославянском переводе ***кожаные ризы***). В одной из предыдущих работ мы уже рассматривали особенности православной антропологии в когнитивном аспекте (см.: [3]), поэтому здесь мы не будем подробно останавливаться на понимании человека и его природы в православной картине мира. Отметим только, что земное тело человека рассматривается в ней лишь как временная оболочка, которая по всеобщем воскресении будет заменена более совершенным духовным телом (ср. текст «Посмертной жизни»: *Христианство учит о грядущем всеобщем воскресении, когда благодаря страданиям и Воскресению Христовым природа человека восстанет исцеленной, славной, духоносной. Однако для получения новой плоти каждому человеку необходимо* ***сбрасывание кожаных риз — смерть тела***). Бестелесное же существование человека характеризуется постепенным *лишением обратной связи с привычным ему миром*. При этом субъект не теряет способности к восприятию, сохраняет память, мышление.

Специфика экзистенциального аспекта содержания концепта «смерть» также иллюстрируется употреблением лексемы *усопший* в тексте «Посмертной жизни»: *Близко нашему сердцу то глубокое слово, которое звучит в храме, — усопшие. Слыша его, так и чувствуешь*

какое-то ***полное успокоение****, которого достигли они,* ***сбросив с себя тело*** *с его бесчисленными* ***заботами, суетой, огнем неутолимых страстей****.* ***Освободились*** *вы, наши милые и дорогие — усопшие.* Внутренняя форма слова *усопший* (ср. родственные слова *сон*, *спать*) не противоречит православному представлению об осознанном существовании личности после смерти. Как видно из приведенного примера, данная лексема эксплицирует восприятие смерти как освобождения от земной суеты, но при этом подразумевает и будущее воскресение человека в теле (как сон предполагает пробуждение). Поэтому автор «Посмертной жизни» говорит о том, что смерть, например, родного человека — это *лишь кратковременная разлука* с ним.

Еще одна особенность православного понимания посмертного существования личности — утрата воли как непосредственное следствие смерти (*со смертью* ***отнимется воля***). Автор «Посмертной жизни» поясняет, что речь идет о воле не как о свойстве души, но как о *способности к решимости что-либо изменить*. Это изменение прямо связано с духовно-нравственным планом православного восприятия смерти, который мы рассмотрим ниже; но перед этим необходимо проанализировать еще один аспект понимания смерти.

4. Восприятие смерти в **когнитивном плане**, то есть как объекта мыслительной деятельности индивида, очень характерно именно для православной картины мира. Если носители многих других (особенно нерелигиозных) мировоззрений отодвигают смерть на периферию сознания (показателен тот факт, что во многих культурах на ее обсуждение наложено табу[1]), носители православной картины мира воспринимают смерть совсем иначе. В тексте «Посмертной жизни» это выражено в следующих формулировках: ***помни*** *о смерти;* ***учись*** *всю жизнь умирать; чаще* ***думай*** *о смерти*; автор книги задает вопросы: *но* ***что такое*** *смерть? итак,* ***что же такое*** *смерть?* ***что же думали*** *о смерти...*; говорит о ***понимании*** *смерти*, ***проблеме*** *смерти.* Характерно, что автор заявляет о необходимости для верующего помнить о смерти, чтобы вести более нравственную жизнь (в тексте «Посмертной жизни»: *Христианские подвижники говорят <...> «помни о смерти,* ***и вовек не согрешишь****»;* ср. текст одной из т. н. неканонических книг Библии, книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова: *Во всех делах твоих помни о конце твоем,* ***и вовек не согрешишь*** — Сир. 7: 39). Размышления и воспоминания о смерти связаны в христианском сознании с пониманием смысла жизни как стремления к соединению с Богом: смерть (*неотвратимая, неминуемая*) постоянно напоминает человеку о предстоящей встрече с вечностью. При этом человеку присуще *внутреннее неистребимое чувство бессмертия,* связанное с *психологической трудностью поверить, что после смерти человек исчезает в небытии*. Разумеется, человек испытывает и страх смерти (***уклонение*** *от смерти,* ***боязнь***), поскольку смертность стала *свойством человеческого естества* лишь в результате грехопадения, т. е. она имманентно не присуща человеку.

5. Далее логично рассмотреть **духовно-нравственный** аспект восприятия смерти в православной картине мира. Посмертная реальность оказывается пребыванием либо в блаженстве (*рай*, *Царство Божие*, *постоянная / бесконечная / непостижимая радость*, *блаженство*), либо в страдании (*ад*, *геенна*, *посмертные страдания / мучения / муки*, *огонь неугасающий*, *червь неусыпающий*), в зависимости от того, как проходила земная жизнь человека, к чему стремилась его воля (ср.: *Загробное состояние человека —* ***прямой плод его стремлений и деяний в этой жизни****; Душа вступает там в непосредственное общение, единение с миром духов, поскольку сама является таким же духом. Но с какими духами* ***соединяется*** *душа? —* ***С теми, которым она в наибольшей степени подобна по своему духовному состоянию***). Пребывание в аду называется *посмертным воздаянием* или *наказанием*, но, как поясняет автор «Посмертной жизни», ссылаясь на Святых Отцов, оно является результатом свободного *самоопределения* человека в течение земной жизни. После смерти человек проходит через *своего рода* ***испытания*** *личности на добро* и на зло (т. н. *мытарства*); автор также метафорически называет эти испытания ***экзаменами*** на добро и на зло.

С одной стороны, человек *проходит перед лицом всех добродетелей* для определения *того, какие добрые свойства приобрела* [его] *душа во время земной жизни, к чему высокому, чистому она стремилась, каким идеалам служила.* С другой стороны, человек, «не прошедший» испытания добром, оказывается на мытарствах, которые, как пишет автор «Посмертной жизни», являются *последним лекарством для тяжело больных* (т. е. грешников), после чего еще возможно (хотя и крайне затруднено) *восприятие* человеком *Царства Небесного*.

6. Тесно связан с рассмотренным выше духовно-нравственным аспектом восприятия смерти и аспект **сотериологический**, то есть имеющий отношение к богословскому учению о спасении человека. Во многих православных догматических и богослужебных текстах (отрывки из некоторых из них приводятся и в «Посмертной жизни») смерть персонифицируется: так, например, она *царствует* над человеком, *похищает* людей[2]. Впрочем, это лишь художественный прием олицетворения; в подобных контекстах важно, что смерть рассматривается как нечто такое, от чего человека необходимо *спасти* (ср. также *избавить от уз смертных*) и что нужно *победить*. Как известно, в христианской сотериологии говорится о том, что *Спасителем* человечества стал воплотившийся, распятый и воскресший Богочеловек Иисус Христос, *«умертвивый смерть», «смертию смерть поправ», «смертное жилище разори своею смертию днесь»* (из Пасхальных песнопений, которые также приводятся в книге Осипова). В результате акта спасения человек не избавился от необходимости пройти через физическую смерть, но получил возможность избавления от смерти *духовной* и смерти *вечной*, при условии соответствующего *самоопределения* в течение земной жизни.

Таким образом, анализ текстовой языковой объективации концепта «смерть» показывает, что этот сложный концепт воспринимается православным сознанием многоаспектно и что его содержание тесно связано с другими ключевыми концептами православной картины мира («человек», «Бог», «мир», «грех», «спасение» и др.). Выводы данной работы можно использовать в дальнейшем изучении православной картины мира в лингвокогнитивном аспекте, а также в исследованиях по культурологии, религиоведению, литературе, этике, философии и другим гуманитарным наукам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Так, по данным исследования, проведенного Norwich Union среди жителей Великобритании, смерть является наиболее нежелательным предметом разговора (источник: http://www.aviva.co.uk/media-centre/story/1236/dying-conversation-death-remains-a-taboo-subject-a/).

[2] Другой характерный контекст: *Где твое, смерти, жало?* (из «Пасхального слова» свт. Иоанна Златоуста, традиционно читаемого в Церкви на Пасху). Здесь можно видеть риторическое обращение к смерти как некоему существу, «жаляще-му» людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики: Монография. Волгоград, 2007.

2. *Болдырев Н. Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. 4. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / Гл. ред Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2009. С. 25–78.

3. *Малафеев А. Ю.* Особенности концептуализации мира в «Слове о человеке» свт. Игнатия (Брянчанинова) // Когнитивные исследования языка: Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: Сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2011. С. 307–315.

4. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.,1996.

5. *Осипов А. И.* Посмертная жизнь. М., 2008.

6. *Поварицын С. А.* Концептуализация смерти в сознании общества: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2010.

7. *Романова Т. В.* Диалектика социального и индивидуального в процессе концептуализации и категоризации времени и пространства в художественной картине мира // Социальные варианты языка — VII: Матер. междунар. конф. 14–15 апр. 2011 г. Нижний Новгород, 2011. С. 251–255.

Е. Г. Стешина

О СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТАХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «БЕДНОСТЬ»

(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

ELENA G. STESHINA

ABOUT STRUCTURAL COMPONENTS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT "POVERTY" (IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

В статье рассматриваются способы вербализации концепта «бедность» в русском и английском языковом сознании. Затрагиваются вопросы построения номинативного поля изучаемого концепта, выделяются концептуальные признаки, выявляются сходство и различия семантического содержания концепта в современном сознании представителей русской и английской наций. Проводится этимологический анализ лексемы «бедность».

Ключевые слова: концепт, концептуальные признаки, значение, сознание, этимология.

The article is devoted to the problem of verbalization of the concept "poverty" within the Russian and English speaking mind. Nominative field, conceptual features are examined in the article. In the process of analysis it has been suggested comparing of the conceptual features in the contemporary mind of Russian and English nations. The article presents an attempt to determine the etymology of the word "poverty".

Keywords: concept, conceptual features, meaning, mind, etymology.

Елена Геннадьевна Стешина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Пензенского государственного университета архитектуры и строительства
► celesta77@rambler.ru

Исследование закономерностей строения языкового сознания человека становится одним из перспективных направлений развития современной антрополингвистики. Разработка указанной проблемы объединяет достижения разных сфер современной науки о языке, к числу которых относятся лингвистическая прагматика, когнитология, психолингвистика и лингвокультурология. Особую актуальность обретают вопросы взаимоотношения речевого мышления и социальной среды обитания индивида, отражения в глубинных слоях концептосферы своеобразия этнокультурных особенностей социума. Решение поставленных задач лежит на пути детального изучения структуры коллективного языкового сознания, в котором универсальное, общечеловеческое сосуществует с национальным, этноспецифическим. Исследование концепта находится как бы на гребне пересечения таких направлений развития науки о языке, как лингвокультурология, этнопсихолингвистика, когнитивная лингвистика.

Целью когнитивной лингвистики является «моделирование концепта как мыслительной единицы по данным языка, реконструкция когнитивного сознания, то есть моделирование макроструктуры концепта, состоящей из образной, информационной и интерпретационной частей. Информационное содержание многих концептов близко к содержанию

словарной дефиниции ключевого слова концепта, то есть необходимо исследование номинативного поля концепта»[1].

Построение номинативного поля концепта представляет собой установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки[2]. Языковые средства выступают средством материализации языкового сознания. Представители Московской психолингвистической школы А. А. Леонтьев и Е. Ф. Тарасов рассматривают языковое сознание как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей»[3].

Мы придерживаемся мнения И. А. Стернина, который считает, что «интерпретация результатов лингвистического описания номинативного поля концепта — важнейший и абсолютно необходимый этап исследования», так как «этот этап процедуры лингвокогнитивного исследования „переводит“ языковые данные в когнитивные и позволяет приступить к моделированию концепта.

Установление сем, образующих значения разных языковых единиц, номинирующих концепт, позволяет выявить их более или менее полный набор, образующий номинативное поле и следовательно отражающий когнитивные признаки исследуемого концепта»[4].

Большинство исследователей дифференцируют «концепт» и «значение», основывая свои умозаключения на том факте, что концепт является структурой более объемной, а значение — более узкой. По мнению В. И. Карасика, «концепт значительно шире, чем лексическое значение»[5]. В свою очередь, «значение — это объективно сложившаяся в ходе истории общества система связей, которая стоит за словом. Это то, что объединяет различных носителей языка в понимании той или иной номинации. Обычно словарные толкования лексем стремятся выразить их значения»[6].

Концепт *бедность* также представлен производными словообразовательными единицами: беднейший, бедненько, бедновато, беднячка, беднячество, бедняцко-середняцкий, бедняжечка, безбедный, безбедно, пребедный, пребедно, беднеть, забеднеть, обеднеть, обеднение, обеднелый, обеднить, обеднять, обедняться, обедненный, обедненность, прибедниться, прибедняться, прибедниваться.

Анализ словарных дефиниций приводит к выводу, что в словарях русского языка представлены следующие семемы лексемы *бедный*:

1) не имеющий достаточных средств к существованию;

2) выражающий убогость, скудность; имеющий дешевый вид;

3) обладающий недостаточным содержанием чего-либо;

4) вызывающий жалость.

Соответственно такие же концептуальные признаки будет иметь и существительное *бедность*. Итак, концепт *бедность* репрезентирован в русском языке 4 значениями:

1) **материальное:** неимущий; обладающий очень скудным достатком; состояние, положение бедняка, нужда;

2) **качественное:** имеющий недостаток в чем-нибудь, скудный, однообразный; дешевый, незатейливый, простой; убогость, неприглядность;

3) **количественное:** содержащий в себе мало чего-нибудь; небогатый по содержанию, средствам выражения, составу;

4) **эмоциональное:** вызывающий жалость.

Каждая семема своими семами отражает концептуальные признаки, образующие содержание исследуемого концепта. Из сем значений ключевых лексем *бедность, бедный* мы можем выделить следующие концептуальные признаки изучаемого концепта:

1) бедность подразумевает нищенское материальное состояние человека;

2) бедность является состоянием бедного;

3) бедность выражает недостаток чего-либо:

а) может быть дешевой;

б) может быть убогой; скудной;

в) может быть простой;

г) может быть однообразной; незатейливой; неприглядной;

4) бедность выражает недостаточность содержания чего-либо; может быть небогатой по составу, средствам выражения;

5) бедность вызывает жалость.

Семантический анализ особенностей ключевого слова *бедность* в английском языке представляет особый интерес. В английском языке концепт представлен ключевыми лексемами *poverty, poor*, а также производными словообразовательными единицами *poorly, poorness.*

В словарях английского языка представлены следующие семы лексемы *poor*:

1) испытывающий недостаток материальных средств;
2) характерный для бедности;
3) небогатый по содержанию;
4) низкий в цене;
5) плохой по качеству;
6) выражающий скудость, убогость, мелочность;
7) вызывающий жалость; нуждающийся в помощи и симпатии.

Концепт *poverty* репрезентирован в русском языке 5 значениями:

1) **материальное**: бедность является состоянием бедняка; состояние человека, который испытывает недостаток социально приемлемого количества денег или материальных благ; нужда, нищета; имеющий мало денег; недостаток, нехватка;
2) **качественное**: бедность выражает отсутствие необходимых свойств или желаемых качеств; плохой по качеству; простой, недорогой; неблагоприятный; мелочный; скудный; посредственный; убогий; не отвечающий требованиям; небогатый по содержанию; являющийся неплодородным, непродуктивным; недостаточность;
3) **количественное**: содержащийся в небольшом количестве; низкий по цене; малое количество;
4) **физическое**: слабость из-за недоедания; истощенный;
5) **эмоциональное**: вызывающий жалость.

Полученные наборы семантических признаков одного языка можно сравнить с набором семантических признаков эквивалентного концепта другого языка. Такое сравнение, прежде всего, выявляет национальную специфику в составе и удельном весе семантических признаков эквивалентных концептов разных языков. Контрастивные методы дают исследователю возможность выявить общие когнитивные компоненты в концептах сравниваемых национальных концептосфер, обнаружить различия в них, а также, что очень важно, — обнаружить отсутствие некоторых когнитивных компонентов в концепте одной из сравниваемых культур[7].

Сопоставляя набор дефиниций концепта, обозначенного в русском языке лексемой *бедность,* а в английском языке лексемой *poverty,* мы выявляем следующие различия в семемах представленных концептов, где лексема *poverty* имеет значение, используемое носителями английского языка: *бедность — это слабость из-за недоедания.*

Таким образом, **физическое** значение признается нами оригинальным и сугубо национальным, присущим английскому сознанию.

Проведенный анализ выявляет и большое сходство семантического содержания концептов русской и английской наций: **материальное, качественное и количественное** значения частично совпадают в русском и английском языках, что делает возможным перевод с одного языка на другой.

Из сем значений ключевых лексем *poverty, poor* мы можем выделить следующие концептуальные признаки изучаемого концепта:

1) бедность является состоянием бедняка;
2) бедность может быть социально обусловлена;
3) бедность — это недостаток денег, материальных благ;
4) бедность выражает недостаток чего-либо:
   а) может быть простой, недорогой; низкой по цене;
   б) может быть мелочной, скупой; скудной;
   в) может быть посредственной, убогой;
   г) может быть неплодородной, непродуктивной; небогатой по содержанию;
5) бедность выражает отсутствие необходимых свойств или желаемых качеств;
6) бедность вызывает жалость;
7) в состоянии бедности человек испытывает слабость из-за недоедания.

В результате сопоставления концептуальных признаков содержательных минимумов понятий *бедность/poverty* мы приходим к выводу, что семантическое представление обсуждаемых лексем оказывается схожим и различным для русских и английских носителей языка в признаках, представленных ниже.

Концептуальные признаки лексем *бедность/poverty*

признак (англ. яз., рус. яз.)

1) состояния бедности, нужды (+, +)
2) низкий материальный достаток (+, +)
3) дешевизна/ низкая цена (+, +)
4) убогость/простота/ скудность (+, +)
5) отсутствие необходимых свойств или желаемых качеств (+, +)
6) недостаточность содержания чего-либо (+, +)
7) социально обусловленный (+, –)
8) скупость (+, –)
9) непродуктивность/ неплодородность (+, –)
10) жалость (+, +)
11) слабость из-за недоедания (+, –)
12) небогатый по составу (–, +)

При лексикографическом описании содержательного минимума концепта *бедность* признаки 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10 совпадают и являются актуальными для сознания носителей русского и английского языков. Основное значение, обозначенное в словарях, в целом выражает общее понимание бедности — «это нужда, состояние бедного». Из таблицы также очевидно, что лексикографическое представление концепта *бедность* оказывается различным для сопоставляемых языков в следующих положениях.

1. В английских дефинициях существенным конкретизирующим признаком является факт отсутствия денежных средств, что для русских носителей языка оказывается менее релевантным, где бедность для русского человека — «это обладание скудным достатком, бедный — не имеющий достаточных или необходимых средств к существованию; неимущий и малоимущий».

2. Концептуальный признак 7 принадлежит английскому сознанию, где понятие бедности зависит от общества, оно социально обусловлено. Яркий показатель того, что бедность является не личной, индивидуальной проблемой, а проблемой человеческого сообщества, решаемой всем обществом. Для русского сознания проблема бедности остается личной.

3. Сопоставление лексикографических толкований *бедности* в английском и русском языках свидетельствует также о большой дефиниционности иноязычных изданий, в определениях которых присутствует набор предикативных сем, отражающих существенные концептуальные признаки денотата, степень представленности семантических признаков в дефинициях *бедности* выше в иноязычной лексикографии. Как справедливо отмечает Н. А. Красавский, предлагаемые «составителями филологических словарей русского языка словарные дефиниции нередко содержат минимум информации, не позволяющий читателю увидеть различия между толкуемыми родственными понятиями»[8].

Принимая за основу положение И. А. Стернина о многокомпонентности и многослойности концепта, представленные в таблице 1, 2, 4, 5 признаки можно считать составляющими прототипическое ядро концепта *бедность*. Суммируя результаты проанализированных источников, приходим к выводу, что языковое обозначение *бедности* может быть сформировано из понятий: *состояние нужды, нехватка денег, убогость, непродуктивность и недостаточность содержания чего-либо*.

Общепризнанным является факт, что этимология слова коррелирует с представлениями о некотором понятии, существующем в сознании носителей языка данной лингвокультуры, отражает языковую ментальность носителей данного языка. Понятийная система, содержащаяся в лексике языка, этносемантически маркирована, поскольку связана неразрывно с культурой носителей данного языка.

Анализ внутренней формы слова является источником сведений о структуре концепта. По мнению И. А. Стернина и З. Д. Поповой, «этимологический анализ может дать некоторые сведения о концепте...»[9]. «В качестве вспомогательного средства... по-видимому, может использоваться и внутренняя форма слов»[10].

С. Г. Воркачев и Г. В. Кусов полагают, что существует «когнитивная память слова» — смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка[11].

В ходе исследования концепта *бедность* в русском сознании при диахроническом анализе семантики ключевой лексемы «бедный» мы уста-

новили, что первоначально ядром концепта являлось конкретное понятие, которое может быть определено как «беда».

Беда — общеславянск. индоевроп. хар-ра. Значение «беда, горе, несчастье» из более древнего «притеснение, гонение» (ср. др.нем. beaten — «принуждать»). В этимологическом словаре Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой «бедный» исходно обозначало «вынужденный подчиниться силе», «несчастный»[12].

Этносемантическое ядро концепта *бедность* в русском языке, или вообще в индоевропейских языках, складывалось постепенно под влиянием этногенеза социальных отношений.

Известный ученый М. М. Маковский показывает, что ряд слов со значением «бедный» восходит к словам, означавшим «бить, мучить, страдать». Русское прилагательное «бедный» соотносится с ие. *bhedh* — «гнуть, мучить», иа. *badu, baddu* — «калека, импотент»; лит. *bodu*s — «противный», *bedinas* — «несчастный», латыш. *bedat* — «гнуться», *badas* — «голод», лат. foedus — «мерзкий, отвратительный», лит. *baduti* — «колоть»[13].

В содержание концепта *бедность* входят следующие первичные понятийные признаки:

1) бедность изначально соотносилась с понятием «беда» — «притеснение, гонение»;

2) значение бедность соответствует «вынужденный подчиниться силе»;

3) бедность имеет такие дефиниции, как «бить, мучить, страдать»;

4) бедный соотносится с понятием «несчастный».

Выделенные первичные понятийные признаки «притеснение; гонение», «бить», «вынужденный подчиниться силе» следует признать менее значимыми для современного русского сознания молодежью. Значения «несчастный», «беда», «страдать, мучить» можно обнаружить в данных, полученных эмпирическим путем при проведении серии экспериментов, тем самым следует признать выделенные признаки актуальными для молодежного сознания русских респондентов.

Этимологический словарь английского языка on-line[14] дает следующие сведения о развитии лексемы *poverty:*

poverty — c. 1175, from O. Fr. *poverte*, from L. *paupertatem* (nom. *paupertas)* "poverty", from *pauper* (see poor);

poor — c. 1200, from O. Fr. *poure (*Fr. *pauvre*), from L. *pauper* "poor", perhaps a compound of *paucus* "little" and *parare* "to get".

Лексема *poverty* заимствована из древнефранцузского языка *poverte,* которая, в свою очередь, заимствована из латинского *paupertas, pauper.* Корень pau- показывает, что изучаемая лексема относится к индо-европейской группе языков.

Исследователь М. М. Маковский проследил путь становления латинского слова pauper «бедный» — *pau-paro-s* — «мало получающий». Первый элемент соотносится с лат. *paucus* — «мало», гот. *fawai*, дс. *far* «мало» (ср. и.-е. *peu-* «бить, резать»), а второй с лат. *parare* «брать, получать»; ср. дс. *fatoekr,* дат., шв. *fattig* «бедный» (букв. «мало берущий»)[15].

Концепт *poverty* имеет такие первичные понятийные признаки, как:

1) бедность соотносится с латинским словом paupertas «бедность»;

2) бедность имеет дефиницию «мало берущий», «мало получающий».

На основе первичных понятийных признаков можно сделать вывод, что в ядре исследуемого концепта оказывается смысл, существующий и в наши дни — «бедность, мало получающий». Именно этот смысл становится основным значением лексемы *poverty*. Значение, имеющее индоевропейские корни (ср. и.-е. *peu-* «бить, резать»), отмирает.

В заключение необходимо отметить, что обе лексемы *бедность* и *poverty* имеют индоевропейские корни, которые с течением времени исчезли. Основной смысл исследуемых лексем сложился в Средние века и сохранил свое основное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж, 2006. С. 140.

[2] Там же. С. 124.

[3] Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 26.

[4] *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка... С. 140–141.

[5] *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 6.

[6] *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М., 2001. С. 71.

[7] *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003. С. 78.

[8] *Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград, 2001. С. 16.

[9] *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике... Воронеж, 2003. С. 147.

[10] *Карасик В.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 171.

[11] *Воркачев С. Г., Кусов Г. В.* Концепт «оскорбление» и его этимологическая память. Воронеж, 2000. С. 90.

[12] *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994. С. 89.

[13] *Маковский М. М.* Язык — миф — культура: символы жизни и жизнь символов. М., 1996.

[14] Этимологический словарь английского языка. — http://www.etymonline.com

[15] *Маковский М. М.* Указ. соч.

[представляем новые книги. рецензии]

ЩУКИНА Д. А., АТАЕВА Е. В., БЕСПАЛОВА О. Е. и др. ОСНОВЫ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ...

(Окончание. Начало на с. 23)

коммуникативно-ролевого действия: переговоры, деловая беседа, собрание, совещание.

Профессиональная деятельность специалиста технического профиля предполагает развитие коммуникативной компетенции в сфере управления, в общении внутри организации, при осуществлении деловых контактов с организацией-партнером в рамках внешних производственных отношений. В связи с данными потребностями четвертая и пятая главы дают представление о специфике внутрикорпоративной и межкультурной коммуникации, об исторической преемственности российской деловой культуры.

Новизна данного пособия в сравнении с другими изданиями такого рода состоит в структуре и организации учебного материала, который может быть использован в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи», в спецкурсах, элективных курсах по различным аспектам делового общения, а также для самостоятельной работы студентов при подготовке рефератов в рамках речеведческих и коммуникативных дисциплин.

Несомненным достоинством представленного пособия является доступная форма преподнесения теоретического материала, адресованного нефилологической аудитории: четкий отбор дидактических единиц, минимизация и целесообразная организация теоретического материала, его ориентация на развитие профессиональных знаний, умений и навыков.

Содержание пособия полностью согласуется с компетентностным подходом в образовании, принятым в настоящее время в качестве приоритетного и ориентированного в целом на продуктивную социальную адаптацию специалиста в современном обществе. Требование многоуровневой подготовки специалистов предполагает формирование как общекультурных, так и профессиональных компетенций, среди которых в ФГОС ВПО 3-го поколения отмечены в качестве ключевых «свободное владение литературной и деловой письменной и устной речью на русском языке»; умение «создавать и редактировать тексты профессионального назначения», «вести переговоры, устанавливать контакты, урегулировать конфликты», «составлять и оформлять служебную документацию».

Подводя итог, следует подчеркнуть, что «Основы деловой коммуникации: учебное пособие по русскому языку и культуре речи», подготовленное в контексте современных образовательных технологий, отвечает всем научно-методическим требованиям, предъявляемым к учебным пособиям для вузов.

В. И. Коньков,
д-р филол. наук, профессор СПбГУ

У Вэй

ЗИМА В РУССКОМ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

WU WEI

WINTER IN RUSSIAN PAREMIOLOGICAL SPACE
(AGAINST THE BACKGROUND OF THE CHINESE LANGUAGE)

В статье рассматриваются русские пословицы и поговорки о зиме на фоне китайского языка. Анализ проводится с точки зрения вербализованных в паремиях установок культуры. Исследуются сходства и различия в восприятии зимы как времени года в русской и китайской лингвокультурах, нашедшие отражение в паремиях двух языков. Особое внимание обращается на образность русских единиц.

Ключевые слова: паремии, языковая картина мира, лингвокультурологический анализ, установки культуры, национальное мировидение.

The article deals with Russian proverbs and sayings about winter on the background of the Chinese language. The analysis is performed in terms of culture sets verbalized in proverbs. We investigate the similarities and differences in the perception of winter as a season in the Russian and Chinese linguocultures which is reflected in proverbs of both languages. Particular attention is drawn to the imagery of Russian units.

Keywords: paroemia, linguistic picture of the world, linguoculturological analysis, cultural orientation, national worldview.

Времена года являются значительным фрагментом русской и китайской картин мира, но роль сезонов и сезонных явлений в данных культурах, их восприятие и оценка не тождественны. Вербализация исследуемого фрагмента картины мира в русском языке и в китайском имеет как универсальные черты, так и национально-специфические, которые можно выявить только посредством лингвокультурологического анализа соответствующих русских единиц на фоне их китайских соответствий.

У Вэй

Аспирантка кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета
► vivian741@mail.ru

Паремии — явление, безусловно, универсальное, свойственное всем языкам мира. Паремиологические единицы аккумулируют в себе народную мудрость, фиксируют традиционную картину мира народа и осуществляют, по выражению В. Н. Телии, «межпоколенную трансляцию культуры». Паремиологическое пространство языка представляет собой отдельный фрагмент, часть языковой картины мира, это система пословиц и поговорок, связанных различными типами отношений — парадигматическими, структурно-семантическими, ассоциативными, вербально-культурными кодами (см.: [6]).

В предисловии к книге «Мир в английских и русских пословицах» Е. В. Иванова выделяет четыре направления сопоставительного исследо-

вания пословиц и поговорок: 1) традиционное — «в плане установления генетических и типологических черт сходства пословиц, описания пословичных эквивалентов, аналогов и безэквивалентных пословиц»; 2) социолингвистическое — «с целью установления отражаемых в пословицах черт сходства и различия в социальных условиях жизни народа»; 3) лингвокультурологическое — «с целью описания сходных и различных характеристик культуры, представленных в пословицах культурных концептов и символов, культурных универсалий»; 4) когнитивное — «с целью выявления закономерностей постижения мира и отражения результатов этого постижения в пословицах, с целью установления различий в видении мира, свойственных народам» [3: 5–6]. В данной статье мы прежде всего делаем акцент на выявлении сходства и различия установок культуры, вербализованных в анализируемых паремиях. Исследование ведется в рамках лингвокультурологического направления изучения паремий.

Паремиологи давно обратили внимание на чрезвычайную емкость и внутреннюю сложность пословичных изречений. С одной стороны, это явления языка, сходные с простыми фразеологизмами; с другой — какие-то логические единицы (суждения или умозаключения); и с третьей — художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме отражающие факты живой действительности. Именно по этой причине пословичные изречения привлекают к себе внимание и языковедов, и фольклористов, и философов-логиков. Тройственная природа пословиц и поговорок, которую отметил еще Г. Л. Пермяков, требует и троякого к ним подхода — как к явлениям языка, явлениям мысли и явлениям фольклора.

Под паремиями в настоящей статье понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи изречения с синтаксической структурой предложения, пригодные для употребления в дидактических целях [5]. К паремиям в русском языке относятся пословицы и поговорки. Под поговоркой обычно понимается краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план. Пословица — краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера. Пословица выражает суждение и обладает буквальным и переносным смыслом или только переносным.

Для того чтобы проводить лингвокультурологический анализ русских паремий относительно китайских, необходимо удостовериться в сходном лингвистическом статусе единиц двух языков.

С восьмидесятых годов прошлого века в Китае возрос интерес к изучению паремий. Но, несмотря на значительные результаты, полученные в этой области знаний, единства мнений относительно содержания понятий «пословица», «поговорка», «идиома», «иносказание», «афоризм» и «крылатые слова» до сих пор не существует. Остается до конца не ясным соотношение соответствующих терминов. На данный момент в китайской лингвистике приняты следующие положения. Что касается «суюй» — поговорки, то существующие в научной литературе точки зрения, основанные на исследованиях разных ученых, можно условно разделить на два направления: широкое и узкое понимание фразеологии. При широком понимании термином «суюй» (俗语: букв. «просторечное выражение, народное выражение») обозначаются стандартизированные стереотипизированные предложения, клише, а также такие сочетания, которые имеют тенденцию к стандартизации (см.: [10]). По мнению Сунь Чжипин, суюй представляет собой совокупность идиом, свойственных разговорной речи, пословиц, недоговорок-иносказаний, привычных выражений, ходячих выражений（常用语）, устойчивых выражений из диалектов и говоров （方言俚语）и т. д. (см.: [7]). Цюй Яньбинь считает, что суюй включает, кроме перечисленных выше разрядов единиц, также и выражения из сленга (см.: [11]). Известный ученый Вэнь Дуанчжэн относит к категории «суюй» три разновидности народных речений, а именно: 1) пословицы — речения, представляющие собой суждения, имеющие поучительный характер, относящиеся к выразительным средствам языка; 2) привычные выражения — устойчивые фразеологические сочетания, представляющие собой изобразительные

средства языка; 3) недоговорки — иносказательные изречения, состоящие из двух частей: иносказания и его раскрытия, в первой части часто употребляются изобразительные средства языка [2: 9–13]. Существует и другая точка зрения, согласно которой термин «суюй» используется только для обозначения поговорок [Там же: 65]. Отмечается, что в узком смысле суюй понимается как собственно поговорки, которые отличаются от других народных речений, в частности, привычных выражений, идиом, афоризмов и недоговорок-иносказаний [9]. С того момента, когда в китайских лингвистических исследованиях был введен термин «фразеология», заимствованный из русской лингвистической науки, термин суюй в широкой концепции фразеологии уже заменяется на «фразеология (по кит.: шуюй 熟语») [8]. В настоящее время в китайской фразеологии выделяется, как правило, четыре-пять разрядов фразеологизмов. Фразеологизмы классифицируются скорее по их происхождению и стилистической отнесенности, а не по структурно-семантическим признакам. Ма Гофань выделяет пять основных разрядов фразеологических единиц: 1) чэнъюй (成语) — идиома; 2) яньюй (谚语) — пословица; 3) сехоуюй (歇后语) — недоговорка-иносказание; 4) гуаньюнъюй (惯用语) — привычные выражения; 5) суюй (俗语) — поговорка [1: 17].

Таким образом, можно констатировать, что лингвистический статус паремий в двух языках позволяет проводить исследование единиц русского языка на фоне китайских соответствий.

В интересующем нас фрагменте паремиологического пространства двух языков наблюдаются как сходства, так и различия. Материал для лингвокультурологического анализа русских паремий о зиме на фоне их китайских аналогов отбирался из словарей В. М. Мокиенко «Большой словарь русских пословиц» и «Большой словарь русских поговорок», сборника «Русский народный календарь. Пословицы, поговорки, обычаи, обряды, имена», словаря «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений», а также из китайских лексикографических источников — «Словарь пословиц Синьхуа» и «Словарь пословиц китайского языка».

Рассмотрим вербализующиеся в русских паремиях установки культуры на фоне китайских единиц.

1. Зима для русских — трудное, суровое время года, поэтому люди зимой менее притязательны, например: *Зима — не лето, сойдет и это; Зимой и это над горсточкой съешь.*

2. Зима в русской языковой картине мира делится на временные периоды: *Зима без трех подзимков не бывает; От первого снега до санного пути — шесть недель.*

В русских паремиях содержится характеристика возможных с точки зрения климатических условий зим, зимних периодов и зимних месяцев: *Зимой солнце светит, да не греет; Птица на лету мерзнет; Такую зиму и старики не припомнят* (о необычной зиме, чаще слишком суровой); *Это не зима, а лето в зимнем платье* (о теплой зиме); *Январь мосты строит, а февраль рушит; Январю-батюшке — морозы, февралю — метелицы; Мы в дом ель, а она с собой — метель.*

Ср. сходную характеристику особенно сурового периода зимы в китайской паремии: 腊七腊八，冻死寒鸦 *Галка погибает от мороза в зимнее время.* В целом же периодизация зимы в китайских паремиях отличается по сравнению с русскими единицами: *В третью и четвертую десятку самых холодных дней зимы от мороза погибает собака; Галка погибает от мороза в зимнее время на седьмое и восьмое декабря по лунному календарю.*

3. Атрибутами зимы в русских паремиях являются такие природные явления, как мороз, вьюга, метель, например*: Зима без мороза не бывает.*

Суровым климатом обусловлено то, что в отдельные группы выделяются паремии, выражающие идею о том, что

4. одежда зимой — это жизненная необходимость: *Вспомнишь и лето, коль шубы нету; Зимой всяк рад тулупу до пят; У кого уши замерзли, тому и тряпка — шапка; Зимой без шубы не стыдно, а холодно* и др.

5. Зимой необходимо хорошо питаться: *Не шуба греет, а хлеб; Холод не терпит голода; Не страшна зима, коли есть корма.*

6. Отдельная группа русских единиц характеризует состояние и деятельность человека зимой: *В зимний холод каждый молод; Мороз не велик, а стоять не велит; Голод заставляет работать, а холод — бегать; Мужика не шуба греет, а топор.*

Различиями климата обусловлено и различное состояние человека в русских и китайских паремиях. Ср. в китайском: 春乏，秋困，夏打盹，睡不醒的冬三月 *Весной устаёшь, осенью утомляешься, летом дремлешь, зимой три месяца невозможно проснуться.*

7. Зимой особенно необходимо иметь пристанище: *На печи всегда красное лето.*

В русских паремиях зима часто противопоставляется лету: *Зиме и лету союзу нету; Июль — макушка лета, декабрь — шапка зимы; Летом мухи черные, а зимой белые; Лето мухами, а зима морозами полнится.* В русских единицах используются метафоры, «очеловечивающие» окружающий мир, явления природы: *макушка лета, шапка зимы, белые мухи* (снег). В силу климатических особенностей зима в сознании русского человека всегда тянется дольше, чем быстро проходящее лето: *Лето идет вприпрыжку, а зима вразвалочку.* Летом день насыщен событиями, поэтому *Летний день — за зимнюю неделю.*

Противопоставление зимы и лета находим и в китайских паремиях: 夏走十里不黑，冬走十里不亮 *— Летом пройти пять километров — светлое небо, а зимой пройти пять километров — темное небо,* т. е. продолжительность светового дня летом больше, чем зимой. 冬不炉，夏不扇 *Зимой не надо топить печь, летом не надо пользоваться веером*, т. е. нужно стараться в зимнее время перенести холод, а летом — жару. С другой стороны, в китайских паремиях присутствует и противопоставление зимы и весны: 冬来无牛是神仙，春来无牛喊皇天 *Зимой без коровы живи как Бог; а весной без коровы проси помощи у Бога;* 不经寒冬，不知春暖 *— Если не испытаешь зимних морозов, не оценишь весеннего тепла.*

Жизненная философия русского человека проявляется в идеях о том, что каждому сезону — своё время: *Нет зимы, которая бы не кончалась; Заковал мороз реки, но не навеки; Зима лето погает, да всё равно тает.* Однако времена года взаимосвязаны и взаимозависимы: *Лето проходит — зима настает; Будет зима — будет и лето; Когда зима так себе — и лето будет так себе; Какова зима, таково и лето.* Человек, как и всё в природе, должен привыкнуть к смене времен года: *Волку зима за обычай; Не первую зиму волку зимовать; Зиме и лету перемены нету.*

Китайские паремии выражают идею о том, что человек должен уметь активно приспосабливаться к разным временам года: 冬练三九，夏练三伏 *— В самое холодное время и в самые жаркие дни надо усиленно заниматься тренировкой.* Человек не должен быть эгоистом, нельзя отнимать жизненно необходимые вещи у другого: 夏不借扇，冬不借被 *Летом не берите у другого веер, зимой не берите у другого одеяло.*

Номинации времен года в китайских паремиях служат для аллегорического выражения мысли о том, что человек должен уметь выделять в жизни главное: 冬天穿袄，夏天吃瓜，什么时候说什么 *— Зимой утепляйся ватником, а в летнее время ешь арбуз, надо всегда говорить по существу.*

Китайские паремии о зиме содержат советы, касающиеся сохранения здоровья: 冬吃萝卜夏吃姜，不找郎中开药方 *— В зимнее время больше ешь редьки, а летом больше ешь имбиря, не надо идти к лекарю.*

Времена года в китайских паремиях могут служить иносказательной характеристикой человека. Например, через образ зимующего растения описывается человек, у которого есть какие-то желания, но нет возможности для их реализации: 冬天的大葱，叶黄根枯心不死 *— Зимний лук порей, лист пожелтел, корень сгорел, но сердце лука не погибло.*

В паремиях русского языка часто наблюдается персонификация зимы и зимних явлений природы: *Зимой солнце сквозь слезы улыбается; Зимушка родная устали не знает; Два друга — мороз и вьюга; Схлестнулись две подруги — метель и вьюга. Зима* ласково именуется *зимушкой*, используется эпитет *родная*.

Таким образом, общими установками русской и китайской лингвокультур являются философское восприятие зимы как времени года; выде-

ление различных периодов зимы; характеристика физического состояния человека, жизненных потребностей в теплой одежде, еде. Специфика национального мировидения проявляется в том, что в русских паремиях акцентируются особенности разных зимних месяцев, более детально «прорисованы» явления природы, такие как метель, вьюга, мороз, присутствуют номинации одежды человека, отмечается важность физического труда (*Мужика не шуба греет, а топор*). В русских единицах персонифицируются явления природы, часто употребляются метафоры. Китайские паремии о зиме в иносказательной форме делают акцент на чертах характера, которыми должен обладать человек, на достойном поведении человека.

Таким образом, результаты исследования подтверждают мнение В. М. Мокиенко [4: 250], что пословицы и поговорки являются ядром национального сознания, становясь привычными, они перерастают в мерило духовности того или иного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Войцехович И. В.* Практическая фразеология современного китайского языка: Учебник. М., 2007.

2. *Вэнь Дуанчжэн.* Пословица. Пекин, 1985.

3. *Иванова Е. В.* Мир в английских и русских пословицах: Уч. пособие. СПб., 2006.

4. *Мокиенко В. М.* Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986.

5. *Савенкова Л. Б.* Паремия в художественных текстах разных жанров: Марина Цветаева // Творчество и коммуникативный процесс = Creativity & Communication Process. 1999. № 7. URL: http://tsvetaeva.narod.ru/WIN/about/philol/savenkova00.html

6. *Селиверстова Е. И.* Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб., 2009.

7. *Сунь Чжипин.* Поговорки. Шанхай, 1985.

8. *Сюй Цзунцай.* Поговорка. Пекин, 1999.

9. *Цао Цунсунь.* Китайские поговорки. Сычуань, 1985.

10. *Цюй Пу.* Древние и современные поговорки. Ши Цзячжуан, 1991.

11. *Цюй Яньбинь.* Китайский народный язык Сиань, 1996.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М., 2008.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских пословиц. М., 2007.

Решетников Н. И. Русский народный календарь: пословицы, приметы, обычаи, обряды, имена. М., 2005.

Словарь пословиц Синьхуа. Пекин, 2005. («新华谚语词典»)

Фу Синь. Словарь пословиц. Внутренняя Монголия, 2003 («谚语词典» 福欣编著 内蒙古大学出版社).

[хроника]

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ «МАПРЯЛ — РУССКОМУ МИРУ»

(г. Бишкек, Киргизия, 2–4 сентября 2012 года)

Научно-практический семинар «Россия — Киргизия» прошел в рамках проекта «Научно-практическая сессия „МАПРЯЛ — Русскому миру“».

Проект был осуществлен Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) при поддержке фонда «Русский мир», организационной и информационной поддержке Представительства Россотрудничества в Киргизии.

Для проведения семинара в Бишкеке была сформирована делегация, в состав которой вошли сотрудники секретариата МАПРЯЛ и филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Участниками семинара стали школьные и вузовские преподаватели русского языка и литературы, обучающие русскому языку как родному, неродному и иностранному.

На церемонии открытия выступили выступили Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Кыргызской Республике А. А. Крутько, заместитель руководителя Представительства Россотрудничества в Киргизской Республике А. А. Зенько, министр образования Киргизии К. Ж. Садыков, Президент Общества кыргызстанских преподавателей русского языка и литературы (ОКПРЯЛ) З. К. Дербишева. Приветствие участникам Сессии от имени Президента МАПРЯЛ, Президента СПбГУ, Председателя Попечительского совета фонда «Русский мир» Л. А. Вербицкой зачитал руководитель делегации МАПРЯЛ проф. Л. В. Московкин. Все выступающие отметили тот факт, что позиции русского языка в Киргизии достаточно сильны, русский язык выступает средством межнационального общения в многонациональной республике и его статус закреплен официально, но, тем не менее, есть и тревожные тенденции: сокращение учебных часов по русскому языку и литературе в школах и вузах, отток русскоязычного населения и, соответственно, уменьшение русскоязычной среды. Ощущается также нехватка учебных и методических материалов, преподавателей, владеющих на высоком уровне русским языком, особенно в регионах.

В рамках Сессии прошли круглые столы, посвященные актуальным вопросам преподавания русского язы-

(Продолжение на с. 90)

Н. В. Козловская

ТЕРМИН В ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

NATALIA V. KOZLOVSKAIA
TERM IN A PHILOSOPHICAL INTERPRETATION BY PAVEL FLORENSKY

Интерпретация Павла Флоренского позволяет проникнуть в сущность термина как знака. Философ приписывает термину следующие свойства: антиномичность, статичность и одновременно подвижность, связь с понятием, особая (в сравнении с обычным словом) «зрелость». Термин играет особую роль в научном познании, завершая определенные этапы этого познания. Флоренский уделяет особое внимание историческому слою концепта «термин». Современная лингвистическая наука признает в качестве основных свойств термина точность, связь с понятием, стилистическую нейтральность, однозначность и системность. При этом данные признаки признаются рядом лингвистов лишь «желательными качествами». Это говорит о сходстве философской и лингвистической интерпретации термина как внутренне противоречивой единицы.

Ключевые слова: термин, точность, системность, антиномичность, понятие, полиморфная семантика.

The author analyses the term from philosophical perspective. Pavel Florensky's interpretation offers an opportunity to consider the term as a sign. Florensky ascribes the following properties to the term: antinomy and statics together with mobility, relationship with the concept and a special (compared to an ordinary word) "maturity". The term has a special role in cognitive science, concluding certain stages of cognition. Florensky pays special attention to the historic fiber of the concept "term". Modern linguistic science considers the term's accuracy, its relationship with the concept, stylistic neutrality and unambiguous and systematic approach as its fundamental properties. At the same time these characteristics are often treated by a number of linguists as "desirable qualities" which indicates the similarity of philosophical and linguistic interpretation of the term as a self-contradictory unit.

Keywords: term, accuracy, regularity, antinomy, a concept, polymorphic semantics.

Наталия Витальевна Козловская

Кандидат филологических наук, доцент, докторант Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской академии наук
► saga@kodeks.com

Термин — особый языковой знак, функционирование которого наглядно отражает взаимодействие когнитивной и коммуникативной функций языка. Термин участвует в формировании мысли, в классификации и моделировании объектов и явлений действительности. Термин сам по себе является орудием познания мира. В то же время термин выполняет важнейшую коммуникативную функцию: не только служит для взаимопонимания внутри научных сообществ, но и обеспечивает общение представителей разных специальных областей.

Проблема термина и терминологичности давно занимает не только лингвистов, но и философов. В частности, сущность термина как языкового знака анализируется П. А. Флоренским в философском трактате «У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики» [10].

Наша задача — рассмотреть, какие сущностные характеристики термина выявляет философская интерпретация Флоренского. Слово

«термин» для мыслителя становится одновременно объектом анализа и «орудием мысли», составляющей его философского метаязыка. Речь пойдет, главным образом, о тех свойствах термина, которые выделяются в большинстве лингвистических исследований: связь термина с понятием, тенденция к однозначности, точность, стилистическая нейтральность, номинативность и системность. Наше обращение к лингвистической литературе обусловлено тем, что в ней представлены и систематизированы основные признаки термина. Мы не ставим задачи сопоставить философскую и лингвистическую интерпретации термина как языкового знака, поэтому лингвистический материал для нас является вспомогательным.

В самом начале своих размышлений Флоренский затрагивает вопрос о соотношении термина и слова. Язык Флоренского предельно метафоричен, и здесь автор вновь прибегает к образу: если наука и философия — это язык «закаленный и уплотненный», то термин — это «слово созревшее», противопоставленное слову общеупотребительного языка. Мысль Флоренского соотносится с современными представлениями о научном термине: в ней — констатация наличия предельных, противопоставленных друг другу ипостасей языкового знака: терминологическое и общеязыковое значения слова. «Это зрелое слово относится к слову житейскому, как яблочко садовое — к маленькому яблочку лесному <...> далее мы увидим, что то и другое слово разделяются расстоянием гораздо большим, характером их функций». Схожие тезисы находим в лингвистических исследованиях: «...термины фигурируют как таковые именно в лексике языка для специальных целей» [5: 142]; «...сохраняя внешний вид слова, термин полностью размежевывается с ним по своему содержанию» [11: 83].

Мы видим, что термин и общеупотребительное слово у Флоренского связаны онтологически, не случайно термин назван также культивированным словом (то есть это то же слово, но обработанное, отборное). Видимо, рассуждения Флоренского соотносятся с функциональным, дескриптивным направлением в современном терминоведении: главное — разница в функциях. «Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, — это функция названия... Бытовой термин есть название вещи. Между тем научно-теоретический термин есть непременно название понятия» [3: 355].

Позволим себе предположить, что в рассуждениях Флоренского можно увидеть современное представление о термине как о слове с сигнификативной семантикой, ср.: «...в нем словно преобразованы все могущие возникнуть оттенки и направления духовных движений... рассматриваемое слово мыслится как не имеющее в себе ничего готового, ничего заранее намеченного: пластическою массою, ждущею велений духа и податливою на первое оформление, равно как и на первое же снятие прежде приданной формы, а точнее, — как бы газообразною средою духоявлений, вовсе не имеющею собственной формы и годною в любой момент на все, — должно служить нам рассматриваемое слово» [10: 200].

Отсутствие денотативной направленности, связи с классом обозначаемых фактов («ничего готового») — главное в знаковой природе термина. Термин есть чистый сигнификат, вмещающий общие признаки всех фактов данного класса. О природе такого знака писала Н. Д. Арутюнова: «... слова, обладающие только понятийным содержанием, сигнификатом, и сами по себе не приспособленные к денотации» [2: 4]. Термины, по ощущению Флоренского, лишены референции, т. е. не служат знаковыми заместителями предмета. Многие современные исследователи отмечают, что именно сигнификативная семантика и интенсиональная неопределенность употребления термина как знака создают особую сложность изучения данных единиц.

Разница между словом и термином объективно обусловлена тем, что они отражают явления разных уровней мыслительной деятельности — научное мышление и наивное (бытовое) оперирование представлениями. Способность термина к обозначению понятия в современной лингвистике признается важнейшим признаком термина. Эта устойчивая характеристика повторяется в большинстве определений данной языковой единицы: «Термин — лексическая

единица определенного языка для специальных целей, обозначающее общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [6: 25].

У Флоренского термин — это средство, отграничивающее два полюса сознания, наивную и научную картины мира. Не случайно философ неоднократно напоминает читателю об этимологии слова: «Это какие-то границы, какие-то межи мысли... неподвижные межевые камни... термин есть граница, которою мышление само-определяется, а потому и само-осознается» [10: 228].

Говоря о связи термина и понятия, Флоренский неоднократно подчеркивает роль термина в истории мысли: «Каждое удачное название опирается на годы внимательнейшего вглядывания» [Там же: 210]. «Объяснение понятий есть синтез, опирающийся на углубленное созерцание той реальности, к которой понятие относится <...> „определить“ значит отчасти открыть <...> Определение, как и научное открытие, предполагает уже сделанным некоторый решительный шаг в нашем знании. Средневековые логики считали определение последнею степенью в процессе знания...» [Там же: 216].

Связь термина и понятия, слова и мысли — квинтэссенция рассуждений Флоренского. Термин есть «некое окончательное слово, которое настолько попало в самую точку, в самую суть познаваемой реальности, настолько в нем выразилась природа человечности, — что никто и никогда не посмеет и не сумеет посягнуть на это слово, не обкрадывая духовно себя самого» [Там же: 199]. В рассуждениях Флоренского в значении слова термин очень важна семантика предела, семантика исчерпанности смысла, законченности: «попало в самую точку», «некое окончательное слово», «максимум словесности», «предельная достигнутость». На объективность заложенного в «зрелом слове» смысле указывает фраза: «...оно должно выситься пред каждым индивидуальным сознанием безусловною данностью, непоколебимым маяком на пути постижения жизни».

Анализ лингвистической литературы по рассматриваемому вопросу позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день для термина нет общепринятого определения, способного отразить его сущность и типологические разновидности, а сам термин представляет собой «...наиболее слабое звено в теории терминоведения, так как является не только многоаспектным, но и внутренне противоречивым объектом исследования» [1: 10].

Представление о противоречивости термина как знака не могло не найти отражения в философии Флоренского. В интерпретации мыслителя это свойство нашло выражение в антиномичной природе термина.

Антиномичность в работах Флоренского тесно связана с понятием аритмологии. Этот термин, введенный Н. В. Бугаевым, обозначает миросозерцание, в основе которого лежит идея прерывности [9: 122].

Аритмология является способом философствования Флоренского, пронизывая все его творчество. В узком смысле аритмология — это теория прерывности функций. В широком смысле — это идея прерывности, свойственная всему формирующемуся миросозерцанию, грядущему на смену аналитическим миросозерцаниям разного рода, в основе которых лежит идея непрерывности. «Аритмология противопоставляет аналитической рассудочности интуитивное озарение, мгновенный скачок от предваряющего знания к истине. В социальной сфере аналитик говорит о непрерывной эволюции, а аритмолог — о мировых катастрофах, о революциях, о переворотах в индивидуальной и общественной жизни, о смене типов культур» [Там же: 122]. С несколько иных позиций эту идею высказывал Т. Кун: «...переход к новой парадигме является научной революцией» [4: 126–127]; «Именно потому, что это есть переход между несовместимыми структурами, переход между конкурирующими парадигмами не может быть осуществлен постепенно, шаг за шагом посредством логики и нейтрального опыта. Подобно переключению гештальта, он должен произойти сразу (хотя не обязательно в один прием) или не произойти вообще» [Там же: 198].

Аритмология есть ощущение, «что мир познаваемый надтреснут» и «что через эти щели

видна лазурь вечности» [10: 157]. «Если мир познаваемый надтреснут, и мы не можем *на деле* уничтожить трещин его, то не должны и прикрывать их. Если разум познающий раздроблен, если он — не монолитный кусок, если он самому себе противоречит, — мы опять-таки не должны делать вида, что этого нет. Бессильное усилие человеческого рассудка примирить противоречия, вялую попытку напрячься давно пора отразить бодрым признанием противоречивости» [Там же: 159].

Семантика противоречивости и легла в основу термина «антиномичность»: «...диалектическое философствование, основным признаком которого является антиномия, т. е. напряженное противостояние противоположных, рассудочно несовместимых понятий» [7: 199].

Источник антиномий и всего аритмологически расчлененного мироздания Флоренский видел в грехе. Мир греховен, полон реальных «трещин», которые нельзя «замазывать» — поэтому истина должна быть также противоречива, должна быть «антиномией, и не может не быть таковою». Таких истин, по Флоренскому, — великое множество, и они являются символами или знаниями об абсолютной Истине.

К таким истинам, антиномичным по своей сути, стоит отнести и термин, от которого, по словам Флоренского, требуется «наибольшая напряженность словесной антиномичности» [10: 199].

Внутренняя противоречивость заключается в единстве таких свойств его значения, как статичность и динамический потенциал. С одной стороны, термин у Флоренского — «законченнное произведение человечества», которым надлежит пользоваться как «окончательно готовым». С другой стороны, значение термина принципиально изменчиво, готово к обновлению, «пластично до предела». Второе проявление внутренней противоречивости термина заключается в индивидуальности и одновременно универсальности значения. «Вот таким-то, и неизменным, и всеприспособительным, должно быть то зрелое слово, на котором развиваются и наука и философия и которым живы обе они» [Там же: 201].

Это в полной мере соотносится с представлениями о том, что термин отграничивает сферу науки от бытовых представлений. Флоренский неоднократно настаивает на том, что границы могут быть раздвинуты, а путь познания действительности — продолжен. «...было бы ошибочным считать такой предел движущейся мысли за простую остановку мысли... Если выразиться образно, то можно назвать обычный ход диалектического умозрения — путем, восхождением на вершину, а достигнутое синтетическое слово — созерцанием с самой вершины: поступательность движения тут прекращается, но это не значит, что прекращается вообще движение, ибо путник, достигший высшей точки своего пути, заменяет продвижение — вращением...»

В схематический набор основных требований к термину многие лингвисты включают следующие свойства: непротиворечивость семантики, точность, однозначность, отсутствие синонимов. Эти качества не предполагают антиномичности значения и порождают абсолютную статичность семантических признаков, «жесткость» терминов, что, как мы уже отмечали, совпадает с характеристикой Флоренского «окончательно готовое слово».

Необходимо отметить, что многие современные исследователи признают внутреннюю противоречивость термина и при перечислении семасиологических характеристик термина оговариваются: данные признаки — «не более как тенденция или их желательные качества» [13: 48], допуская возможность недостаточной системности, нестрогости значения функционирующих терминов, многозначности, омонимии и синонимии. Очень близкой взглядам Флоренского оказывается позиция С. Д. Шелова, признающего возможность принципиальной изменяемости (изменчивости) значений полиморфных терминов (терминов нежесткой семантики). По мнению Шелова, нежесткость семантики термина (ср. у Флоренского: «...оно пластично до предела») играет принципиальную роль при объяснении важнейших явлений языка науки, допуская различные интерпретации и сохраняя концептуальное единство науки даже при различной их трактовке в пределах различных направлений. «Соизмеримыми следует считать такие теории

(и терминосистемы), которые могут трактоваться как различные интерпретации одних и тех же базовых полиморфных терминов и понятий: „Общей мерой“ таких теорий и является инвариантный набор этих базовых полиморфных терминов и понятий, обусловленных фундаментальным свойством мягкости, понятийной размытости естественного языка» [12: 86].

Нам кажется, что антиномичность термина, внутренняя противоречивость его (наверное, в большей степени это касается терминов фундаментальных наук) признается современной лингвистикой. Любое семантическое требование к термину может быть оспорено, значит, любое свойство, приписываемое термину, внутренне противоречиво. Кроме того, в использовании и описании научных терминов одновременно существуют две тенденции: строгость, жесткость, стремление избежать многозначности и синонимии — и нежесткость семантики.

Это во многом соотносится с позицией Флоренского. В его характеристике термина важна не только семантика предела, предельной достигнутости, но и метафора пути, семантика движения. Это особое движение сродни, на наш взгляд, научному поиску: «Путник, достигший высшей точки своего пути, заменяет продвижение — вращением... перед ним открылись горизонты столь широкие, что есть что созерцать, а малейший поворот вправо или влево даст ему новую полноту возвышенных зрелищ» [10: 204]. Не об интерпретационных ли возможностях термина, не о возможности вбирать новые смыслы говорит Флоренский?

Отметим, что Флоренский практически не говорит о системности как о свойстве термина, лишь приводит цитату из Уэвелла: «Я называю терминологией систему терминов, употребляемых при описании предметов естественной истории». По всей вероятности, это связано с тем, что в XIX веке именно в биологии (зоологии и ботанике) были разработаны четкие принципы систематики растений и животных. Но систематика и система терминологии вообще — разные вещи: возможно, представления о системности еще не оформились в науке и именно поэтому Флоренский не выделяет системность как свойство термина. Но все же больше оснований предполагать, что представление о системности просто не могло ужиться в сознании философа с аритмологией: система есть обязательный порядок, а аритмология — всегда взрыв системы.

Серьезное внимание Флоренский уделяет следующей проблеме: «Что же такое термин, т. е. граница, в порядке историческом?» Наверное, правомерно определить путь, которым идет философ, анализом исторического слоя концепта «термин» (по Ю. Степанову). Обращаясь к дохристианской истории, Флоренский рассказывает о том, что термины (границы) разграничивали владения, право на которые было понятием и установлением «чисто религиозным». «Употребление Термов, или священных межевых знаков, было, по-видимому, всеобщим у индо-европейских народов» [Там же: 221]. Значение термина эволюционирует: «страж порога, участка» — «хранитель границы культуры». Здесь мы невольно вспоминаем о точности термина и номена: «...он дает жизни расчлененность и строение, устанавливает незыблемость основных сочленений жизни и, не допуская всеобщего смешения, тем самым, стесняя жизнь, ее освобождает к дальнейшему творчеству» [Там же: 223]. Здесь мысль Флоренского возвращается к исходным позициям, так как автор вновь обращается к семантике предела: «И сам он (термин), будучи пределом данной области культуры, принадлежит к этой культуре... есть ее предельное значение». В тексте совмещены два значения слова *предел*: граница, край и высшая степень чего-либо. Термин в философском понимании введен в научный обиход Аристотелем. Другие философы определяли суть термина так: «речение, обозначающее сущность вещи» (Геккель), «слова, значение коих — понятие» (Гефлер). Флоренский вновь и вновь оживляет стершуюся, скрытую внутреннюю форму слова, настаивая на важности семантики пограничности в значении слова «термин»: «...это какие-то границы, какие-то межи мысли». Видимо, для Флоренского представление о пограничной роли термина важнее с философской точки зрения, чем системность, которая есть всегда связь. Флоренский подчеркивает антиномичность, внутреннюю противоречивость термина,

сравнивая его то с камнем, то с живым мускулом: «Недвижно стоящий пред мыслию, он на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности» [Там же: 228].

Подводя итог размышлениям, можно сказать о том, что философская интерпретация термина, осуществленная Павлом Флоренским, выявила глубинные, сущностные стороны этой единицы как особого знака метаязыка науки вообще. «Всякая наука — система терминов. Поэтому жизнь терминов и есть история науки, все равно какой» [8: 21].

При этом интересно, что, став объектом *философской* интерпретации, слово «термин», включившись в *философский* текст и в *философский* метаязык Флоренского, само приобретает специфические свойства именно *философского* термина!

Напомним: философский термин связан не со специальной мыслью, а с мыслью вообще. Сопоставляя философский и научный термины, Н. М. Азарова говорит об оппозиции предметного характера научной терминологии и необъектного характера философской терминологии: «Задача философского термина — проявить... действительность, сделать ее явной, а не получить в свое распоряжение термин как инструмент для оперирования с действительностью (сходная задача стоит и перед поэтическим словом)» [1: 47].

Именно поэтому для Флоренского термин — не просто строевая единица определенного стиля речи, а включенный смысл, концентрированное слово, гибкое и твердое, индивидуальное и универсальное... Говоря о термине вообще, Флоренский использует философский метод — метод антиномий, обращается к понятию аритмии, что и позволяет ему глубже раскрыть сущность термина как особого языкового знака.

Еще одна особенность философского термина (а точнее, его текстовой репрезентации) заключается в полном отсутствии или необычайном своеобразии дефиниций, которые на первый взгляд не дают полного представления о сути явления. Отсутствие в тексте привычного для нас родовидового определения термина «термин» у Флоренского вовсе не означает отсутствия определения вообще: оно является контекстуальным и не имеет точных границ, пронизывая весь текст. Учитывая онтологическую близость философского и художественного текстов, можно говорить о постепенном накоплении смысла термина «термин» у Флоренского, о росте терминологического «заряда» языковой единицы в пределах философского трактата «У водоразделов мысли» или его завершенного фрагмента «Термин»; «Антиномии языка»; «Имяславие как философская предпосылка».

Еще одна важная особенность философских терминов и их определений — их качественный полиморфизм, предполагающий возможность интерпретационных вариантов: *зрелое* слово, *синтетическое* слово, *мистическое постижение* слова.

Видимо, именно здесь кроется принципиальная причина неопределенности философского термина. Об этом прекрасно пишет П. Флоренский в самом начале своей статьи «Антиномии языка»: «И наука, и философия — описание действительности, т. е. язык, тут и там имеющий свой особый закал. Словесная природа как науки, так и философии, — это их общее, родовая стихия их жизни. Но они противоположны и противоречивы в своих устремлениях. Несокрушимым кристаллом хотела бы отвердеть наука; огненным вихрем, ветром вьющимся, коловращением, упругим, как гиростаты, — явит свою определенность философия. Неизменности и окончательности противостоит пульсирование и рост» [5: 142].

«Пульсирование и рост» — так метафорически можно передать основную идею бытования философского понятия (и термина) в тексте: вводимое автором понятие все время получает дополнительное обоснование для того, чтобы стать в результате одним из краеугольных камней в теории.

Квинтэссенцией философских размышлений Флоренского о сущности термина становятся признание особой познавательной функции термина («маяк на пути постижения жизни») и раскрытие внутренней антиномичности этого особого знака («стесняя жизнь, ее освобождает к дальнейшему творчеству»).

В заключение добавим, что данная статья отражает определенный этап лингвистического исследования русской философской терминологии конца XIX — начала XX века. Анализ работ Павла Флоренского позволяет преодолеть распространенное заблуждение о языке философии как о языке науки, раскрывает философскую интерпретацию термина и позволяет сделать шаг от описания термина вообще к описанию философского термина как особого объекта исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азарова Н. М.* Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. М., 2010.

2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.

3. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского ин-та истории, философии и литературы. М., 1939. Т. 5. С. 354–367.

4. *Половинкин С. М.* П. А. Флоренский: Логос против хаоса (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли»). М., 1989.

5. *Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.* Общая терминология. Вопросы теории. М., 1989.

6. *Табанакова В. Д.* Идеографическое описание научной терминологии. Тюмень, 1999.

7. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М., 2009.

8. *Флоренский П. А.* Малое собр. соч. Вып. 1. Имена. М., 1993.

9. П. А. Флоренский: pro et contra. СПб., 1996.

10. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики. М., 2010.

11. *Хаютин А. Д.* Термин, терминология, номенклатура. Самарканд, 1972.

12. *Шелов С. Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003.

13. *Шурыгин Н. А.* Семасиологический и лексикографический аспекты описания терминологической лексики: Монография. Нижневартовск, 2005.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гринев С. В. Введение в терминоведение. М., 1993.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1972.

Лейчик В. М. Термин и его определение // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках: Сб. науч. тр. Владивосток, 1987. С. 135–145.

Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М., 2009.

[предлагаем вашему вниманию]

ЖУРНАЛ РУСИСТОВ КЫРГЫЗСТАНА

Научно-методический журнал «Русский язык и литература в школах Кыргызстана» (РЯЛШК) — старейший в ряду изданий подобного профиля в Содружестве Независимых Государств.

Журнал был создан в 1958 году по инициативе заведующего в то время сектором русского языка Киргизского научно-исследовательского института педагогики (ныне — Кыргызская академия образования) Льва Аврумовича Шеймана, впоследствии видного ученого-методиста.

Вот уже более полувека журнал обобщает и популяризирует конструктивный опыт педагогов-русистов Кыргызстана и стран Содружества; освещает вопросы функционирования русского языка и русской литературы в республике, процессы взаимообогащения русской и киргизской национальных культур. На страницах журнала обсуждаются инновационные подходы к преподаванию русского языка и литературы, публикуются разработки уроков, реализующих эти подходы.

Вокруг журнала объединяются единомышленники — учителя и методисты, те, кому небезразличны проблемы преподавания русского языка в школах и высших учебных заведениях и качество образования в целом. Во многом благодаря журналу и его основателю Л. А. Шейману в Кыргызстане сложилась своя, отечественная методическая школа. Журнал вносит большой вклад в сохранение русскоязычного пространства в Кыргызстане и Центральной Азии.

На страницах журнала с эксклюзивными, предназначенными специально для его читателя статьями выступали известные лингвисты и литературоведы, методисты, участники конгрессов МАПРЯЛ: И. А. Батманов, В. С. Баевский, Е. М. Верещагин, М. И. Задорожный, Г. С. Зенков, Ф. Г. Коровин, В. Г. Костомаров, Ю. Н. Лотман, В. Г. Маранцман, А. А. Реформатский, З. С. Смелкова, А. Е. Супрун, П. И. Харакоз, Н. М. Шанский, Ю. Н. Чумаков и др.

Журнал выходит ежеквартально (4 номера в год).

Редакция будет рада расширению круга читателей и авторов журнала и приглашает всех заинтересованных лиц к сотрудничеству.

Почтовый адрес редакции: 720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, проспект Эркиндик, 25, каб. 22.

Телефон: +996312622355.

Электронный адрес: jurnalrus@mail.ru

МАТО-ПУСТЫШКИ

Владимир Викторович Колесов,
доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета

Было время, когда речи не растекались морем, слова-речения были краткими, а изречения сильными (сохранились в поговорках, которые живут и сегодня). Те времена миновали, наряду с *пусто-словием* появились *сквер-но-словие* и *срамо-словие*; еще в XVII веке они назывались «венгерской ересью», понимались как заимствованный знак чужеродности.

Разливанное море мата в быту и на улице стало приметой наших дней, и каждый знает, в чем причина этого. Всякое слово связано со смыслом. Слово и есть смысл. Вернее, так: *смысл оформляется словом*. Кроме того, слово содержит образ. Это понимают женщины, укладывающие смысл словесного корня в образную упаковку суффиксов: не просто *рука*, а — *ручка, рученька, ручонка*... так вот, мат не несет образа и не имеет смысла, это простая эмоция, выраженная междометно. Выражение настроения, мимолетно посетившего человека и тут же утраченного. Достоевский описывает группу мастеровых, гулявших по Невскому проспекту и на все увиденное откликавшихся одним словечком из трех букв — с различной интонацией. А интонация — тоже эмоциональный знак. Выходит, современная молодежь, которая точно так же выражает свои эмоции, опускается до уровня коровы — мычит в экстазе одними междометиями; но корове простительно, а людям, живущим в культурной столице, подобает все-таки выражаться соответственно.

Но самое главное отличие мата от словречений русского языка состоит в том, что мат не связан напрямую с *делом*. Это бесполезный выброс энергии, лишенный результата. Современное мышление от мышления хотя бы прошлого века отличается несколькими особенностями. Наша мысль только по видимости *наша*, на самом деле это «клиповая мысль», состоящая из расхожих штампов, застрявших в мозгу сочетаний, блоков, речений, цитат — осколков чужих идей. Это отходы речевого производства «чужого дяди», которыми мы пользуемся из-за лени творить свои или по причине отсутствия смысла, требующего собственных слов. Получается, что в нашем сознании не «смысл оформляется», а наоборот — полученная со стороны «форма осмысляется» в соответствии с прикладной задачей данной ситуации. *Мы не мыслим* (то есть не творим), а только транслируем чужие мысли. Из двух основных функций языка: речемыслительной и коммуникативной (средство общения) — мы сузили речь до простой передачи информации. Поэтому в процессе общения мы не доказываем свою правду с помощью аргументов, а просто пытаемся убедить собеседника силой эмоций. Нет ни смысла, ни мысли — что остается? Правильно: мат. Самое сильное убеждение. Так логическое мышление на глазах сменяется мышлением риторическим, мысль сжалась до междометной эмоции!

Литературному языку учатся — а как учат сегодня, известно. Литературный язык шлифуется в образцовых текстах — а какие теперь тексты, известно. Литературный язык куется в горниле оригинальных общественных идей — а какие теперь идеи... и социальное напряжение нации сменилось корпоративным кругом посвященных, приближенных, «своих». С замкнутым ритуалом, своими словечками, собственными мыслями и поведением. Нация рассыпается на осколки, и только мат остается еще тем общим языком, который понятен всем.

Языковедов упрекают, «почему не боритесь за чистоту русской речи?!» Надеюсь, я показал, что эта проблема не лингвистическая и кроется в личном поведении каждого, кто хочет считать себя русским. И почему вы сами не отказываетесь в минуты неудач отразить несчастье крепким словом?

Ж. Кимпалу

ОБРАЩЕНИЯ И ВЕЖЛИВОСТЬ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
(С ПОЗИЦИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА ЛИНГАЛА)

JUSTIN KIMPALOU
FORMS OF ADDRESS AND POLITENESS IN BUSINESS LANGUAGE
(FROM A LINGALA NATIVE SPEAKER)

В статье рассматриваются особенности проявления категории вежливости в русской деловой письменной речи. Автор сопоставляет данные русского языка и языка лингала.
Ключевые слова: вежливость, обращение, русский язык, язык лингала.
The article covers the peculiarities of the category of politeness in Russian business written language. The author compares the Russian language data to lingala ones.
Keywords: politeness, forms of address, Russian language, lingala.

Деловая письменная речь является частью делового общения. В данной сфере языковая коммуникация является важнейшим инструментом управления отношениями. Деловая письменная речь связана с бизнесом. Бизнес — это такая сфера, где умение общаться с партнёрами, с любым человеком имеет большое значение. В деловом мире сейчас немало бизнесменов и, обращаясь к ним, адресант, желающий добиться успеха, должен помнить, что многое зависит от того обращения, которое он использует, так как форма обращения способствует успеху дальнейшей деятельности адресанта.

Обращения в деловой письменной речи относятся к этикетным обращениям. Центральное положение в структуре коммуникативной категории вежливости занимают единицы речевого этикета, далее следуют грамматические категории в прагматическом аспекте, различные косвенные речевые акты, вводные конструкции и модальные слова. Вежливость является коммуникативной категорией, призванной регулировать процесс общения и способствующей созданию доброжелательных отношений между коммуникантами. Необходимость использования категории вежливости в деловой письменной речи обусловлена следующими функциями:

а) воздействующей (успешная реализация коммуникативных намерений);

б) регулятивной (создание, поддержание и сохранение социального равновесия и партнёрских отношений);

в) гармонизирующей (придание необходимой тональности, снижение степени категориальности высказывания);

г) презентационной (создание имиджа, самопрезентация адресанта как воспитанного человека).

Этикетные эпитеты типа: ***уважаемый, глубокоуважаемый, многоуважаемый*** и т. д. указывают на использование категории вежливости в деловой письменной речи. Этикетные эпитеты сочетаются со словами

Жюстен Кимпалу

Кандидат филологических наук, заведующий отделом языков в Генеральном управлении национального достояния (Министерство культуры), Браззавиль (Конго)
► kimpalu_aprolaf@yahoo.fr

или с антропонимами, обозначающими лиц мужского или женского пола.

Особенностью русского речевого этикета является обращение по имени-отчеству: «Имя-отчество. 1. Обращение по имени-отчеству — самая распространённая в России XIX–XX вв. форма вежливого, уважительного обращения к взрослому человеку» [1: 207]. Исторически имя-отчество закрепилось сначала в родах с более высоким социальным статусом членов — среди русской знати, известных и уважаемых в России людей. Лица, имеющие право присоединять к своему имени отчество, назывались именитыми. Сначала такими людьми были царь и бояре, то есть первоначально употребление отчества указывало на принадлежность к определённому сословию.

По мнению Р. З. Доховой, обращение по имени-отчеству не сразу распространилось: «Постепенно, в XVIII и XIX веках в России обращение по имени-отчеству стало распространяться не только среди знати и чиновничества, но и интеллигенции, заключающих в себе культурное и духовное наследие. Уже в XIX веке отчество стало носителем не только социального положения, но и духовной связи с семьей и родом. Обращение по имени-отчеству стало неотъемлемой частью культуры общения в России, сигнализирующей об уважительном отношении» [4: 73–74]. Обращение по имени-отчеству самое распространённое в деловой письменной речи:

Уважаемый Геннадий Иванович!

Сообщаем Вам, что обязательства по контракту от 02.05.2004 № 251 о поставке трёх комплектов офисной мебели, к сожалению, не выполняются [7: 32].

У многих носителей языка лингала есть отчество-фамилия-имя (имена), но обращение по имени-отчеству не существует (см.: [6]). Здесь принято использовать обращение ***Tata! (отец)*** или ***Мата (мать, мама)*** + фамилия.

Mama Inianga!
Totondi yo mingi na mukanda na yo.
Мама Иньянга!
Мы очень признательны Вам за Ваше письмо.

Слово ***Мама (мать/мама)*** указывает на уважение, а следовательно, на вежливость.

В русском языке встречается также обращение по фамилии, титулу, должности с апеллятивом господин/госпожа. Оно является одним из самых распространённых обращений в деловой письменной речи:

Уважаемый господин директор!

Как Вы помните, на выставке «Мода», которую Вы посетили 22 апреля с.г., Вы заинтересовались нашими товарами: мужскими костюмами и пальто» [2: 68].

В примере обращение сигнализирует об официальной обстановке, о знакомстве второй степени.

На языке лингала соответствующее обращение имеет форму: ***Tata mokonzi! (Тата моконзи). (Отец вождь)*** + фамилия или ***Mama mokonzi! (мама моконзи) (Мать вождь)*** + фамилия.

Tata mokonzi Ndinga!

Tozali koyebisa yo, solo, na sayi nyonso, ete tozwi mokanda mwa yo mwa mokolo mwa 3 sanza ya 9 mobu mwa 2010 na likambo litali botiki bwa malala ma ngai.

Господин Ндинга!

С благодарностью подтверждаем получение Вашего письма от 3 сентября 2010 г. на поставку лимонов.

Сочетание ***Tata mokonzi (Тата моконзи) — отец вождь/господин)*** семантически указывает на вежливость.

В деловой письменной речи встречается и обращение по имени. Оно употребляется, когда адресант и адресат имеют равный возраст и довольно высокую степень дружеских отношений.

Дорогая Маша!

Моя командировка протекает успешно. [Там же: 240].

Сокращённая форма здесь сигнализирует о том, что её употребил человек равный по положению, относящийся к адресату тепло, дружески, или о том, что её применил старший по отношению к адресату. Использование мелиоративного слова *Дорогая* усиливает положение близости.

На языке лингала мелиоративное понятие ***wa motema (уа мотэма) (от сердца — дорогой, дорогая)*** чаще всего сочетается с именами нарицательными, а не с антропонимами.

Moninga wa motema!
Na sengi bomengo na kompani na yo!

Дорогой коллега!
Желаю успехов Вашей фирме!

В письменной речи также употребляются и иноязычные обращения. Их употребление может зависеть от языка адресата. Общее дело может связать коммуникантов из разных культур и стран.

Вокатив ***Дама,*** например, от французского языка ***dame*** имело значение «женщина», принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу, и сейчас является одним из распространённых апеллятивов в русской письменной речи. Этот вокатив встречается в единственном и во множественном числе.

В единственном числе вокатив дама имеет форма ***Мадам***. Исторически лексема ***Мадам*** имеет следующие значения: 1. Замужняя женщина. 2. Титул вежливости к любой женщине; титул жены брата короля Франции. 3. Хозяйка, госпожа.

Лексема ***Мадам*** связана с категорией вежливости.

Уважаемая Мадам!
Благодарим за Ваше письмо от 24 января 1990 г. Мы имеем возможность поставки Вам меха, который Вы заказываете [3: 105].

Во множественном числе вокатив ***Дамы*** часто сочетается с вокативом ***господа,*** т. е. ***Дамы и господа!***

Дамы и господа!
Сначала несколько общих сведений. Фирма «Эбрис» производит спортивную обувь. На мировом рынке наша страна занимает 5-е место, а на европейском — второе [5: 125].

С точки зрения полоразличающих обращений ***«Дамы и господа!»*** употребляется, когда адресант обращается к групповому адресату женского и мужского полов. В таком случае «подобращение ***Дамы***» указывает на «подгруппового адресата» женского пола.

Адресант может обращаться без употребления слова вежливости. Подобное поведение свидетельствует об экономии речевых усилий автором письма и не является неуважением к интересам адресатов и сигналом недостаточного внимания к ним.

Во многих случаях появление подобных вокативов вызвано стремлением адресанта снизить степень официальности общения, сократить дистанцию с собеседниками.

На языке лингала обращение к групповому адресату мужского и женского полов часто встречается: ***Batata na bamama! (Батата на бамама!) «Отцы и матери!»,*** т. е. ***Господа и дамы!*** Здесь адресант сначала употребляет ***Batata!*** А затем ***Bamama!*** Национально-культурное своеобразие проявляется в том, что лиц мужского пола именуют в первую очередь. Однако под влиянием европейской культуры стало возможным и ***Bamama na Batata! (Бамама на Батата!)***

В итоге, в деловой письменной речи часто встречаются обращения по имени-отчеству (***уважаемый Геннадий Иванович***) и обращение по фамилии, титулу, должности (***уважаемая Топорова, уважаемый господин доктор, уважаемый господин директор)*** и т. д. а также иноязычные обращения: ***Дама!/Мадам!*** и другие. Последние встречаются в письмах иностранным партнёрам. Все эти обращения являются этикетными, вежливыми. На языке лингала ***Tata! (Тата!) (отец), Mama! (мама), (Мать,мама); Tata mokonzi! (Тата моконзи!) (отец, вождь, господин), Mama mokonzi! (мама моконзи!) (мать, вождь, госпожа)*** указывают на вежливость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балакай А. Г.* Словарь русского речевого этикета. М., 2001.
2. *Дёмин Ю. М.* Деловая переписка. Образцы писем, служебных записок, отчётов, заявлений. М., 2003.
3. *Добсон Энн.* «Как писать деловые письма». Практическое руководство для всех / Пер. с англ. Н. Чистяковой. Челябинск, 2000.
4. *Дохова З. Р.* Лингвистический статус обращения (на матер. русского и кабардино-черкесского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2007.
5. *Журавлёва Л. С.* Тестовый практикум по русскому языку делового общения. Бизнес. Коммерция. Средний уровень. М., 2006.
6. *Кимпалу Ж.* Русское обращение в деловой письменной речи (с позиции носителя языка Китуба): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
7. *Кирсанова М. В., Анодина Н. Н., Аксёнов Ю. М.* Деловая переписка: Учебно-практич. пособие. М., 2008

А. В. Калашников

ЕВАНГЕЛИЕ В ПЕРЕВОДЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

ALEXANDER V. KALASHNIKOV

GOSPELS IN TRANSLATION DONE BY LEO N. TOLSTOY

Статья посвящена проблематике религиозного перевода, представленной Л. Н. Толстым в книге «Соединение и перевод четырех Евангелий». Анализ перевода сосредоточен на выборе значения, пропусках, замене церковнославянской и возвышенной лексики, замене синтаксических конструкций, прагматической адаптации. В книге указывается на недостатки Синодального перевода, связанные с неточностями, использованием церковнославянской лексики и сложным для понимания языком. В то же время, наличие отступлений, сделанных писателем, отражает намерение передать художественную составляющую, что свидетельствует о создании текста, способствующего более глубокому пониманию христианства.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, теория перевода, Евангелие, динамическая эквивалентность, прагматика.

The article is devoted to the religious translation aspects touched upon by Leo Tolstoy in his work "Soedineniye i Perevod Chetyryokh Evangeliy" (The Four Gospels Harmonized and Translated). The translation analysis focuses on the choice of meaning, substitution of Church Slavonic and elevated vocabulary, substitution of syntax patterns, pragmatic cross-cultural adaptation. In his work, Leo N. Tolstoy criticizes and points to the drawbacks of the Synodal Version. At the same time, the digressions made reflect Leo N. Tolstoy's intention to render the artistic component of the religious text that testifies to the interpretation of the text contributing to a deeper understanding of Christianity.

Keywords: Leo N. Tolstoy, translation theory, Gospels, dynamic equivalence, pragmatics.

Александр Владимирович Калашников

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете права НИУ «Высшая школа экономики»
► remkas@mail.ru

Л. Н. Толстой, критически изучавший христианское религиозное учение, создал собственный перевод Евангелия «Соединение и перевод четырех Евангелий». В этом переводе, Л. Н. Толстой настаивает, что это именно перевод, писатель критикует официальное Синодальное издание и в комментариях указывает на недостатки, вызванные противоречивостью изложения, неточностью значений, сложным для понимания в «народной» среде языком.

Многие комментарии, сделанные писателем к этому переводу, послужили основой лингвистической теории перевода в нашей стране и за границей. Л. Н. Толстым были, в частности, сделаны важные рекомендации относительно лексической семантики, контекстуального значения, синтаксиса и прагматической адаптации текста.

«Соединение и перевод четырех Евангелий», оказавшееся незаслуженно забытым, рассматривалось преимущественно с религиозной, но не с филологической точки зрения и, конечно, не с позиций теории перевода. В литературе по теории перевода имя Л. Н. Толстого не упоминалось, хотя его можно назвать единственным крупным писателем, переводившим Евангелие. Все это свидетельствует о необходимости

анализа перевода Евангелия и комментариев, сделанных писателем. Критическое рассмотрение переводов Библии продолжает традицию аналогичных исследований в зарубежной теории перевода и создания различных адаптированных переводов Библии.

Книга Л. Н. Толстого составлена в виде синопсиса, то есть содержит параллельный греческий текст, Синодальный перевод, примечания и комментарии писателя, а также содержание глав. Наличие греческого оригинала и Синодального перевода позволяют внимательно рассмотреть и критически оценить перевод Л. Н. Толстого. В ходе работы он переводит с греческого текста, проводит сопоставления с переводами на другие языки: обращается к латинскому переводу Библии (Вульгате), к изданиям на немецком, французском, английском языках, сопоставляет четыре Евангелия, привлекает к исследованию лексиконы по Новому Завету и цитирует произведения богословов М. Лютера, Ф. В. Фаррара, Э. Ройсса, И. Я. Грисбаха, В. В. Гречулевича, К. фон Тишендорфа.

В статье дана характеристика перевода Л. Н. Толстого и проведены аналогии с положениями современной теории перевода, представленными в работах лингвиста Ю. Найды, который создал на основе изучения Библии модель динамической эквивалентности. Перевод в данной статье рассматривается с учетом лексической семантики, синтаксиса и прагматической адаптации.

Перевод, с точки зрения Ю. Найды, должен быть ориентирован на содержание и естественность, а не формальное сходство и быть понятен адресату, вызывать у него определенные эмоции. Такой подход позволяет передавать содержание и дух текста оригинала, не будучи привязанным к лингвистической структуре. Ю. Найда определяет оптимальный вариант перевода — динамическую эквивалентность, т. е. «качество перевода, при котором текст оригинала так передан на язык перевода, что реакция получателя текста перевода в целом аналогична реакции получателя текста оригинала» [4: 202]. Динамическая эквивалентность основывается преимущественно на синтаксической (теория порождающей грамматики) и семантической (компонентный анализ значения и прагматическая адаптация) составляющих.

Динамическая эквивалентность противопоставляется формальной эквивалентности (формальному соответствию), т. е. дословному переводу, выполненному на так называемом «переводческом языке» с нарушением синтаксических и стилистических правил и не предполагающему дополнительных пояснений. К переводам Библии, выполненным по модели формальной эквивалентности, Ю. Найда относит английскую Библию короля Якова (King James Version), Американскую образцовую редакцию (American Standard Version) и Американскую исправленную образцовую редакцию (American Revised Standard Version).

Л. Н. Толстой противопоставляет свою работу Синодальному переводу, изданному в 1862 году, первому полному переводу на русский, а не церковнославянский язык. Работа над Синодальным переводом началась в 1816 году Российским Библейским обществом и продолжалась с перерывами около 50 лет, при этом греческого текста выбрано не было. Л. Н. Толстой ориентировался на проанализированный и подготовленный к печати греческий текст Нового Завета К. фон Тишендорфа. Этот богослов стал известен в России и тем, что в 1859 году привез обнаруженный им Синайский кодекс — список Библии на греческом языке, с неполным текстом Ветхого Завета и полным текстом Нового Завета.

Религиозное учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилием, которое изложено в «Соединении и переводе», не было принято ни церковью, ни светской властью. Л. Н. Толстой завершил основную работу над книгой в 1881 году, хотя писатель вел редактирование и позже. В России ее сначала запретили и впервые на русском языке издавали частями с 1892 по 1894 год в Швейцарии в типографии эмигранта М. К. Элпидина. В 1895 году ее издали в Англии в переводе Джона Кенворти, английского писателя, единомышленника и биографа Л. Н. Толстого, и в США в переводе Лео Винера (1862–1939), преподавателя славянских языков Гарвардского

университета (отца выдающегося программиста Н. Винера).

В СССР это произведение было опубликовано лишь в полном собрании сочинений в 1957 году. Так, текст, изданный в журнале «Толстовский листок», а именно эта версия размещена на многих сайтах и библиотеках в Интернете[1], не содержит: греческого текста, канонического перевода, отступлений с толкованием богословов, «филологических обоснований» Толстым тех или иных слов и понятий.

Своего рода рефреном в книге проходят слова Л. Н. Толстого из предисловия: «Отыскивать я буду в этих книгах: 1. То, что мне понятно, потому что непонятному никто не может верить, и знание непонятного равно незнанию... И потому я буду читать непонятные, неясные, полупонятные места не так, как мне хочется, а так, чтобы они были наиболее согласны с местами вполне ясными и сводились бы к одной основе» [2: 17].

Остановимся на следующих характерных чертах перевода Евангелий Л. Н. Толстым в сопоставлении с Синодальным переводом: на выборе значения; пропусках; замене церковнославянской и возвышенной лексики; замене синтаксических конструкций; прагматической межкультурной адаптации.

Выбор значения. Писатель уделяет внимание семантике лексических единиц и старается избегать буквализмов — ошибок при переводе, заключающихся в том, что вместо подходящего для данного случая значения слова используется главное или самое известное значение. В частности, он внимательно анализирует известную фразу из Евангелия от Иоанна: «*Вначале было Слово...*» Л. Н. Толстой пишет в комментариях: «Церковный перевод первого стиха ...не имеет никакого смысла» и предлагает вариант «*Началом всего стало разумение жизни*» [Там же: 25]. Для обоснования своего выбора он анализирует все значения. Для слова *logos* он рассматривает одиннадцать значений и на основе контекстуального анализа предлагает *разумение*, обобщающее понятия: *разум, причина, рассуждение* и *соотношение*, то есть проводит аналог предложенного Ю. Найдой анализа, необходимого при выявлении несовпадения объемов значения в разных языках. Согласно американскому теоретику перевода, элемент анализа текста, направленный на выявление и организацию семантических компонентов слов [4: 229], лежит в основе семантической модели перевода.

Пропуски текста — неотъемлемая характеристика перевода Л. Н. Толстого. Он часто пропускает некоторые подробности, которые «могут быть выпущены для того, чтобы читатель не терял существенного смысла этой главы» [2: 127]. Пропускаются отдельные слова, фразы, стихи, так как они не понятны, компонент отсутствует в библейском тексте или по нему есть разночтения, пропускаются подробности, поскольку они затрудняют понимание основной мысли и отвлекают внимание или нарушают связность текста. Также тщательно обходятся упоминания всего связанного с описанием чудес и таинств.

В Евангелии от Матфея (5: 29) — отрывке, посвященном Нагорной проповеди, выпускается слово *правый* о глазе, поскольку оно не имеет значения и не добавляет смысла. Относительно этого отрывка Л. Н. Толстой делает еще одно наблюдение: «Вместо слова „член“, я повторяю „глаз“, потому что по-русски нельзя сказать „член“ про глаз» [2: 225]. В английских переводах греческое слово μέλος *member* встречается в некоторых изданиях, в том числе в Библии короля Якова, но в современных переводах используется фраза *Part of your body*[2] («часть твоего тела»):

> **Синодальный перевод:** Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну [Там же: 224].
>
> **Л. Н. Толстой:** Если глаз твой ловит тебя, вырви его и брось от себя; потому сходне тебе, чтобы один глаз пропал, чем всему тебе сгореть [Там же].

В переводе обычно не упоминаются точные указания на время. Так, в беседе с самарянкой, у которой Иисус Христос попросил воды напиться из колодца Иакова, пропускается указание на час:

> **Синодальный перевод:** Иоанн 4:6 Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа [2: 126].
>
> **Л. Н. Толстой:** Иисус уморился от дороги и сел у колодезя [Там же].

В «Притче о расплате хозяина с работниками» (Матфей 20: 1 — 16) Л. Н. Толстой отказывается от передачи времени по часам: 11, 3 и 6 часов, упоминаемых в канонических переводах, и использует: «в полдень», «в завтрак» и «в обед» соответственно. По свидетельству издания Barnes' Notes on the Bible[3], 11 часов дня в период описываемых в Библии событий означало 9 часов утра, 6 часов — полдень, а 9 — 3 часа пополудни. Версия Синодального перевода «вышедши около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно» кажется непонятной, поскольку третий час понимается как вторая половина дня, и рабочий день к этому времени заканчивается, а в начале притчи говорится, что хозяин вышел рано утром.

Замена церковнославянской и возвышенной лексики. Замена церковнославянской лексики производится на более современную (здесь и далее первым указывается вариант Синодального перевода, а затем вариант Л. Н. Толстого): *сие — это, дабы — чтобы, доколе — когда, вертеп — пещера, прах — пыль, перст — палец, дол — впадина, глас — голос, питие — питье, око — глаз, агнец — ягненок, седи одесную меня — будь по правую руку мою.*

В отношении замены церковнославянской лексики нужно отметить, что Л. Н. Толстой пошел против намерения церкви. Литературное редактирование Синодального перевода, выполненное Московским митрополитом святителем Филаретом (Дроздовым) (1783–1867), безупречно передавало оттенки смысла, но, чтобы избежать полного разрыва русского текста с привычным по литургическому употреблению церковнославянским, митрополит несколько архаизировал язык перевода.

Примером замены возвышенной лексики из «Соединения и перевода...» может служить отрывок из Евангелия от Луки (14:14), где заменены *блажен* и *воздать* на *счастлив* и *отплатится* соответственно:

> **Синодальный перевод:** Лука 14:14 И блажен будешь, что они не могут воздать тебе; ибо воздастся тебе в воскресении праведных [2: 418].
>
> **Л. Н. Толстой:** И будешь счастлив, потому что этим нечем отплатить тебе, а отплатится в восстановлении праведных [Там же].

Замена синтаксических конструкций представлена: а) заменой причастий в функции существительных на определительные придаточные предложения, вводимые сочетанием *тот, кто...*: *просящий — тот, кто просит; жнущий — тот, кто жнет; сеющий — тот, кто сеет; верующий — тот, кто верит; делающий плохое — тот, кто плохое делает; гневающийся — тот, кто сердится; ядущий — тот, кто ест*; б) заменой элементов синтаксиса церковнославянского языка: *подошед — подошел, пришед — явившись, нашедши — когда найдет, я есмь хлеб — я хлеб, и не нашедши его возвратились — и не нашли, и вернулись, вышедши около третьего часа — потом вышел в завтрак* из ранее упоминаемой «Притчи о расплате хозяина с работниками».

В отношении синтаксиса в этих заменах прослеживается стремление выбрать наиболее приемлемую и понятную конструкцию, то, что позднее стало обозначаться термином «поверхностная структура». Она была исследована применительно к переводу Ю. Найдой. Говоря о предпочтительности той или иной конструкции, Ю. Найда отмечает, что именные конструкции не столь точны и однозначны, как глагольные, и не всегда четко показывают отношения между компонентами фразы. Например, в одном языке фразу *God is love* (*Бог — это любовь*) лучше выразить *God loves people* (*Бог любит людей*) [5: 36], а в другом предпочитают пассивные конструкции. Сочетания существительных в английском языке, соединенные предлогом *of-*, оказываются двусмысленными или непонятными, например *the book of Moses* (*книга Моисея*), поскольку предлог *of* в английском языке может выражать и принадлежность, и авторство.

Л. Н. Толстой считает, что аналогичная фраза в заглавии *Евангелие от...* не совсем удачна, поскольку может по-разному пониматься, и предлагает предлог *по*, означающий *в соответствии, согласно кому-то*: *Возвещение о благе по Матфею, Марку, Луке, Иоанну* [2: 20]. Случаи замены конструкций на придаточные предложения также представлены в «Соединении и переводе...»: *во время плавания — когда они плыли, сказанных им слов — того, что он сказал им.*

Прагматическая адаптация. К одному из важных аспектов восприятия перевода аудиторией другой культуры, изучаемому прагматикой, относится межкультурная адаптация, то есть передача элементов текста оригинала непонятных или малоизвестных адресатам. Прагматическая адаптация стала одним из ключевых направлений теории перевода. Она начала развиваться как «культурная эквивалентность» именно на материале Библии. В то же время прагматическая адаптация, хотя все признают ее важность, — сфера достаточно противоречивая, поскольку подход к адаптации и мнения о том, что адаптировать и в какой мере, неизвестны. При переводе текста, описывающего жизнь другого народа несколько тысяч лет назад, как в случае с Евангелием, проблема межкультурной адаптации особенно актуальна.

Некоторые метафоры текста оригинала отсутствуют в культуре текста перевода или представлены в ином образе, что предполагает необходимость адаптации. Фраза из Евангелия от Матфея: «Or what man is there among you who, when his son asks for a loaf, will give him a stone? Or if he ask a fish, will he give him a serpent?» [3: 98] некоторым народам Африки покажется абсурдной, поскольку многие предпочтут змею рыбе. В таком случае нужно подобрать название какой-то несъедобной змеи или дать комментарий. Следует отметить, что в Синодальном переводе идеи съедобного и несъедобного выражены «хлебом» и «камнем» соответственно: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» (Матфей 7:9 — 10) [1: 1080].

Межкультурная прагматическая адаптация в переводе Л. Н. Толстого представлена в основном передачей: 1) реалий и 2) имен собственных.

1. В отношении передачи неизвестных реалий можно отметить замену в притчах *зерна горчичного* на *зерно березовое* и *смоковницы* на *яблоню*. Замену в первом примере, где горчичное зерно, из которого может вырасти дерево, сопоставляется с Царством Небесным, Л. Н. Толстой объясняет тем, что зерно горчичное не может восприниматься как образ самой мелкой вещи. Следовательно, зерно березовое в крестьянской среде должно было пониматься лучше. Смоковница, т. е. инжир или фиговое дерево, в переводе стала яблоней, что повлекло изменение контекста: *виноградник* стал *садом,* а *виноградарь — садовником*:

> **Синодальный перевод:** Лука 13:6 И сказал сию притчу: некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу; и пришел искать плода за ней и не нашел. И сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? [2: 363]
>
> **Л. Н. Толстой:** И сказал им такую притчу: у одного человека росла в саду яблоня. И пришел и посмотрел, нет ли на ней плода, и не нашел. И сказал садовнику: вот три года хожу, смотрю плода на этой яблоне, и все нет. Сруби ее. Что ей место портить [Там же].

Использование характерной для крестьян лексики весьма ощутимо в переводе Л. Н. Толстого: *осел — овца, в болезни — в слабости, бремя — ярмо, скорпион — паук, пища — хлеб, сокровища — животы, господа — хозяева, чертоги — дворы, одежда — кафтан, простая обувь — лапти, мешок — сума, овечьи врата — скотные ворота, комната — клеть, зной — ведро, слепой — темный, наемники — батраки, придворник — сторож, управитель — приказчик, пастырь — пастух, пять пар волов — цабан быков, сосуды — ведра, сокровищница — кружка, настал день — ободняло, плод — колосья, тернии — репьи, вода живая — вода ключевая, расточает имение — мотает хозяйское добро, призвать — кликнуть, гора и холм — пригорок и бугор*. При этом само Евангелие содержит достаточно много фрагментов с описанием быта простых людей и многие из обозначений повседневных вещей и бытовых понятий приобрели религиозную окраску и стали относиться к возвышенной лексике: *поприще — верста, стезя — путь, агнец — ягненок, телец — бык, секира — топор, купать — крестить, заповедь — правило, вертеп — пещера, пастырь — пастух, вечеря — ужин, кайтесь — одумайтесь, лето господне благоприятное — година милости Божией*. Замена таких слов на слова с прямым значением сделало текст не только понятным, но и позволило воспринимать содержание, мыс-

ленно создавая и осознавая описываемые образы, то есть отказываться от застывших ассоциаций, переосмыслить текст по-новому:

Синодальный перевод: Иоанн 1:36. ...и, увидев идущего Иисуса, сказал: вот агнец Божий [2: 86].

Л. Н. Толстой: И Иоанн опять свиделся с Иисусом и сказал про него: это ягненок Божий [Там же].

Греческие денежные единицы в переводе Л. Н. Толстого преимущественно переданы более понятными аналогами: динарий — деньги, кодрант (денежная единица меньше лепты) и ассарий (Римская мелкая медная монета) — копейка, драхма (= 100 лептам) — гривна, талант (крупная единица массы) — гривна. В то же время статир и дидрахма остались без изменений.

Л. Н. Толстой в «Притче о работниках в чужом саду» отказывается от описания виноградника, как и в притче о смоковнице, и создает описание сада. В этом отрывке не понятно слово *точило* в Синодальном переводе, которое к тому же не зафиксировано в словарях. Современные читатели его могут воспринять как приспособление для заточки, но здесь оно обозначает емкость для сбора текущего «точащего» виноградного сока:

Синодальный перевод: Марк 12:1 И начал говорить им притчами: некоторый человек насадил виноградник, и обнес оградою, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился [2: 524].

Л. Н. Толстой: И начал им говорить в притчах: человек насадил сад, и огородил, вырыл пруд, и поставил избу, и сдал мужикам, а сам уехал [Там же].

2. Адаптация контекстуально релевантных имен собственных представлена внутритекстовыми пояснениями или неупоминанием имен. Конструкция с именами собственными, прежде всего антропонимами, раскрывающая значение имени, *назвал..., ибо...*: «*И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих*» [1: 3], представляет собой проблему в переводе Библии, поскольку при отсутствии дополнительных пояснений не позволяет понять причины обозначения. Л. Н. Толстой одним из первых начинает учитывать контекстуальное значение имен собственных и способ их перевода. Для Библии проблема передачи имен собственных весьма актуальна еще и потому, что большинство их в Библии отражают характеристики носителей:

Синодальный перевод: Матфей 1:21 родит же сына, и наречешь ему имя: Иисус; ибо он спасет людей своих от грехов их [2: 47].

Л. Н. Толстой: И она родит сына, и назовешь его Иисус, что значит Спаситель, потому что он спасет людей от грехов их [Там же].

Имя Петр (Πέτρος), означающее на греческом *камень*, в известной фразе Христа, обращенной к апостолу, актуализируется и переведено нарицательным:

Синодальный перевод: Матфей 16:16 И я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее [2: 490].

Л. Н. Толстой: И я тебе говорю, что ты камень, и на том камне построю я мое собрание людей, и смерть не одолеет это собрание людей [Там же].

Некоторые топонимы также передавались с учетом их нарицательных компонентов, хотя и с неточностями. Например, гора Елеоне передана как гора Смоковница, хотя ее название переводится Масличная гора, т. к. הַר זֵיתִים (Елеоне) на иврите означает *олива*, а сама гора находится в районе, где росло много оливковых деревьев; топоним Иерусалим в зависимости от контекста пропускался, переводился *город* или *церковь*. Район Вифания в переводе Л. Н. Толстого не упоминался: *И когда был он в Вифании, в доме Симона прокаженного... — И случилось быть Иисусу в доме Симона шелудивого* [2: 411]. Таким образом, учитывалась смысловая, контекстуальная и стилистическая важность имен собственных, что прежде, в основном, игнорировалось. Необычно, на первый взгляд, выглядит передача потока Кедрон (Иоанн 18:1) как река Темная, но, согласно изданию Strong's Concordance[4], первоначальное значение слова Qidron на иврите, действительно, означает *темный*, *тусклый* и обладает отрицательной коннотацией, поскольку, в соответствии с христианской эсхатологией, в долине будет проходить Страшный суд:

Синодальный перевод: Иоанн 18:1. Сказав сие, Иисус вышел с учениками за поток Кедрон, где был сад, в который вошел сам и ученики его [Там же: 705].

Л. Н. Толстой: Сказав это, пошел Иисус с учениками своими за реку Темную и пришел в деревню Гефсиманию, где был сад. И вошел туда сам и ученики его [Там же].

Среди прочих особенностей перевода Л. Н. Толстого отметим использование просторечной, зачастую грубой лексики: *сокровище — животы, плевел — кистерь, есть — лопать, чрево — брюхо, мерзость — блевотина*, *змея — козюля, жолуди — рожки,* и замену слов, ассоциирующихся с церковными обычаями и праздниками: *рождество — рождение, крещение — перерождение, мессия — избранник, воскресение — пробуждение, воскреснуть — восстать*. Использование просторечий объяснимо намерением создать текст близкий народной, преимущественно крестьянской среде. Также заметен более разговорный и эмоциональный язык повествования, что выражается инвертированным, характерным для устной речи порядком слов, эмфатическими элементами типа *эх, ведь*. Все это предполагает предназначение Евангелия для чтения вслух и понимания текста, а не для использования в церковном обиходе. Отказ от принятых церковных и хорошо известных центральных христианских понятий диктуется особыми религиозными взглядами писателя.

В качестве выводов к переводу и комментариям Л. Н. Толстого нужно отметить, что некоторые толкования писателя, особенно касающиеся пропусков, выглядят надуманными. Стремление к созданию народного языка привело к использованию просторечной и малоизвестной лексики: *животы, кистерь, лопать, рожки, цабан*. Понимая слабость филологических толкований, Л. Н. Толстой признается в одном из писем: «Вообще в переводе моем грубых ошибок не думаю чтобы было (я советовался с филологом знатоком и тонким критиком), но много должно быть таких мест, как те, которые вы указали, где натянут смысл и перевод искусственен» [2: 982]. Л. Н. Толстой настаивает на единственной собственной интерпретации, проявляющейся в многочисленных пропусках текста, что не позволяет читателю подумать и сопоставить несколько изложений одного события. В целом в этом исследовании, хотя и значительном, чувствуется незаконченность, о чем свидетельствуют спорные утверждения и отсутствие точных ссылок на источники.

Однако главная заслуга Л. Н. Толстого состоит в том, что он предвосхитил идеи лингвистической теории перевода: семантики (тщательный выбор значений слова); синтаксиса (замена именных конструкций на глагольные, замена причастий на придаточные предложения); прагматики (адаптация реалий и имен собственных для читателей, представителей другой культуры, представителей крестьянского населения и предпочтение разговорного стиля). Именно эти аспекты, развивавшиеся с середины XX века сначала в работах Ю. Найды, а затем и в отечественной теории перевода, остаются центральными в теории перевода. В своем переводе великий писатель коснулся проблем адаптации текста, изображающего культуру и быт не только другого народа, но народа, жившего около двух тысяч лет назад. Таким образом, в переводе Толстого прослеживается реализация сверхзадачи, заключающейся в сближении культур текста оригинала и перевода, отдаленных не только территориальными, но и временными рамками.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] http://tolstoy.lit-info.ru/tolstoy/religiya/evangelie/evangelie-1.htm, http://www.gramotey.com/books/401213960127.38.htm

[2] New International Version (1984), New Living Translation (2007), New American Standard Bible (1995), International Standard Version (2008), GOD'S WORD Translation (1995).

[3] http://bible.cc/matthew/20–3.htm

[4] http://concordances.org/hebrew/6939.htm

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Синодальное издание Московской патриархии. М., 1990.

2. *Толстой Л. Н.* Полное собр. соч. Л. Н. Толстого. Т. 24. М. 1957

3. *Nida. E.* Message and mission. The communication of the Christian faith. Pasadena, 1960.

4. *Nida E., Taber Ch.* The theory and practice of translation. Leiden, 1969.

5. *Nida E.* Language structure and translation: essays. Stanford, 1975.

Н. В. Пушкарёва

ПОДТЕКСТ КАК СРЕДСТВО УГЛУБЛЕНИЯ СМЫСЛОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

NATALIA V. PUSHKAREVA
SUBTEXT AS THE WAY TO DEEPEN PROSAIC TEXT SENSE PERSPECTIVE

Подтекст описывается как лингвистическое явление, возникающее вследствие употребления ряда синтаксических средств. В зависимости от применяемых лингвистических средств и возникающей семантики, подтекст разделяется на два типа: эмоциональный и конвенциональный. Эмоциональный подтекст создает эмоциональный фон повествования, конвенциональный подтекст уточняет обстоятельства действия. Все это углубляет смысловую перспективу текста. В качестве иллюстраций приводятся примеры из прозы XIX–XXI вв.

Ключевые слова: смысл текста, синтаксис, подтекст, типы подтекста.

Subtext as a linguistic phenomenon appearing as a result of some syntactic constructions usage is being described in the article. Dependently of the used linguistic means and of the appearing semantics subtext is divided into two types: there are emotional and conventional subtexts. Emotional subtext serves for making the narration's emotional background. Conventional subtext specifies circumstances of the described spot. As a result of it the text sense perspective becomes deeper. Examples from Russian prose of XIX–XXI cc. are used like illustrations.

Keywords: text sense, syntax, subtext, types of subtext.

Наталия Викторовна Пушкарёва

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
► pushkarevanata@gmail.com

Мысль о том, что смысл текста не ограничивается эксплицитно выраженным содержанием, высказывалась не только в филологических исследованиях, но и в работах, посвященных развитию и эволюции культуры. Ю. М. Дуплинской принадлежит интересное мнение о том, что в мире существуют «вещи и фон», которые функционируют как «текст и подтекст», а все явления культуры, в том числе и тексты, имеют лицевую и изнаночную стороны, поскольку «смысл не может формироваться без того, что может быть названо *сопротивлением подтекста* (курсив автора статьи. — *Н. П.*), которое существует, наподобие сопротивления некой упругой среды, сквозь которую прорубает свою дорогу Слово» [9: 148, 151]. Такое, крайне широкое, понимание термина «подтекст» служит для обозначения эстетико-культурного фона, оттеняющего особенности объекта или явления культуры в определенную эпоху.

Однако чаще всего о подтексте говорится в филологических исследованиях, при этом термин связывается с особенностями формирования текстового смысла. Структура смысла художественного текста складывается из различных компонентов. В ряде прозаических произ-

ведений смысловые нюансы эксплицируются как на лексическом уровне, так и за счет языковой игры или обращения к читательскому тезаурусу, позволяющему соотнести присутствующие в тексте аллюзии с конкретными событиями, высказываниями или лицами.

Кроме того, в художественном тексте смысл распадается на два уровня, формируя на эксплицитном уровне сюжет, а имплицитном уровне — внятные для читателя сведения о переживаниях героев или повествователя. Создаваемый таким образом подтекст расширяет представления читателя об излагаемой ситуации. Переход от содержания текста к его смыслу возникает вследствие взаимодействия содержащейся в нем эксплицитной информации, передаваемой значениями языковых единиц, и подтекстовой информации, в передаче которой участвуют различные языковые средства.

Термин «подтекст» имеет различные толкования: в самом широком смысле он понимается как семантическая категория текста, «комплекс скрытых, неявно выраженных смыслов текста, возникающий на основе сочетания и взаимодействия явно (эксплицитно) выраженных единиц разных языковых уровней <...> и показывающий отношение говорящего (пишущего) к описываемому им» [12: 479]. Это вся информация, соотносимая с когнитивно-эмоциональным пространством адресанта и, собственно, с тем же пространством адресата. Отдельно нередко рассматривается имплицитная информация, вытекающая из содержания высказывания (любых размеров: от предложения до текста) и соотносящая его с действительностью. Все виды информации интегрируются текстом, который, по словам Ю. М. Лотмана, является генератором смысла [14: 154].

В художественном тексте, который на фоне текстов других функциональных разновидностей оказывается самым сложным в смысловом отношении образованием, происходит постоянное взаимодействие сюжетной (нарративной) повествовательной линии и ментально–эмоциональной линии, своего рода эмоционального сюжета, направленного на передачу динамики мыслей и чувств персонажа. Семантический потенциал языковых единиц реализуется в максимальной степени, способствуя созданию подтекста, который оказывается в этом случае одним из основных средств выражения информации данного рода.

Наиболее адекватно эта мысль передана К. С. Станиславским, который определял подтекст как «жизнь человеческого духа», которая «непрерывно течет под словами текста» [20: 80]. Определения, существующие в литературоведческих исследованиях, скорее, фиксируют факт существования подтекста, который понимается как прямо не декларированная информация, «силой искусства присутствующая в художественном произведении» [29: 5–72], или стремятся определить его источники, например, видят их в несовпадении значения и смысла высказывания, выявляемом в конкретном фрагменте текста и возникающем при разрыве коммуникации [21: 175], а также в присутствии в тексте реминисценций из литературных и нелитературных произведений [4:108].

В лингвистических исследованиях подтекст оценивается как непрямая информация, воспринимаемая благодаря применению определенных языковых средств, и связывается с различными аспектами коммуникативной ситуации [8: 37–47; 10; 15), рассматривается в семиотическом аспекте [6: 61–68].

На признании наличия в каждом высказывании двух семантических составляющих — того, что относится к сфере сообщения о действительности (диктум), и того, что связано с отношением говорящего (пишущего) к сообщаемому (модус), выделяется два типа подтекста: эмоциональный и конвенциональный, последний предложен в философских и психологических исследованиях*. Оба типа подтекста отражают позицию повествователя путем передачи свойственных ему «двух типов отношения <...> к своей речи: субъективно-оценочного и коммуникативного; оба эти отношения могут получать как эксплицитное, так и имплицитное (чисто грамматическое) выражение» [1: 64].

Эмоциональный подтекст передает языковыми средствами информацию об эмоциональ-

ном состоянии персонажей или рассказчика, конвенциональный подтекст представляет общеизвестную информацию, выводимую из грамматических характеристик определенных языковых средств и потому доступную всем носителям языка. Одной из самых распространенных форм передачи конвекционального подтекста являются неопределенно-личные предложения, его семантика определяется кругом значений, выражаемых глагольными формами, называющими действия, агенс которых достаточно известен для адресата, не требуя конкретизации (*дорогу отремонтировали к осени*). Здесь реализуются общественные реакции, осуществляемые коллективом; действия государственной машины; действия ситуативно обусловленной группы людей (см.: [22: 311]). В ряде случаев разделить указанные значения трудно, поскольку группа людей часто оказывается группой представителей государственных органов: *Пропавшего Римского* ***отыскали*** *с изумляющей быстротой <...>* ***нашли*** *и след Лиходеева* [3: 661]. Конвенциональный подтекст — это дополнительная информация, которая позволяет точнее ориентироваться в обстоятельствах описываемого действия.

В отношении к художественному тексту отмечается обычно завершенность понимания конвенционального и подвижность процесса рождения, становления, поиска определенности смысла, которые так и остаются незавершенными при художественном понимании [16: 84].

В создании эмоционального подтекста широко применяются конструкции экспрессивного синтаксиса. Этот тип подтекста на локальном уровне или на уровне целого текста расширяет рамки «человеческого присутствия» в повествовании и углубляет психологический смысл текстового отрывка. Приведем пример с использованием парцеллированной конструкции, которая, отчленяя компонент высказывания, придает ему статус самостоятельной коммуникативной единицы, позволяя усложнить исходные отношения уже не только с главным по отношению к нему членом, но и со всем предложением в целом: *Сами Черкасовы относились ко мне хорошо. А вот домработницы — хуже. Ведь я был дополнительной нагрузкой. Причем без дополнительной оплаты* [7, т. 2: 245]. Парцелляция разбивает повествование на отрезки и привлекает внимание к их логическим центрам. Завершающий отрывок компонент сообщения в своих двусторонних связях участвует в выражении иронического отношения рассказчика к сообщенному.

Возникновение и активизация в прозе двух типов подтекста связаны с различными историческими условиями, в которых создавались произведения русской литературы. Конвенциональный подтекст не присутствует в текстах XIX века как заметное и значимое явление. Синтаксическое средство создания конвенционального подтекста (неопределенно-личные предложения) существовало, но его потенциал в создании подтекстового смысла не был востребован. Активизация конвенционального подтекста приходится на начало XX века, в частности, на послереволюционную эпоху, когда научно-техническое развитие и социальные сдвиги расширили круг людей, владеющих общей когнитивной базой, обеспечивающей коммуникативный контакт. Что касается эмоционального подтекста, то он складывается в рамках классической русской прозы XIX века [18] как один из важнейших приемов выражения рефлексии.

Расширение когнитивной базы носителей языка способствует развитию тенденции к созданию текстов с подтекстовыми смыслами и в новейшей прозе, где происходит усложнение смысловой структуры текста за счет актуализации потенциальных возможностей языковой системы [19: 3–10]. Реконструирование смысловой перспективы текста, выявление новых оттенков значений различных языковых единиц становятся для современного читателя обязательными и все более привычными процессами, сопровождающими чтение.

Приемы для передачи подтекстовой информации складываются в прозе тех писателей XIX века, чье творчество определяло новые пути развития литературы. К ним можно отнести М. Ю. Лермонтова и А. П. Чехова. Безусловно, данный способ построения прозы не является изобретением названных авторов, возможности передачи имплицитной информации с по-

мощью особой синтаксической организации текстов существовали в языке как потенциальное средство. Однако именно в произведениях М. Ю. Лермонтова и А. П. Чехова подтекстовые смыслы актуализировались в качестве полноценных компонентов смысловой структуры произведения, воздействующих на читателя и вовлекающих его в процесс декодирования информации.

Обратимся к тексту «Журнала Печорина», рефлексивная сторона которого составляет самую сущность произведения [5; 28]: *Он довольно остер: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: он никого не убьет словом; он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страстям, что он сам почти в этом уверился. Оттого он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель* [13: 242–243].

Текст характеризующего типа содержит повтор личного местоимения *он*. Повтор как прием выполняет как разделительную, так и объединяющую роль [11: 210, 239]. В данном случае он группирует первую тему: *он остер, эпиграмма его часто забавны, но...,* отделяя от нее развивающуюся вторую: *его цель сделаться героем романа. Он...*Наконец следует выводное: *оттого он...* Мастерски выстроенное сообщение выполняет одновременно две функции: представляет развернутую характеристику Грушницкого и выстраивает образ повествователя: аналитика, владеющего словом безжалостного, но в контексте повести страдающего персонажа. Смысл текстового отрезка расслаивается: эксплицированные причины неприязни одного персонажа к другому объясняют логику происходящих событий, а имплицированный эмоциональный подтекст передает состояние персонажа-рассказчика, усиливая негативный «фон» повествования.

Отметим, что в конце отрывка появляется парцеллированная конструкция (*Оттого он...)*, которая не была в XIX веке сколько-нибудь распространенным приемом. Но М. Ю. Лермонтов пользуется ею на фоне повтора, выводя свое заключение из сферы логической в сферу эмоциональной выразительности.

Для прозы А. П. Чехова характерно устранение с эксплицитного уровня вербализованных оценок. Повествование ведется от третьего лица, но повествователь перемещается в позицию наблюдателя, следующего за персонажем, что в приводимом примере маркируется временным маркером (*все время)*, и одновременно этот маркер допускает и персональную интерпретацию, ориентированную на персонажа (см.: [17: 44–45]):

...Ольга Михайловна <u>все время</u> смотрела ему [мужу] *в затылок и недоумевала. Откуда у тридцатичетырехлетнего человека эта солидная, генеральская походка? Откуда тяжелая, красивая поступь? Откуда эта начальническая вибрация в голосе, откуда все эти «что-с», «н-да-с» и «батенька»?* [24:188]. Процесс наблюдений — размышлений обозначен повтором вопросительных предложений с анафорическим началом (*откуда...*), при том, что в перечне качеств мужа причудливым образом соединяются негативные и позитивные черты *(солидная походка, красивая поступь)*, приобретающие в этом контексте иной речевой смысл. Возникает двуплановая смысловая структура: на вербальном уровне выражено недоумение, на имплицитном уровне создается подтекст с негативной оценочностью. Повтору, как мы уже указывали выше, свойственны объединяющая и противопоставляющая функции, актуализация которых в данном примере придает высказыванию экспрессию, эмоциональность и глубину. Они начинают формировать образ героини.

В прозе начала XX века многоуровневая смысловая организация текстов становится чертой широкого круга произведений. Обратимся к текстам А. Белого и М. А. Булгакова. К лингвистическим способам передачи эмоциональных подтекстовых смыслов, применявшимся в прозе XIX века, добавляются новые, расширяется семантический спектр подтекстовых смыслов. Имплицитный уровень, сопровождая основное повествование, расширяет сферу сознания персонажа-повествователя, не затемняя при этом событийную информацию.

В романе А. Белого «Петербург» к синтаксическим средствам формирования эмоционального подтекста, использовавшимся в прозе XIX века, добавляются бессоюзные сложные предложения, на стыке частей которых возникают своего рода «затемнения смысла». Прояснить «затемнения» читатель должен самостоятельно, однако автор располагает в тексте многочисленные подсказки, способствующие расшифровке скрытого эмоционального смысла. Так, А. Белый расширяет традиционные сферы употребления пунктуационных знаков, применяя их и в качестве средства обозначения границ эпизодов, разбивающих сцену на отдельные «кадры». Последовательностью кадров выглядит следующий отрывок (персонаж думает, как нужно будет вести себя после взрыва бомбы):

Уронить канделябр... Сев на корточки, у пробоины дергаться от в пробоину прущего октябревского ветра (разлетелись при звуке все оконные стекла); и — дергаться, обдергивать на себе ночную сорочку, пока тебе сердобольный лакей —

— может быть, камердинер, тот самый, на которого очень скоро потом всего легче будет свалить (на него, само собой, падут тени) —

— пока сердобольный лакей не потащит насильно в соседнюю комнату и не станет вливать в рот насильно холодную воду... [2: 329].

Текстовый отрывок формально представляет собой два инфинитивных предложения (*уронить канделябр,... дёргаться, обдёргивать на себе...*), модальность которых может быть восстановлена из контекста. Второе предложение, сложное по своей структуре, включает придаточное времени, ограничивающего действия героя (*пока тебе сердобольный лакей*), которое усложняется введением еще одного персонажа как допущение, возникшее в сознании повествователя (*лакей... / может быть, камердинер* со своим вставным компонентом: *на него падут тени).* Отметим разномодальность повествования, в которой поступки героя теряют определенность, в то время как поведение персонажей, возникших в его сознании, предсказуемы. В представление потока сознания активно включается синтаксическая семантика языковых средств. К их числу можно добавить и постановку тире в конце и в начале каждой части, что служит для обозначения информационного фокуса высказывания [26: 137] и одновременно разделяет описание на отдельные «кадры». Второй абзац представляет собой двойную вставную конструкцию — автокомментарий к размышлениям персонажа, отделенный от остального текста двойными тире: как горизонтальными, так и вертикальными.

Подобное расположение компонентов текста, вместе с повторами глагола *дергаться*, выделенного тире и сопровождаемого разъяснением *обдергивать на себе ночную сорочку*, вместе с «повтором-договариванием» начатой в первом абзаце фразы *пока тебе сердобольный лакей*, создает эмоциональный фон неуверенности и страха.

Фокус перемещается с канделябра на дергающегося персонажа, затем на лакея, на камердинера и снова на лакея, как будто имитируя движение камеры. В данном случае реализуется кинематографичность мышления А. Белого [27], которая проявляется и в синтаксической организации текста, и в особом использовании пунктуационных знаков.

В прозе М. А. Булгакова наряду с эмоциональным подтекстом актуализируется конвенциональный подтекст, передающий сведения, которые автор не считает нужным (или не может) вербализовать.

Конвенциональный подтекст у М. А. Булгакова обозначает действия государственной машины. В приводимом далее описании беседы-допроса интересны не только глагольные формы, но и их контекстуальное окружение: — *То есть как? — **спросили** у Никанора Ивановича, прищуриваясь* [3: 487]; — *Про кого говорите? — **спросили** у Никанора Ивановича* [Там же]; — *Откуда валюту взял? — задушевно **спросили** у Никанора Ивановича* [Там же]. Сказуемое *спросили*, маскирующее количество говорящих, сопровождается в одном случае деепричастием — *прищуриваясь*, в другом случае наречным определителем, характеризующим манеру речи, — *задушевно.* Их присутствие указывает на наличие одного допрашивающего, представляющего, однако, социальную силу. Складывается картина с раздваивающимся

изображением: с одной стороны, чтобы понять, как повернется судьба допрашиваемого управдома, читатель должен следить за репликами всех участников разговора; с другой стороны, нарочитое стремление не упоминать имени, должности или каких-либо других данных второго участника беседы (собственно производителя действия) делает ситуацию почти мистической: Никанор Иванович беседует с безликой силой, от которой зависит его судьба. Однако описания манеры речи и действий этого второго собеседника, актуализируя социальный опыт читателя, наводят его на мысль о том, кто именно и где допрашивал Никанора Ивановича. Парадоксальным образом неопределенно-личные предложения, скрывая исполнителей действий, приводят читателя к безошибочному выводу о том, в какую организацию привезли персонажа.

Таким образом, в прозе начала XX века происходит развитие метода создания подтекстовых смыслов лингвистическими средствами, структура этих смыслов усложняется: во-первых, как реакция на изменившиеся социальные условия актуализируется конвенциональный тип подтекста; во-вторых, расширяется семантическая типология эмоциональных подтекстовых смыслов; порождая новые способы обозначения присутствия подтекста в прозе. Все это подготовило читателя к следующему шагу по пути декодирования текстовых смыслов: к чтению актуализирующей прозы XX века.

Традиция создания текстов с имплицитным смысловым планом продолжается в XXI веке, например в произведениях М. П. Шишкина. Структура текстового смысла в произведениях писателя содержит как эмоциональный, так и конвенциональный подтекст, который расширяет свои семантические возможности. Дистантное расположение нераспространенных неопределенно-личных предложений, служащих для формирования конвенционального подтекста, может приводить к результатам, которые не отмечены в прозе других авторов. Приведем такой пример:

Впустили. Они предъявили документы, сдали сумки и мобильные телефоны, прошли сквозь специальные двери, как в аэропорту, и оказались в тюрьме.

Их провели по коленчатому коридору в крошечную камеру, в которой еле уместились маленький стол и три стула. Заперли [25: 397].

Предложения *Впустили*, *Их провели, Заперли* участвуют в создании субъектной перспективы повествования, присутствие неназванных участников события создает внешний фон для действий, выполняемых основными персонажами, формируя подтекстовую рамку описываемых событий.

Повтор однотипных конструкций, сопровождающая обезличенный повтор интонация способствуют передаче эмоции безразличия как состояния персонажей. Так средство создания конвенционального подтекста (неопределенно-личное предложение) оказывается способно к формированию эмоционального подтекста, что проявляет индивидуальное мастерство писателя и одновременно расширение потенциальных возможностей синтаксических средств в сфере художественной речи.

Динамические процессы охватывают и эмоциональный подтекст, наблюдение за которым позволяет, с одной стороны, наблюдать за поведением синтаксических средств в функции, формирующих подтекст, с другой — с достаточной степенью условности, — выявлять значимые черты личности персонажа-повествователя, характерные для разных литературных направлений.

Данные примеры иллюстрируют позицию художественной литературы как оптимальной сферы существования языка, поскольку в ней «реализуются его потенциальные возможности, и, подчиняясь требованиям текста, он вырабатывает новые значения, „перераспределяя“ свои ресурсы» [19: 3]. Передача дополнительных смыслов остается важной задачей в прозе XXI века, и для ее решения применяются и модифицируются уже апробированные языковые средства, а также изыскиваются новые.

Единые принципы человеческого мышления и сходный культурный и жизненный опыт позволяют читателю опознавать эмоции, присутствующие на имплицитном уровне. Те же обстоятельства способствуют и выявлению конвенционального подтекста, понимание которого не толь-

ко уточняет смысл читаемого, но и «ускоряет» процесс восприятия текста. При наличии конвенционального подтекста исчезает необходимость чтения объемных отрывков. Ранжирование информации, переведение в подтекст второстепенных деталей позволяет современному человеку оперативно следовать за развитием повествования, организованного авторской мыслью.

Оба типа подтекста воздействуют на читателя, способствуя максимально точному воплощению авторского замысла. Взаимодействие диктумного и модусного планов приводит к тому, что точка зрения повествователя получает более отчетливое и объемное выражение, а текст оказывается уже не линейной структурой, а трехмерным образованием, напоминающим театральную сцену или кинокадр, на каждом плане которого возникает особая смысловая комбинация. Все эти явления возникают как реакция на потребность говорящих в адекватном выражении, которая является следствием развития общества и мышления и приводит к изменению состояния языка, оказываясь стимулом к поиску новых средств передачи смысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Конвенциональный — ‘общепринятый, традиционный’ [23: 468].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алисова Т. Б.* Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 52–64.
2. *Белый А.* Петербург. М., 1981.
3. *Булгаков М. А.* Избр. произв.: В 2 т. Киев, 1989.
4. *Гаспаров М. Л.* «Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама: Апокалипсис и/или агитка? // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 105–123.
5. *Гладышев Е. В.* Лермонтовская рецепция «Гамлета» в «Герое нашего времени» // Грехневские чтения: Сб. научн. трудов. Н. Новгород, 2001. С. 84–88.
6. *Голякова Л. А.* Подтекст: прагматические параметры художественной коммуникации // Филологические науки. 2006. № 4. С. 61–68.
7. *Довлатов С. Д.* Собр. прозы: В 3 т. СПб., 1993.
8. *Долинин К. А.* Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37–47.
9. *Дуплинская Ю. М.* Логика подтекста: антимиры и изнаночные миры семантики // Вестн. Саратовского гос. техн. ун-та. 2005. № 3. С. 145–153.
10. *Кайда Л. Г.* Стилистика текста: от теории композиции — к декодированию. М., 2004.
11. *Копнина Г. А.* Риторические приемы современного русского литературного языка. М., 2009.
12. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
13. *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Проза и письма. М.; Л., 1937.
14. *Лотман Ю. М.* Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 129–247.
15. *Масленникова А. А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб., 1999.
16. *Некрылова Н. В.* Особенности художественного понимания // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / Под общ. ред. А. А. Брудного, А. В. Уткина, Е. И. Яцуты. М., 2006.
17. *Падучева Е. В.* В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Изв. АН, Сер. лит. и яз. Т. 54. № 3. 1995. С. 44–45.
18. *Пушкарева Н. В.* Подтекст в художественном тексте, его семантика и лингвистические средства выражения // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9. 2009. Вып. 1.Ч. 1. С. 59–65.
19. *Рогова К. А.* «Другая» литература и ее повествователь (речевые особенности) // Разноуровневые единицы языка и их функционирование в тексте. Теоретические и методические аспекты: Сб. научн.-методич. статей. СПб., 1992. С. 3–10.
20. *Станиславский К. С.* Работа актера над собой. Ч. 2. Работа актера над собой в творческом процессе воплощения // Станиславский К. С. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. М., 1990.
21. *Сухих И. Н.* Чехов в XXI веке. Три этюда // Нева. 2008. № 8. С. 164–177.
22. *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
23. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М., 2004.
24. *Чехов А. П.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1955–1956.
25. *Шишкин М. П.* Венерин волос. М., 2010.
26. *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2006.
27. *Шулова Я. А.* «Петербург» и «Петербурги» Андрея Белого // Нева. 2003. № 8. С. 237–243.
28. *Юхнова И. С.* Рефлексия в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. Н. Новгород, 2003. Вып. 1. С. 11–14.
29. *Яновская Л. А.* Понтий Пилат и Иешуа Га-Ноцри. В зеркалах булгаковедения // Вопр. литературы. 2010. № 3. С. 5–72.

О. С. Шурупова

«ДЫШАЛ НОЯБРЬ ОСЕННИМ ХЛАДОМ...»
(ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

OLGA S. SHURUPOVA
«DYSHAL NOYABR OSENNIM KHLADOM…»
(THE TIME OF ACTION IN PETERSBURG TEXT OF THE RUSSIAN LITERATURE)

Статья посвящена исследованию особенностей Петербургского текста русской литературы, связанных с временем действия в большинстве составляющих его текстов. В создании смыслового пространства Петербургского текста немаловажную роль играют мотивы мрачной, холодной осени, которая, по-видимому, оказалась связана в народном сознании с петербургскими наводнениями. Анализ осуществляется на материале текстов А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др.

Ключевые слова: культура, Петербургский текст, время действия, культурная картина мира, осень.

The paper focuses the peculiarities of Petersburg text of the Russian literature that are related to the time of action of the most of its components. A great role is played by motives of gloomy and cold fall which seemed to be associated with Petersburg floods. The texts of Alexander S. Poushkin, Nikolay V. Gogol, Feodor M. Dostoyevsky are analyzed in the paper.

Keywords: culture, Petersburg text, time of action, cultural picture, fall.

Ольга Сергеевна Шурупова

Кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет»
► shurupova2011@mail.ru

Петербург с самого момента возникновения привлекал внимание русских писателей. Одни воспевали красоту северной столицы, не похожей на другие города, другие предрекали ее гибель, ибо, как утверждает В. О. Ключевский, «едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге... Петр называл новую столицу своим "парадизом"; но она стала великим кладбищем для народа»[1]. Город, появившийся как дерзкий вызов Петра Великого всему, что тот считал косным, устаревшим, не нужным России, никого не оставил равнодушным. Испуганные люди могли выразить свой протест, лишь передавая друг другу легенды о проклятом городе, о котором опальная царица Евдокия, томившаяся за стенами Успенского монастыря, якобы произнесла: «Быть Петербургу пусту!» По словам А. М. Буровского, «не успели первые сваи войти в грунт Заячьего острова, как мифы поднялись плотным облаком над постройкой, над людьми — как комары. Облако мифов порой настолько плотное, что бывает непросто различить реальный город в его клубах»[2].

В большинстве произведений, посвященных Петербургу и составляющих Петербургский текст русской литературы, город предстает как зловещее, призрачное место, где обыденное переплетается с фантастическим и где невозможно обрести счастье. По мнению В. Н. Топорова, «первое, что бросается в глаза при анализе конкретных текстов, образующих Петербургский текст, — удивительная близость друг другу различных описаний Петербурга... вплоть до совпадений»[3]. Так, для большинства «петербургских» произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя,

Ф. М. Достоевского, А. А. Блока характерны мотивы тумана, дождя, сырости, слякоти, снега. Краткое описание Петербурга в пушкинской «Пиковой даме»: «Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал хлопьями; фонари светились тускло; улицы были пусты» — полностью соответствует мифологизированному облику города и в том или ином варианте повторяется во всех составляющих Петербургского текста.

Обратившись, вслед за В. Н. Топоровым, к анализу особенностей смыслового пространства Петербургского текста, можно отметить, что во многих текстах, объединенных образом мрачного, холодного Петербурга, действие происходит осенью. Так, в это время на Петербург обрушивается наводнение, погубившее невесту Евгения из поэмы А. С. Пушкина «Медный Всадник»:

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя
(А. Пушкин. Медный Всадник).

Все осенние месяцы не раз упомянуты в различных произведениях, составляющих Петербургский текст. Например, в сентябре достаточно часто происходит то или иное событие, служащее завязкой действия (в сентябре приезжает в Петербург семейство Шадурских, каждый из членов которого принесет немало зла обитателям города («Петербургские трущобы» В. В. Крестовского); «в последний день сентября» появляется на петербургской улице таинственный «незнакомец с чернейшими усиками» («Петербург» А. Белого) и т. д.). Однако наиболее мрачные и трагические события в жизни обитателей северной столицы происходят поздней осенью. Так, третьего октября в жизни персонажа гоголевских «Записок сумасшедшего» чиновника Поприщина начинается «необыкновенное приключение»: он становится свидетелем задушевной беседы двух собак, одна из которых принадлежит дочке его начальника. Большая часть дневниковых записей Поприщина помечена различными числами октября и ноября, причем с каждым днем болезненное состояние его рассудка становится очевиднее, пока в начале декабря несчастный не перестает ориентироваться во времени. Осенью приезжает в Петербург семья Вареньки Доброселовой из повести Ф. М. Достоевского «Бедные люди», которая с горечью отмечает разницу между этим временем года в деревне и в северной столице: «Когда мы оставляли деревню, день был такой светлый, теплый, яркий; сельские работы кончались; на гумнах уже громоздились огромные скирды хлеба и толпились крикливые стаи птиц; все было так ясно и весело, а здесь, при въезде нашем в город, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новых, незнакомых лиц, негостеприимных, недовольных, сердитых». Ноябрьской ночью, «ужасной... — мокрой, туманной, дождливой, снежливой, чреватой флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всех возможных сортов — одним словом, всеми дарами петербургского ноября», господин Голядкин, герой повести Ф. М. Достоевского «Двойник», встречает своего страшного двойника. Утром «восьмого ноября 196... года» холодный ветер врывается в большую залу, где «на рассыпанных страницах, безжизненно подломив под себя руку, лежал человек. Тело... Бледный, как существо из-под камня, — белая трава... в спутанных серых волосах и на виске запеклась кровь...» (А. Битов. Пушкинский дом).

Чем объясняется то, что во многих произведениях предстает именно осенний Петербург, мрачный, холодный, залитый дождем? Нельзя не обратить внимание на то, что в народном сознании осень всегда была менее суровым временем года, чем зима. Об осени, когда кончались полевые работы и начиналась пора свадеб, русский человек сложил немало пословиц и поговорок, характеризующих ее как сытное время, когда можно наконец отдохнуть от тяжелой работы: «Осенью и у воробья пир», «Осенью кисель да блины, а весной сиди да гляди», «Холоден сентябрь, да сыт». На это время года приходится несколько важнейших для народа церковных

праздников: Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября), Воздвижение Креста Господня (27 сентября), Покров (14 октября), день Казанской иконы Божьей Матери (4 ноября). Однако, как отмечает А. М. Буровский, «это у Пушкина в его Болдине и Михайловском осень была естественнейшим и прекрасным временем года и была пронизана светом, грустью и оптимизмом. Это в менее невероятных городах осень красива и вызывает тонкое чувство грусти и красоты, вовсе не связываясь со смертью»[4]. Образ петербургской осени, который создается в посвященных городу произведениях, действительно, коренным образом отличается от картин осени, характерных для текстов, связанных с изображением других городов или русской деревни.

Думается, мрачное восприятие осени в Петербургском тексте связано с тем, что именно в это время года происходили крупные петербургские наводнения, уносившие множество жизней и вселявшие ужас в обитателей города. Согласно официальным данным о стихийных бедствиях в северной столице, наиболее известные наводнения со времени основания Санкт-Петербурга случались 5 нояб. 1715 года, 5 нояб. 1721 года, 6 окт. и 23 нояб. 1723 года, 1 нояб. 1725 года, 18 сент. и 1 нояб. 1726 года, 12 окт. 1729 года, 7 нояб. 1824 года[5]. Впоследствии от страшного наводнения город пострадал в сентябре 1924 года. Разумеется, в народе долгое время ходили слухи о неминуемой гибели Петербурга, и осень стала в сознании большинства людей, уверенных в том, что город рано или поздно исчезнет в морской пучине, временем, когда мрачной столице и ее жителям придется расплатиться за свои прегрешения.

Такое отношение к Петербургу не могло не отразиться в русской литературе, и в большинстве посвященных ему текстов он предстает как странный, противоречивый город, созданный по некоей злой воле, как город греха, наказание за который обрушится на северную столицу осенью. В это время года одиноким, страдающим героям Петербургского текста приходится особенно тяжело. Осенью петербургские улицы и площади становятся темными и пустынными, а скитающегося по ним человека постоянно подстерегает опасность. Осенью темные силы получают над городом особую власть и губят его жителей, одни из которых умирают в расцвете сил (героиня поэмы А. С. Пушкина «Медный Всадник» Параша), другие теряют рассудок (Евгений из пушкинского «Медного Всадника», герой гоголевских «Записок сумасшедшего» Поприщин), в жизни третьих происходят трагические перемены (например, в семействе Аблеуховых из романа А. Белого «Петербург»).

Образ осеннего Петербурга, полного тайн и опасностей, по-прежнему появляется в произведениях отечественной литературы. Миф о гибнущем в волнах городе продолжает существовать в народном сознании, о чем свидетельствуют строки из текстов XXI века, например, из эссе Т. Н. Толстой «Чужие сны»: «Особенно хочется дождаться в питерской квартире поздней осени, когда на улице будет совершенно непереносимо: серые многослойные тучи, как ватник водопроводчика, сырость, пробирающая до костей, секущий, холодный... дождь, длинные лужи...» Развиваясь на протяжении XIX–XXI вв., Петербургский текст обеспечивает непрерывность, преемственность русских культурных традиций. Многие явления русской жизни предстают здесь в новом свете, нежели в стандартной культурной картине мира, ибо, по словам О. Г. Дилакторской, образ Петербурга «врастал в общечеловеческую историю, в то же время создавая свою»[6], но очевидна и глубинная связь Петербургского текста с другими составляющими отечественной культуры, для осмысления которой необходимо вновь и вновь обращаться к произведениям, посвященным одному из самых противоречивых городов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4 / Под ред. В. Л. Янина. М., 1989. С. 115.

[2] *Буровский А. М.* Величие и проклятие Петербурга. М., 2009. С. 38.

[3] *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избр. М., 1995. С. 278.

[4] *Буровский А. М.* Указ. соч. С. 276.

[5] *Бурлак В.* Петербург таинственный. История. Легенды. Предания. М., 2006. С. 70.

[6] *Дилакторская О. Г.* Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999. С. 345.

Н. В. Семенова

«ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ» Н. Ф. ПОГОДИНА: ЭКРАНИЗАЦИЯ И ИНСЦЕНИРОВКА

NATALYA V. SEMENOVA
"THE MAN WITH THE GUN" BY NIKOLAY F. POGODIN:
STAGE AND SCREEN ADAPTATIONS

В статье рассматривается творческая история одного из ключевых текстов соцреализма «Человек с ружьем» (1937). Проводится сопоставление инсценировки и более поздней экранизации пьесы. На материале сценической и кинематографической версий произведения показывается смена идеологических установок, повлекшая за собой кардинальную трансформацию замысла Н. Ф. Погодина.

Ключевые слова: лениниана, советская драматургия, риторика, Н. Ф. Погодин, С. И. Юткевич.

This article discusses the artistic history of one of the key texts of socialist realism: "The Man with the Gun" (1937). A comparison of stage adaptations and later screen adaptations is given. Based on both theater and screen version, a shift in ideological attitudes is illustrated, which resulted in a fundamental alteration of the original meaning intended by Nikolay F. Pogodin.

Keywords: Leniniana, soviet drama, rhetoric, Nikolay F. Pogodin, Sergey I. Jutkevich.

Наталья Валерьевна Семенова

Аспирант кафедры истории русской литературы, старший преподаватель кафедры РКИ и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета
► nathalja.v.semenova@gmail.com

Творческая история

«Человек с ружьем» (1937) Николая Погодина стал в буквальном смысле культовым текстом соцреализма. На этой пьесе и одноименном фильме выросло не одно поколение Советского Союза. В потоке художественной продукции ленинианы данное произведение было признано одним из наиболее удачных, а сцена случайной встречи солдата Ивана Шадрина с Лениным является одной из самых тиражируемых в нарративе о лидере большевиков. Идеологическая безупречность результата и успех у массового зрителя, однако, вовсе не означали, что история создания этого советского шедевра была ровной и бесконфликтной.

4 апреля 1935 года на квартире у А. М. Горького состоялось совещание драматургов, на котором прозвучало требование создания новых пьес к «двадцатилетию Октября». На этой встрече присутствовал и Н. Ф. Погодин[1]. В 1936 году он, среди других избранных, был приглашен к участию в закрытом конкурсе на лучшую пьесу и сценарий об Октябрьской революции. Председатель комитета по делам искусств при СНК СССР П. М. Керженцев составил докладную записку на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова. В ней в разделе «О киносценарии» он упоминает драматурга Н. Ф. Погодина наряду с братьями Васильевыми, А. Я. Каплером, А. П. Довженко, М. Э. Чиаурелли и другими. Документ датирован 19 февраля 1936 года, а готовый сценарий

нужно было представить не позднее 1 октября 1936 года. По сравнению с этим на написание пьесы был отведен почти год: срок подачи колебался от первого января до апреля 1937 года. Целью соревнования, помимо празднования юбилея, являлось моделирование «своей», большевистской концепции исторического прошлого. В число требований к пьесам и сценариям входило задание показать образ Ленина на сцене и на экране[2]. Постфактум авторы вспоминали ту растерянность и страх, которые они испытали, узнав, что от них требовалось. А. Корнейчук выразил общие чувства одной фразой: «Каждый сказал про себя: „Это невозможно“»[3].

Н. Ф. Погодина смущал факт вторжения в личное пространство вождя: «Вы понимаете, товарищи, что это значит, — выходит на сцену человек и говорит: „Я Ленин, дайте мне чаю“ или еще что-то»[4]. Однако Н. Ф. Погодин находит выход из ситуации и к первому ноября 1936 года завершает текст с рабочим названием «Ноябрь». После чего отправляет П. М. Керженцеву следующее письмо: «Я сделал эту работу со всей серьезностью... Добивался я ясности и простоты, еще современности. Самый образ Ленина <...> показать таким, как его создало <...> народное воображение. <...> Что бы там ни было, но я писал, и сделал вещь так, что она вполне готова к работе в кино. Об остальном судить не могу»[5]. П. М. Керженцев, в свою очередь, посылает сценарий на внутреннюю рецензию и получает на него отрицательные отзывы. «Ноябрь» «разорван на части, туманен, а поэтому порою плохо доходит до сознания», нет «четкого... сюжета»[6]. Оппоненты предъявляют претензии и к характерам персонажей: Шадрин — «путаный» человек, герои-капиталисты нереальны, а Ленин изображен слишком подробно, что ко многому обязывает как автора, так и читателей.

Негативная реакция рецензентов на сценарий заставила Н. Ф. Погодина начать переработку текста. Он решился на кардинальный шаг и переделал сценарий в пьесу. Его «конкуренты» братья Васильевы и А. П. Довженко к этому моменту уже вышли из конкурса. В итоге, в 1937 году на экран был выпущен лишь фильм М. И. Ромма по сценарию А. Каплера «Ленин в Октябре», завоевавший всеобщее признание.

Премьера пьесы «Человек с ружьем» во многом зависела от успеха картины М. И. Ромма[7]. Во-первых, в обоих проектах был занят один актер — Борис Щукин, днем репетировавший в Театре им. Евг. Вахтангова, а ночами и в специальные «щукинские» дни снимавшийся в павильонах Мосфильма. Столь напряженная работа вызывала серьезные опасения, что Б. В. Щукин сможет «выдержать» взятый темп[8]. Во-вторых, в случае неудачного воплощения образа Ленина фильм могла не пропустить цензура, а следовательно, и театральная постановка оказывалась под угрозой. Об атмосфере, предшествующей ноябрьскому дивертисменту, свидетельствует следующее рассуждение Н. Ф. Погодина:

> «Что должен был переживать в те дни Борис Васильевич, которому предстояло впервые играть Ленина!.. А вдруг... Это „вдруг“ перечеркивало все. Если бы картина не удалась, то, несомненно, Щукин не стал бы и не мог играть в спектакле»[9].

Драматург описывает генеральную репетицию, на которой актер играл вполсилы. После просмотра спектакля руководители Комитета искусств

> «стали говорить о своих замечаниях и указаниях. Сначала они сказали о том, какие ошибки допускают те или иные исполнители спектакля, и, наконец, перешли к Щукину. Почему он так тихо говорит? Ленин так не говорил.
>
> Щукин встал.
>
> — Я лучше уйду, — так же тихо, как и на сцене, сказал он.
>
> — Почему? — удивленно спросили у него.
>
> — Вы мне наговорите и, боюсь, собьете меня, а мне завтра играть.
>
> Вечером мы узнали, что первый фильм о Ленине выйдет на экран, и на другой день Б. В. Щукин играл в полный голос»[10].

Среди других историко-революционных пьес сезона «Человек с ружьем» Н. Ф. Погодина выделялась, и уже во время репетиций было принято решение экранизировать ее на киностудии «Ленфильм». Н. Ф. Погодин в третий раз переработал текст, С. И. Юткевич закончил режиссерский сценарий, а Б. В. Щукин прошел ки-

нопробы[11]. Однако планируемому творческому тандему драматурга, режиссера и актера не суждено было реализоваться. Место Б. В. Щукина, по одной из версий утомленного съемками, занял М. М. Штраух, уже сыгравший Ленина в пьесе «Правда» А. Корнейчука (Театр Революции, Москва) и снявшийся впоследствии в этой же роли в других картинах С. И. Юткевича[12].

Вышедший фильм «Человек с ружьем», как и «Ленин в Октябре», по жанру является революционным action'ом, но он выполнен в совершенно иной эстетике. Е. А. Добренко отмечает, что фильмы ленинской дилогии М. И. Ромма «формировали то, что можно назвать массовым конспиративным воображаемым»[13]. В «Человеке с ружьем», благодаря множеству юмористических эпизодов, снимается ощущение угрозы и идеологической концентрированности показываемого. Несмотря на все достоинства фильма С. И. Юткевича, выпуск картины на год позже (1938) обрек ее на положение «второй» в соцреалистическом каноне. С одной стороны, она постоянно позиционируется следующей за фильмом М. И. Ромма и А. Я. Каплера, стремящейся к уже достигнутой предшественниками планке. С другой стороны, «Человек с ружьем» воспринимается именно как экранизация, а не оригинальное произведение. Поэтому советские исследователи при анализе не акцентировали разницу между текстом сценическим и кинематографическим. Пьеса Н. Ф. Погодина ставилась в один ряд с «Октябрем» (1927) С. М. Эйзенштейна, «Великим заревом» (1938) М. Э. Чиаурелли и дилогией М. И. Ромма[14]. А фильм, наоборот, рассматривался в контексте поэмы В. В. Маяковского и биографического очерка А. М. Горького «Ленин» (оба текста 1924 года). Это привело к тому, что специфика того и другого «Человека с ружьем» просто игнорировалась.

Большую роль в процессе универсализации смысла обоих произведений сыграли публичные выступления Н. Ф. Погодина, отныне ставшего «заложником» ленинской темы. Начиная со статей в «Литературной газете» и в горьковской «Литературной учебе» — журнале, призванном обучить искусству правильного письма, — драматург выработал каноническое описание истории создания «Человека с ружьем», от которого не отступал и в будущем[15]. Тогда как истинная интенция текста оказывалась скрытой за многочисленными наслоениями авторских разъяснений и интервью.

Таким образом, «Человек с ружьем» представляет собой загадку. Анализ этого текста долгое время оставался на уровне описания сюжета и констатации безусловного успеха постановки и экранизации. Но что выделяет произведение Н. Ф. Погодина из ряда ему подобных? Можно ли ставить знак равенства между пьесой и фильмом или же это два абсолютно разных проекта?

Инсценировка

Рассказ Н. Ф. Погодина о работе над текстом «Человек с ружьем» начинается с упоминания о предварительных изысканиях, предпринятых драматургом:

> «Я обратился к самому Ленину — к его сочинениям. Я стал их читать, причем читать по-особому, с другой точки зрения. <...> Я хотел за его строчками найти драматический дух фигуры, найти Ленина, почувствовать Ленина, чтобы мне потом легко было обращаться с его языком»[16].

Интерес к речи вождя вполне естественен, если принять во внимание, что он является одним из персонажей. Аутентичные тексты политика используют и другие авторы ленинианы (А. Я. Каплер, А. Е. Корнейчук, К. А. Тренев), но случай «Человека с ружьем» особенный. В качестве доказательства приведу воспоминание М. И. Ромма о первой встрече с Б. М. Щукиным:

> «... меня провели в кабинет артиста, я увидел на столе **том Собрания сочинений Ленина, испещренный пометками в тексте и на полях. На стуле я увидел пластинки с записью голоса Ленина**, повсюду лежали рисунки Андреева, фотографии Владимира Ильича. Щукин работал в то время над образом Ленина, готовясь к спектаклю „Человек с ружьем“...»[17]

Заметим, что М. И. Ромм первой упоминает книгу. Аналогичным образом, включившийся в работу уже над фильмом М. М. Штраух предварительно проштудировал ленинские труды. «Как правило, перед каждой съемкой М. Штраух прослушивал запись ленинского голоса и **обяза-**

тельно произносил начальные фразы известной ленинской речи „Памяти Я. М. Свердлова“»[18].

Почему же стихии речи уделяется такое пристальное внимание? Ответ на этот вопрос отчасти объясняет и причину своевременности пьесы Н. Ф. Погодина, главным героем которой является не Ленин и не Иван Шадрин, а Слово. Повинуясь интенции сталинской культуры, Н. Ф. Погодин утверждает это Слово[19]. Во всех важных сюжетных узлах пьесы именно Слово, устное или письменное, несет основную смысловую нагрузку.

Впервые особый характер Слова эксплицируется в экспозиции «Человека с ружьем», изображающей обстановку русско-немецкого фронта. Зритель практически сразу слышит имя Ленина, но это только подготовка к личной встрече. В первой картине знакомство с историческим персонажем происходит через заметку в «Солдатской правде». «Тут есть **слова** Ленина, мы со связистами читали статью, да вот смерклось»[20], — говорит наиболее сознательный солдат Лопухин. Заметка попадает к Шадрину, после чего ее случайно замечает офицер и отбирает с восклицанием «...в моем полку большевистская зараза?» (С. 9). Капитан отменяет заслуженный отпуск Шадрина, но «Правда» «мстит» за своего владельца, и офицера убивает попавший в окоп снаряд. В фильме наказание капитана и непобедимость Слова еще больше актуализированы с помощью яркого и жестокого образа: «Из-под земли видна лишь рука с судорожно зажатой газетой»[21].

Как мы видим, Слово в пьесе обретает статус действия. Солдаты в Смольном, читающие «Декрет о земле», воспринимают этот документ прогностически, с точки зрения грядущего благоденствия. Их непосредственная радость отвечает советскому восприятию реальности, при котором будущее позиционируется как уже состоявшийся факт[22]. В другом эпизоде Ленин моментально, **на словах** решает проблему с доставкой снарядов на фронт.

> «*Самсонов*. Не входя в подробности, я могу написать так: „Ленин **сказал**, что снаряды будут?“
>
> *Ленин*. Ну, напишите так.
>
> *Самсонов*. А я вас заверяю, что через полтора часа ломовики повезут снаряды» («Человек с ружьем». С. 47, выделено мной. — *Н. С.*).

Перед нами — устная договоренность персонажей, но ее реализация подтверждается знанием зрителя о финальной победе большевиков. Тем самым подчеркивается достоверность и результативность Слова вождя.

В фильме, в силу специфики этого вида искусства, Слово перестает быть доминантой. Однако и в сценарии можно найти реликты идеи Слова как дела. Между случаем на фронте и приездом Шадрина в Петроград помещается небольшая интермедия. Зритель видит автограф Ленина в процессе его создания: «...чистый, белый лист бумаги. Рука пишет: „Ко всему населению“ <...> В то время как рука Ленина пишет текст, на экране вторым планом быстрыми наплывами сменяются эпизоды Октябрьского восстания: выстрел с „Авроры“, штурм Зимнего дворца, кипящий Смольный» («Сценарии». С. 206). В завершение видеоряда снова показан Ленин с блокнотом и пером, после чего изображение переходит в печатный текст газеты «Рабочий и солдат». Параллельный монтаж С. И. Юткевича не устанавливает причинно-следственную связь событий (слово Ленина, трансформирующее реальность), а демонстрирует их симультанность. Революцию творит не один уникальный субъект, но множество людей, из которого выделяется уже знакомый зрителю солдат. Все, что происходит дальше, является персональной историей Ивана Шадрина.

Отношения в фильме между Лениным и Шадриным также выстраиваются в личном ключе. Во время второй встречи с солдатом Ленин вспоминает его имя:

> «Ленин внимательно смотрит на Шадрина и спрашивает, улыбаясь:
>
> — А что, чай вы тогда нашли, товарищ Шадрин?» («Сценарии». С. 227–228).

Во время третьей встречи с лидером большевиков дистанция между персонажами сокращается до минимума: Ленин с матросом-«авроровцем» и Шадриным вместе едят картошку[23].

> *Ленин*. <...>. Здравствуйте, товарищ Шадрин. Я вас помню. Что ж вы здесь стоите? Пойдемте, батенька, с нами картошку есть... («Сценарии». С. 248).

В пьесе сцены совместной трапезы нет вовсе. Что же касается знакомства героев, то его фактически не происходит. Персонажи так и не называют своих имен. Их диалог строится по схеме «вопрос — ответ». Ленин собирает сведения для своего социального анализа, поэтому Шадрин интересует его лишь в качестве источника информации. Когда же эти действующие лица сталкиваются вторично в одном из кабинетов Смольного, Ленин ни интонацией, ни обращением не выдает, что он узнал Шадрина:

«*Ленин*. <...> **Товарищ**...
Шадрин. Я?
Ленин. Именно вы...»
(«Человек с ружьем». С. 49).

История Шадрина рассматривается как материал, на основании которого рождается указание, речь или письменный текст: солдат для Ленина есть одновременно его целевая аудитория и предмет изучения.

«*Ленин*. <...> Мне бы хотелось, чтобы „Правда“ писала о героическом опыте **простых, заурядных людей**. <...> очень **важно**, например, **поговорить с обыкновенным, простым солдатом**, понять, о чем этот солдат думает, взять от него самое главное, нужное, решающее **и** толково, по-русски **написать об этом** в газете» («Человек с ружьем». С. 51. Выделено мной. — *Н. С.*).

В этом фрагменте ярко выражена вторая функция Слова — риторическая. Выделение ее позволяет другими глазами взглянуть на пьесу. Конфликт «Человека с ружьем» заключается не в противостоянии мира большевиков и капиталистов (он исчерпывает себя уже к концу первого действия). В действительности герои борются за обретение знания. В тексте представлены два центра, лидерами которых являются Ленин и промышленный магнат Захар Сибирцев. Побеждает та сторона, которая владеет наиболее полной информацией.

«*Господин в шубе*. Захар Захарович, знаете?
Захар Захарович. Знаю. Керенский взял Гатчину.
Господин в шубе. А приказ генерала Краснова?
Захар Захарович. Читал»
(«Человек с ружьем». С. 24).

«*Генерал*. Штаб не отвечает. Керенского нет нигде.
Сибирцев. Что это будет так, я знал еще вчера, но что будет завтра — **я не знаю**».
(«Человек с ружьем». С. 18).

Н. Ф. Погодин показывает в пьесе войну информационных технологий. Оппоненты большевиков дискредитируют себя черным PR'ом. Капитан говорит Шадрину: «А ты знаешь, что Ленин куплен немцами?» («Человек с ружьем». С. 11). Так в текст входит стихия подавляемых в 1930-е годы слухов и неартикулируемых страхов. Опасное знание вводится драматургом через речь отрицательного персонажа, окружение которого, в свою очередь, скомпрометировано связями с Германской империей.

Политика большевиков, напротив, позиционируется максимально прозрачной. Сцена встречи Шадрина с Лениным демонстрирует, главным образом, эту открытость. Однако окончательное превосходство большевикам обеспечивает не рациональная аргументация, а нетривиальные техники убеждения.

«*Шадрин*. <...> (*Истово.*) Зарок перед собой давал ни в какую партию не заступать, но чем вы людей берете? Ленина ведь я даже на картинке не видел, а **чувствую**» («Человек с ружьем». С. 33).

Риторика персонажа Ленина направлена не на изменение позиции собеседника, а на трансформацию его личности в целом. В самом деле, хотя Шадрин позитивно воспринимает сказанное Лениным, превращение его в активного борца за революцию происходит только тогда, когда он узнает имя говорившего с ним человека. После этого герой находит свое место в новой картине мира. Как результат, Шадрин обретает дар Слова и способность к убеждению других, что проявляется в продуцировании рассказов о встрече с вождем. Благодаря дискурсивной практике героя жена отпускает его на фронт, а солдаты Керенского переходят на сторону большевиков. Так Слово в очередной раз находит свое продолжение в действии пьесы.

С другой стороны, встреча с Шадриным оказывается и для Ленина экзистенциальным опытом, который должен быть переработан

и превращен в дискурс. В финале пьесы лидер большевиков произносит речь о человеке с ружьем. Этот монолог в какой-то степени трансформирует наше восприятие драматургического текста. Всю пьесу реципиент ассоциирует Ивана Шадрина с «человеком с ружьем» из заглавия, тем более что герой практически не выпускает винтовку из рук. Но в последнем диалоге Ленин обобщает фигуру солдата, и она становится абстракцией, доказательством для иллюстрации тезисов, которые обращены не к персонажам на сцене, а к зрителю, сидящему в зале. С этой целью Н. Ф. Погодин воспроизводит аутентичную речь Ленина, произнесенную им в «День красного офицера». Таким образом, текст размыкается и находит выход в реальность. Именно зрителю предлагается завершающий драму монолог и ленинский анализ, направленный на преобразование человеческой личности и обретение своего исторического прошлого.

Экранизация

В связи с упомянутым выше автографом Ленина уже подчеркивалось, что стихия речи в фильме «Человек с ружьем» не является доминирующей. «Слово» в картине С. И. Юткевича заменяется «вещью». Такая перестановка акцентов привела автора и режиссера к новой интерпретации готового сюжета. И если основная идея пьесы заключалась в способности Слова модифицировать природу человека и истории, то в фильме личность героя фактически не эволюционирует. Шадрину не надо убеждать себя принять революцию, он уже морально к ней готов. В связи с этим возникают два вопроса. Во-первых, почему произошел этот смысловой сдвиг? Во-вторых, к каким последствиям он привел?

Одну из гипотез провоцирует кадр, открывающий фильм, — солдат на бронепоезде. Значимость этого образа подчеркивается повтором кадра в финале картины. Второй символ эпохи, буквально проносящийся по экрану, — автомобиль, который везет в Смольный рабочих с Путиловского завода. Видеоряд дополняется третьим предметом, не вошедшим в итоговый вариант сценария, но который также стоит упомянуть, — это неожиданно приземлившийся на поле боя самолет.

Что объединяет эти «вещи»? Конечно, можно ответить риторическим вопросом Ленина из пьесы: «Какие виды транспорта существуют на свете»? Но на самом деле в фильме зритель сталкивается с предметами, олицетворяющими военный и технический прогресс своего времени. Наиболее показателен в этом отношении образ самолета, поскольку в 1930-е годы «авиация рассматривалась как форма получения особого рода знаний и средство покорения природы»[24]. А полет предполагал выход за пределы обыденного визуального опыта и расширение перцептивных границ. Освобождением показано воздушное приключение героев из фильма А. М. Роома «Третья Мещанская» (1927), в съемках которого принимал участие и С. И. Юткевич.

Аналогичным образом, движение прогресса, а не Слово вождя заставляет героев «Человека с ружьем» сознательно принять революцию. Прогресс и политика в фильме идут параллельно друг другу. Шадрин, видевший Ленина, делает свой выбор в пользу системы большевиков одновременно с его фронтовыми товарищами, которые находятся далеко от центра революции — Смольного[25]. Мир белых, напротив, демонстрирует общий регресс и деградацию, которые ярче всего иллюстрируются в процессе саморазрушения культуры (артиллерийский обстрел войсками Керенского Царского села). «Снаряды рвутся в парке. Пошатнулась подбитая у основания статуя. Медленно упала, разлетелась на куски» («Сценарии». С. 238).

Параллельно в сценарии наблюдается снижение риторического воздействия Слова на героев. Так, в кинематографической версии отсутствуют дидактические реплики Чибисова, обучающего Шадрина хорошим манерам и ораторскому искусству: «Иди вперед, товарищ Шадрин. Ноги вытри. Правильно. Вот видишь, как у нас хорошо выходит», «Революцию добывают не одним оружием. **Высокое слово** бывает сильней пулеметов и пушек» («Человек с ружьем». С. 22, 62). Героям фильма не требуется воспитатель, они равнозначны и действуют в тандеме.

Основным следствием ослабления влияния Слова в сценарии явилось увеличение значимости каждого конкретного персонажа. По сравнению с пьесой фильм получился удивительно «человеческим», вот почему большую важность в нем приобрели маленькие бытовые предметы (котелок с водой, чайник, горсточка вишни, гимнастерка) и песня (жестокий романс в исполнении Марка Бернеса). Через вещи и песню на экране передаются разнообразнейшие оттенки чувств и взаимоотношений.

В начале фильма Шадрин старательно моет котелок, чтобы затем набрать в него воды и приготовить чай заболевшему товарищу, о котором он заботится. Уже в другой сцене в руках того же Шадрина оказывается чайник. Только что прочитавший «Декрет о земле», солдат ищет напиток, который упорно ассоциируется у него с домом и миром: «Ну, ничего, придет время, я три самовара укокошу...» («Сценарии». С. 228). Однако после встречи с Лениным Шадрин бросает чайник в сторону, отвергая мысль о доме в пользу идеи революции. Точно также мечтательный солдат Евтушенко, еще находясь в окопах, строит планы на будущее, где на первом месте — покупка гимнастерки, а затем уже встреча с лидером большевиков.

«Слышь, Лопухин, оцих боев ще на три дня хватит. Я уже знаю, как закончим бой, пиду на базар, та куплю соби новую гимнастерку, а як грошей хватыть, — ще и чоботы. Чуешь, Лопухин? Одягнусь и пиду до Ленина. Ох, и треба мне с ним поговорити за наше село, за Полтавщину» («Сценарии». С. 248).

Благоговение героя перед вещью иногда обыгрывается комически. Такую роль играет эпизод с Николаем Черкасовым — белым генералом. Шадрин в восхищении застывает перед богато декорированной саблей — знаком власти. И пока солдаты ее рассматривают, генерал сбегает из-под конвоя. Так, через вещь героем приобретается новый опыт.

«*Сталин*: А если следующий раз попадется генерал — упустите?

Шадрин (убежденно). Никогда!»

(Сценарии. С. 248).

В результате того, что Слово в фильме С. И. Юткевича и Н. Ф. Погодина было вытеснено вещью, главным героем картины стал «**Человек** с ружьем». Поэтому в финале мы видим не Ленина на трибуне, а Шадрина на бронепоезде. В соответствии с этим изменилась и презентация революции, ставшей историей множества.

Таким образом, пьеса представляет собой риторическую конструкцию, в цели которой входило выстроить абстрактную концепцию истории, убедить реципиента в ее закономерности и обосновать необходимость советского антропологического эксперимента по созданию нового человека. Тогда как фильм должен был растрогать зрителя, настроив его на сентиментальный лад[26]. В итоге, перед нами оказываются два совершенно различных проекта, один из которых апеллирует к рациональному началу, «сознательности» зрителя, а другой — к его стихийности. Появившийся на год позже пьесы, сценарий Н. Ф. Погодина стал переходным этапом ко второй части трилогии о Ленине — пьесе «Кремлевские куранты» (1939–1941), в которой получила свое дальнейшее развитие тенденция к «очеловечиванию» Ленина и сокращению дистанции между ним и другими персонажами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] При непосредственном участии М. Горького постепенно складывалась команда, которая впоследствии стала работать над проектом «Человек с ружьем». А. М. Горький не случайно пригласил драматурга на совещание 4 апреля, он уже имел представление о его творчестве. Еще в начале своей писательской карьеры Н. Ф. Погодин прислал А. М. Горькому в Италию свой первый сборник очерков «Красные ростки» (1926) // *Волгарь А.* Жизнь и творчество Николая Погодина // Н. Погодин. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1972. С. 5. С другой стороны, М. Горький, увидев Б. В. Щукина в роли Егора Булычова, рекомендовал тому готовиться к роли Ленина, а на апрельском совещании с драматургами писатель упоминает фильм «Летчики» (1935), в котором актер также сыграл главную роль. См.: Б. В. Щукин. Статьи, воспоминания, материалы. М., 1965. С. 39; *Афанасьев А. Н.* Трилогия Погодина о Ленине на сцене. М., 1964. С. 9; Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. 1925–1941. М., 2011. С. 410.

[2] «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938. Документы. М., 1997. С. 209–210.

[3] *Богуславский А. О., Диев В. А.* Русская советская драматургия. Основные проблемы развития. 1936–1945. М., 1965.

С. 22. Той же позиции придерживались и актеры, коллеги А. Е. Корнейчука: «Первые два месяца во мне шла борьба. Казалось, что это невозможно. Когда я делился сомнениями с друзьями-актерами, они просили меня: „Если уж напишите пьесу, то в конце выведите образ Владимира Ильича, только без слов, так как нам это не под силу“// Кобылецкий Ю. Драматург и время. Творчество Александра Корнейчука. М., 1973. С. 113–114.

[4] *Богуславский А. О., Диев В. А.* Указ. соч. С. 23.

[5] РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 1. Ед.хр. 373. Л. 3.

[6] РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 1. Ед.хр. 373. Л. 9.

[7] Премьера фильма состоялась 7 ноября 1937 года в Большом театре в Москве. За ней через несколько дней (13 ноября) последовала премьера пьесы «Человек с ружьем».

[8] Н. Ф. Погодин. Народный артист // Б. В. Щукин. Статьи, воспоминания, материалы. С. 160.

[9] Там же. С. 166.

[10] Там же.

[11] *Молдавский Д. М.* С Маяковским в театре и кино: Книга о С. Юткевиче. М., 1975. С. 175–176.

[12] «Свет над Россией», «Рассказы о Ленине», «Ленин в Польше». Подробнее см.: *Молдавский Д. М.* Указ. соч. С. 202–209.

[13] *Добренко Е. А.* Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008. С. 346.

[14] *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. С. 5–9. Аналогичным образом, Д. М. Молдавский в своей монографии не делает различий между репликами в сценарии и в пьесе.

[15] *Осипова А. Н.* Погодин о своей пьесе «Человек с ружьем» на встрече драматурга с молодыми авторами// «Литературная газета». 20.11.1937. № 63 (699). С. 5; Н. Погодин о работе над пьесой «Человек с ружьем»// «Литературная учеба». 1938. № 1. С. 124–132.

[16] Н. Погодин о работе над пьесой «Человек с ружьем». С. 125.

[17] Б. В. Щукин. Статьи, воспоминания, материалы. С. 168. Выделено мной. — *Н. С.*

[18] *Молдавский Д. М.* Указ. соч. С. 180. Выделено мной. — *Н. С.*

[19] *Паперный В.* Культура 2. М., 2006. С. 220.

[20] Погодин Н. Ф. Собр. соч.:. В 4 т. Т. 2. М., 1973. С. 9. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в скобках.

[21] Избр. сценарии советского кино: В 6 т. Т. 2. М., 1951. С. 206. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в скобках.

[22] *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М., 2007. С. 279–280.

[23] В сценарии в эпизоде на Путиловском заводе принимал участие и персонаж Сталина. Впоследствии фильм был перемонтирован.

[24] *Брансон М.* Полет над Москвой: Вид с воздуха и репрезентация пространства в «Мастере и Маргарите» Булгакова // Новое литературное обозрение. М., 2005. № 76. С. 174.

[25] В сценарии гражданская позиция героев изначально определена: в первой же сцене они составляют коллективное письмо Ленину, демонстрируя зрителю свою сознательность. Тогда как в пьесе Шадрин должен был пройти долгий путь, чтобы обрести свою идентичность.

[26] О неосентиментальной эстетике соцреализма см.: *Гольдштейн А.* Скромное обаяние социализма: (Неосентиментализм в советской литературе тридцатых годов) // Новое литературное обозрение. № 4. С. 255–263.

[хроника]

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ «МАПРЯЛ — РУССКОМУ МИРУ»

(Окончание. Начало на с. 54)

ка и литературы в иноязычной аудитории, а также месту и роли русского языка на пространстве СНГ. Участники обсудили языковую ситуацию в Республике Кыргызстан, отметили проблемы изучения русского языка в ряде районов республики. Особое внимание было уделено преподаванию русской литературы: дискуссионными были вопросы как о содержании обучения и методике преподавания, так и о роли учителя, о его личности в новой модели школьного образования. Учителя отмечали необходимость создания новых учебников с региональным компонентом. В связи с этим очень актуальным оказался мастер-класс д-ра филол. наук, проф. И. Н. Сухих, посвященный вопросам создания школьных УМК по литературе.

Лекции, посвященные ценностным ориентирам современной русской литературы (д-р филол. наук, доц. Н. П. Беневоленская) и современным методам обучения русскому языку в иноязычной аудитории (д-р пед. наук, проф. Л. В. Московкин), вызвали большой интерес у слушателей и стали предметом дискуссий на круглых столах. На практическом занятии Л. В. Московкин продемонстрировал методические приемы на примере обучения деловому общению на русском языке.

Большой интерес участников вызвала выставка новинок учебной, учебно-методической и научной литературы. Интерес преподавателей был обращен к реализации новых методических концепций обучения русскому языку как иностранному, обучения литературе, разрабатываемых в России, а также научно-методическим периодическим изданиям.

В рамках Сессии состоялась также рабочая встреча с представителями РЦНК, вузов г. Бишкека и ОКПРЯЛ для обмена опытом, идеями, обсуждения новых направлений сотрудничества.

Н. А. Вострякова

РУССКИЙ КИНОТЕКСТ В СОЗНАНИИ ИНОФОНА:
ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ЕЁ РЕШЕНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ КИНОТЕКСТА «ОПЯТЬ ДВОЙКА!»

NATALIA A. VOSTRIAKOVA
RUSSIAN CINEMATIC IN THE MINDS OF FOREIGNERS:
THE PROBLEM OF THE ADEQUACY OF PERCEPTION AND ITS SOLVING
ON THE CINEMATIC «LOW MARK AGAIN!» MATERIAL

В статье подчёркивается необходимость на всех этапах овладения РКИ, в том числе и на начальном, обучать инофонов адекватному восприятию русских аутентичных кинотекстов с учётом рецептивных трудностей, характерных для представителей определённого этноязыкового коллектива. Практическое решение этой проблемы предлагается на материале занятия по кинотексту «Опять двойка!» (из детского юмористического киножурнала «Ералаш»). Оно ориентировано на китайских студентов начального этапа обучения и согласовано с лексико-грамматическим содержанием учебника «Дорога в Россию».

Ключевые слова: русский кинотекст, аутентичный кинотекст, инофон (иностранец), национально-культурная специфика восприятия, адекватность восприятия.

The article emphasizes the need to teach foreign language speakers (inophones) adequate perception of Russian authentic cinematic given receptive difficulties characteristic of a particular ethnolinguistic classification team in all stages of learning Russian as a foreign language, including at the beginning. A practical solution to this problem offered by the material classes cinematic "Low mark again!" (from the children's comic film magazine "Jumble"). It focuses on Chinese speaking beginners and agreed with the lexical and grammatical content of the textbook "The Road to Russia".

Keywords: Russian cinematic, authentic cinematic, foreigner (inophone), national cultural specificity of perception, adequacy perception.

Наталья Анатольевна Вострякова

Кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного технического университета
► vostrjakova@yandex.ru

Аутентичные русские кинотексты, демонстрирующие естественную речь носителей русского языка в типичных ситуациях реального общения, весьма активно применяются в практике преподавания РКИ. Однако их восприятие инофонами, особенно на начальном и среднем этапах обучения, вследствие ограниченности их вторичной коммуникативной и страноведческой компетенций зачастую сводится к неуправляемому потоку впечатлений [2: 81; 3: 72]. Нередко обнаруживается, что кинотексты понимаются инолингвами поверхностно, смысл поступков и действий персонажей в них интерпретируется неверно, а часть воспринятой информации приписывается кинотексту, поскольку осознаётся сквозь призму чуждой ему национальной картины мира.

Поэтому для того чтобы добиться адекватной рецепции, необходимо совершенствовать методику презентации кинотекста на занятии и облегчать инолингвам его осмысление, максимально учитывая природу и свойства фильма: его информационную насыщенность; характер взаимосвязи между зрительным и словесным, вербальным и невербальным содержанием; большую или меньшую чёткость композиционной организации; степень выраженности авторской идеи; лексико-синтаксические особенности (наличие незнакомых слов, грамматических конструкций, длину предложений).

Следует выявлять и предупреждать и рецептивные трудности, специфичные для данного иностранного контингента учащихся, комментировать единицы с актуализированными национально-культурными семами и анализировать тему и проблему кинотекста таким образом, чтобы инофоны смогли взглянуть на них глазами носителя русского языка. При этом, как отмечают А. А. Брагина, Н. К. Венедиктова, Е. В. Селивановская и другие исследователи, адекватность восприятия кинотекста будет выше, если реципиенты будут обладать необходимыми для его понимания фоновыми знаниями, а идейно-художественная проблематика произведения не будет вступать в конфликт с особенностями их национального мировоззрения.

Обучать инофонов восприятию киноинформации следует на всех этапах овладения РКИ, тщательно отбирая аутентичные русские кинотексты и вооружая студентов приёмами их осмысления. На начальном этапе из-за несформированности механизмов аудирования у инолингвов предпочтительны небольшие по длительности произведения (от двух до пяти минут), которые возможно демонстрировать в аудитории неоднократно (в целях улучшения понимания). Далее, по мере совершенствования рецептивных навыков инофонов, длительность фильмов может постепенно увеличиваться до 15–20 минут и более [6: 240].

Опираясь на методические положения, мы предлагаем разработку занятия, позволяющего начать работу с *китайскими студентами подготовительного факультета* по формированию навыков извлечения информации из аутентичного русского кинотекста. По своему лексико-грамматическому содержанию оно дополняет программный материал учебника *«Дорога в Россию»* (его первой части), предназначенного для студентов начального этапа обучения [1], и может быть проведено после усвоения 13 урока.

В качестве предмета изучения нами выбран аутентичный кинотекст *«Опять двойка!»* из 124 выпуска детского юмористического киножурнала «Ералаш» продолжительностью чуть более двух минут, что позволяет избежать сенсорного утомления учащихся и организовать в течение двух академических часов достаточную работу по усвоению языкового и страноведческого материала фильма.

Структурно занятие представлено в виде *системы заданий*, последовательность предъявления которых обусловлена основными принципами использования в учебном процессе аудиовизуальных средств, разработанными Г. Г. Городиловой, В. Г. Логиновой, А. Н. Щукиным. Задания направлены на обеспечение адекватного восприятия кинотекста «Опять двойка!» носителями китайского языка, извлечение информации и построение высказываний репродуктивно-продуктивного характера на её основе. При этом учитывается специфика работы на начальном этапе обучения в *моногруппе* и используется *перевод* на родной язык учащихся в целях семантизации новой лексики, интенсификации восприятия и достижения адекватной рецепции.

Тематика кинотекста «Опять двойка!» актуальна для повседневной сферы общения, он основан на реальной ситуации, близкой и понятной студентам. И, несмотря на то что главная его идея выражена имплицитно, её осмысление не вызывает трудностей у китайских реципиентов: значимость образования и уважение к родителям являются общечеловеческими ценностями и пропагандируются в Китае с древних времён.

И всё же при изучении кинотекста могут обнаружиться особенности его интерпретации китайскими студентами: они более категорично осуждают главного героя фильма (двоечни-

ка) и не склонны сочувствовать ему, как русские зрители. Это объясняется тем, что, хотя в России и в Китае хорошее образование увеличивает шансы человека получить достойную работу, в последние десятилетия в России престиж образования был значительно подорван: экономическая реальность нашей жизни продемонстрировала, что заработок может и не быть обусловлен образованием и квалификацией работника. В результате осознания этого факта общественностью в нашей культуре появилась, например, серия анекдотов о «новых русских», в которых подчёркивается, что большими деньгами зачастую обладают самоуверенные, глуповатые и малообразованные люди.

В Китае же, начиная с древних времён, сделать карьеру было почти невозможно без образования: «...элита императорского государства была прежде всего образованной элитой. Естественно, можно было родиться внутри неё, но также можно было "выучиться", чтобы приобрести принадлежность к ней. К знати — даже если это была только "низшая знать" — принадлежал в Китае тот, кто выдерживал экзамены на пригодность к месту служащего. Нужно было сдавать для этого строгий письменный государственный экзамен, который проводился в столице с промежутками от одного до нескольких лет... Многие... сдавали экзамен повторно, некоторые тратили на это больше 10–20 лет жизни» [7: 138].

Поэтому под образованием в конфуцианском государстве всегда понималось «нечто большее, чем просто образование», а определение ребёнка в школу рассматривалось как инвестиция в будущее: «В бедных семьях все члены клана складывались для того, чтобы по крайней мере одному из наследников собрать деньги на обучение. Успех от его дальнейшей карьеры распространялся позже на всех. Влияние и связи единственного должностного лица были полезны всему роду» [Там же: 139].

В современном Китае эти традиции попрежнему сильны: «...академическое образование всё ещё является самым важным условием для дальнейшего общественного успеха». И даже необразованный, недавно разбогатевший крестьянин мечтает послать своего ребёнка в университет [Там же: 140]. Нередки и случаи, «когда родители жертвуют всеми ресурсами семьи и даже карьерой других детей для того, чтобы обеспечить успех одного сына, подающего наибольшие надежды» [5: 553].

Поэтому китайские учащиеся по сравнению с русскими (как показывает наш опыт преподавания в российском вузе и в Цзинаньской средней школе иностранных языков) относятся к учёбе ответственнее и очень заинтересованы (в большинстве своём) в получении качественного образования, поскольку с раннего детства семья внушает им мысль о том, что успешная учёба в школе и вузе — это долг детей перед своими родителями и главное условие их дальнейшей благополучной карьеры.

Осознавая свою ответственность перед родными, китайские школьники рано взрослеют и во многом напоминают маленьких взрослых. В 12–15 лет они серьёзно рассуждают о том, что в Китае избыток человеческих ресурсов, и поэтому их ожидает жесточайшая конкуренция при поступлении в университет и приёме на работу. С раннего детства они начинают готовить себя к этим испытаниям, сознательно отказываясь от игр и детских развлечений. Русские же школьники в таком возрасте, как правило, всё ещё остаются шаловливыми детьми по своему мировосприятию, а их родители относятся к школьным успехам своих чад снисходительно, сознавая условность школьных оценок и понимая, что троечники зачастую более успешны в жизни, чем отличники. Показательны в этом отношении данные интернет-опроса газеты «Аргументы и факты»: только 49% русских родителей (из 396 респондентов) категорически отрицательно относятся к прогулам своего ребёнка в школе, 37% родителей разрешают детям пропускать уроки по согласованию с ними, а 14% вообще не ругают детей за пропущенные занятия [4: 21]. Всё это приводит к тому, что русские зрители (по сравнению с китайскими) более лояльно воспринимают образ главного героя фильма.

Кроме того, в сознании русских людей кинотекст «Опять двойка!» декодируется с учётом

их фоновых знаний и предусматривает обязательное соотнесение его содержания с определёнными сведениями об одноимённой *картине художника Ф. П. Решетникова*, сюжет которой послужил основой при создании фильма.

Китайские же реципиенты могут воспринимать кинотекст *автономно* — не как вторичный текст, а как самостоятельное произведение искусства и, следовательно, не осмыслять в полной мере его идейно-художественное содержание. При этом часть китайских учащихся в группе (как показал проведённый нами опрос в Волгоградском государственном техническом университете — это примерно 13 студентов из 30, то есть почти половина опрошенных) может и обнаружить знакомство с картиной Ф. П. Решетникова: они рассказывают, что видели её в китайских учебниках по изобразительному искусству для средней школы (там репродукция сопровождается рассказом о ней на китайском языке), писали по ней сочинение в школе. И на это знакомство следует опереться при изучении кинотекста «Опять двойка!», поскольку восприятие его этой группой учащихся будет максимально приближено к восприятию его носителями русского языка.

Для русского зрителя (подчеркнём ещё раз) связь между картиной Ф. П. Решетникова и кинотекстом режиссёра В. Панжева оказывается принципиальной и *определяет* восприятие последнего. Ознакомившись с названием фильма, он уже связывает его с известной картиной и воспринимает кинотекст сквозь её призму.

Начало видеосюжета подтверждает догадку русского зрителя: фильм оказывается связан с картиной генетически, единым сюжетом и персонажами. Однако по сравнению с картиной кинотекст представляет материал в более современном и динамичном варианте. Герои Ф. П. Решетникова как бы «оживают» на экране, и это уже производит комическое впечатление на носителя русского языка.

Далее кинотекст дополняет и развивает сюжет картины. Он позволяет увидеть главного героя-двоечника не в одной, а в двух диаметрально противоположных ситуациях — ситуации поражения и победы — и заметить не только его отрицательные качества, но и смутное, нереализованное желание почувствовать себя отличником, заметить любовь к нему со стороны семьи, веру в него, несмотря на регулярные двойки... (И на этом моменте надо акцентировать внимание китайских учащихся при обсуждении фильма.) Всё это усиливает воспитательный потенциал кинотекста по сравнению с картиной, его психологизм, вызывает у русских реципиентов особый экспрессивный эффект и привносит нотки мягкого, доброжелательного юмора.

Учитывая рассмотренное обстоятельство, обусловленное художественным своеобразием фильма, в предлагаемое нами занятие введены задания, знакомящие студентов с творчеством Ф. П. Решетникова и его картиной, которая становится для них *художественно-изобразительной опорой* при первичном восприятии кинотекста. Картина направляет в нужное русло рецептивную деятельность учащихся: она даёт представление об обстановке, в которой разворачивается видеосюжет, создаёт зрительные образы героев*, способствует более точному пониманию кинотекста и помогает лучше запоминать новую лексику.

Кроме того, на наш взгляд, желательно, чтобы учащиеся имели также представление о Третьяковской галерее, в которой можно увидеть картину Ф. П. Решетникова, и о жанровой специфике детского юмористического киножурнала «Ералаш» (частью которого является фильм режиссёра В. Панжева), поскольку эти сведения связаны с тематикой кинотекста, общеизвестны для носителей русского языка и, безусловно, расширят страноведческую компетенцию инофонов.

Исходя из этих соображений, обучение восприятию кинотекста «Опять двойка!» на предлагаемом нами занятии построено с учётом всех его информационных планов, широкого контекста. Вся дополнительная фоновая информация — о творчестве художника Ф. П. Решетникова, Третьяковской галерее и киножурнале «Ералаш» — органично включена в систему предпросмотровых заданий с целью обеспечить адекватность рецепции и приблизить её к восприятию носителей русского языка.

В заключение ещё раз подчеркнём, что предлагаемый нами практический материал мо-

жет быть использован в китайской аудитории на начальном этапе обучения в вузах, на курсах и в кружках русского языка как иностранного.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Хотя на шее у девочки повязан красный галстук, в китайской аудитории нет необходимости комментировать эту реалию: советское прошлое нашей страны известно и понятно китайцам, оно является объединяющим началом в истории наших народов. В Китае по-прежнему есть пионеры, китайские студенты понимают символику пионерского галстука и знают о том, что эта детская организация в современной России уже не столь популярна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В. и др.* Дорога в Россию: Учеб. русского языка (элементарный уровень). М.; СПб., 2003.

2. *Брагина А. А.* Киноурок: цель, средства и этапы учебного процесса // Русский язык за рубежом. 1980. №1. С.77–82.

3. *Гарза Т., Лекич М. Д.* Лучше раз увидеть..? // Русский язык за рубежом. 1990. №3. С. 71–76.

4. Интернет-опрос «АиФ»: Как вы относитесь к школьным прогулам вашего ребёнка? // Аргументы и факты. 2010. № 8.

5. *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М., 2003.

6. *Уша Т. Ю.* Современные технические средства обучения РКИ // Русский язык как иностранный: Методика обучения РКИ / Под ред. И. П. Лысаковой. М., 2004.

7. *Чен Ханне.* Эти поразительные китайцы. М., 2006.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Венедиктова Н. К. Доступность текстов как условие их понимания // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских / Под ред. А. А. Леонтьева, Н. Д. Зарубиной. М., 1977.

Городилова Г. Г. Обучение речи и технические средства. М., 1979.

Московские живописцы: альбом / Авт.-сост. И. Н. Филонович. М., 1979.

Пятьсот шедевров русского искусства / Авт.-сост. М. В. Адамчик. Минск, 2004.

Сто великих музеев мира / Авт.-сост. Н. А. Иони. М., 2000.

Фёдор Решетников: альбом / Сост. Б. В. Вишняков. М., 1982.

Данная журнальная статья дает сокращенное представление разработки урока. Полностью она содержится в электронном варианте, размещенном на сайте журнала http://spbmirs.ru/magazine/, где вы сможете с ней ознакомиться.

«ОПЯТЬ ДВОЙКА!»

(фильм из киножурнала «Ералаш»)

Первые пять заданий посвящены основной лексике, необходимой для понимания темы *художник и его творчество* и для описания портретов действующих лиц. Эта лексика семантизируется, предлагается для восприятия на слух, записывается. Представлены вопросы, включающие характерные для её употребления конструкции. Обращено внимание на значение и употребление глаголов звать / называться, их связь с одушевлёнными и неодушевлёнными существительными.

Следующие четыре задания ориентированы на работу по картине художника Ф. П. Решетникова: вводятся слова со значением русских школьных оценок и конструкции, в которые они включаются, ведётся работа над лексикой, служащей для передачи чувств, эмоциональных состояний человека, его реакций на события, а также над их передачей в форме разных частей речи и, соответственно, над словообразованием (грустить / грустно / грусть).

Таким образом подготавливается работа с текстом:

> ***Задание 10.*** Прочитайте текст.
>
> «Опя́ть дво́йка!» — изве́стная карти́на худо́жника Фёдора Па́вловича Реше́тникова. На не́й он нарисова́л семью́. Э́то мать, её ста́рший сын, мла́дший сын и дочь.
>
> Все они́ лю́бят друг дру́га. Но на карти́не ли́ца у ни́х гру́стные, серьёзные, потому́ что ста́рший сын получи́л в шко́ле дво́йку. Дво́йку он получи́л и вчера́, и позавчера́... Поэ́тому карти́на и называ́ется «Опя́ть дво́йка!».
>
> Мы ви́дим, что мать и сестра́ о́чень огорчи́лись. Они́ неодобри́тельно смо́трят на шко́льника. Ждут, когда́ он наконе́ц-то поймёт, что ему́ ну́жно хорошо́ учи́ться.

И то́лько соба́ка не грусти́т. То́лько она́ ра́да ви́деть э́того ученика́. И для неё не ва́жно, кака́я у него́ сего́дня оце́нка. Она́ лю́бит его́ всегда́, потому́ что он её друг.

На полях: ***Понимать*** *I (НСВ) кого́? что? (4)*
понять *II (СВ)*
я пойму́
ты поймёшь
он поймёт
они́ пойму́т

Следующие задания представляют собой вопросы по содержанию текста, с помощью которых воспроизводится содержание текста, расширяется лексический запас учащихся по теме *портрет*, что позволяет сделать одновременная работа с текстом и картиной, воспроизводящей целостный образ персонажа. Предлагается также провести наблюдение за использованием таких характерных для русского языка средств выражения эмоций, как Ура!, Боже мой! В разных значениях (В ата́ку! *Ура́!* Ле́тние кани́кулы — са́мые больши́е. *Ура́! Боже мой! Как хорошо; Это ты? Боже мой!* И т. п.).

После сообщения кратких сведений о детском сатирическом киножурнале «Ералаш» проводится просмотр сюжета «Опять двойка!» и предлагаются вопросы по его содержанию, а также приводится в виде плана наименование событий фильма, которые нужно расставить в той последовательности, которая представлена в фильме (в перечне она нарушена).

В зависимости от уровня восприятия сюжета можно переходить к выявлению различий между картиной и киносюжетом. Предварительно вероятно введение текста киносценария.

Прочитайте сценарий фильма «Опять двойка!».

Мать, её дочь и мла́дший сын до́ма. До́ма и соба́ка. Она́ спит.

Из шко́лы прихо́дит ста́рший брат. Дверь закрыва́ется и вта́лкивает его́ в кварти́ру.

Никто́ ничего́ не говори́т. Все смо́трят на шко́льника неодобри́тельно, потому́ что жду́т от него́ неприя́тной но́вости. То́лько соба́ка ра́да его́ ви́деть.

Мать *(неве́село).* Опя́ть дво́йка?

Старший сын. Нет, пя́ть...

Мать *(ра́достно).* Бо́же мой! Бо́же мой!

Сестра *(ра́достно).* Ура́! Ура́!

Семья́ гото́вится к пра́зднику. Сестра́ прино́сит шко́льнику цветы́. Все надева́ют краси́вую оде́жду.

Мать. Сынок, дорого́й, наконе́ц-то у тебя́ не дво́йка, а пятёрка... *(Даёт ему́ торт. На нём — оце́нка «пять»).* Поздравля́ю!

Старший сын. Не пятёрка, а пя́ть...

Мать. Ну, коне́чно же, пя́ть...

Старший сын. Пять... *(бы́стро ест торт)* дво́ек.

На полях: ***закрываться*** *I (НСВ)*
вталкивать *I (куда́?) в кварти́ру (4)*
готовиться *II (НСВ) к чему́? (3)*
приносить *II (НСВ) что? (4)*
надевать *I (НСВ) что? (4)*
сын → ***сын-ок*** *(ласка́тельно)*
поздравлять *(НСВ) кого́ (4)*
пять (чего́?) ***двоек*** *(2, мн. ч.)*

После просмотра фильма предлагается выполнить тест.

1. *Ста́рший сын пришёл из шко́лы. Почему́ дверь вта́лкивает его́ в кварти́ру?*

А) потому́ что он вошёл бы́стро;
Б) потому́ что ему́ давно́ ну́жно бы́ло быть до́ма;
В) потому́ что он получи́л тро́йку.

2. *Ста́рший сын пришёл из шко́лы. Почему́ никто́ ничего́ не говори́т?*

А) потому́ что все ду́мают, что сего́дня он то́же получи́л дво́йку;
Б) потому́ что ста́ршего сы́на до́ма не лю́бят;
В) потому́ что он пришёл домо́й по́здно.

3. *Мать.* Опя́ть дво́йка?
Ста́рший сын. Нет, пять...
Что хоте́л сказа́ть ста́рший сын ма́тери?

А) сего́дня я получи́л пятёрку;
Б) сего́дня я получи́л оце́нку «пять»;
В) сего́дня я получи́л пять дво́ек.

4. *Ста́рший сын.* Не пятёрка, а пять...
Мать. Ну, коне́чно же, пять...
Что хоте́ла сказа́ть мать?

А) ты получи́л пять дво́ек;
Б) ты получи́л оце́нку «пять»;
В) ты получи́л пять тро́ек.

5. *«Опя́ть дво́йка!» — э́то весёлый фильм?*

А) нет, гру́стный, потому́ что ста́рший сын получи́л дво́йку;

Б) да, потому́ что семья́ снача́ла непра́вильно поняла́ шко́льника;

В) и весёлый, и гру́стный.

Достигнув полного понимания содержания фильма, предлагается чтение диалога вслух по ролям для отработки интонационных особенностей выражения эмоций:

Мать *(невесело).* Опять двойка?

Старший сын. Нет, пять...

Мать *(радостно).* Боже мой! Боже мой!

Сестра *(радостно).* Ура! Ура!

Мать. Сынок, дорогой, наконец-то у тебя не двойка, а пятёрка... *(Даёт ему торт. На нём — оценка «пять»).* Поздравляю!

Старший сын. Не пятёрка, а пять...

Мать. Ну, конечно же, пять...

Старший сын. Пять... *(быстро ест торт)* двоек.

Завершающее задание представляет собой вопросы проблемного и оценочного характера.

1. Фильм «Опя́ть дво́йка!» повторя́ет карти́ну Реше́тникова и́ли дополня́ет её?

2. Как Вы ду́маете, у фи́льма «Опя́ть дво́йка» счастли́вый коне́ц?

3. Чему́ у́чит э́тот фильм? Почему́ шко́льнику ну́жно хорошо́ учи́ться? Что говоря́т ва́ши роди́тели? Роди́тели всегда́ понима́ют сы́на (дочь) и́ли нет?

4. Что ну́жно шко́льнику, что́бы он хорошо́ учи́лся?

5. В чём ю́мор э́того фи́льма? Что́ для Вас бы́ло смешны́м в фи́льме?

Домашняя работа включает как лексико-синтаксические задания, так и круг вопросов, связанных с содержанием и смыслом текста, с языковой игрой, основанной на близости и различиях в значении слов (пятёрка / пять).

Разработка урока содержит ключи и примечания, раскрывающие содержание понятий, не имеющих адекватных смыслов в китайском языке. Эти разделы разработки даны на китайском языке.

[хроника]

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ «МАПРЯЛ — РУССКОМУ МИРУ»

(г. Шеньян, г. Далянь, Китай, 15–17 сентября 2012 года)

15–17 сентября 2012 года в Китае, в городах Шеньян и Далянь в рамках проекта «Научно-практическая сессия «МАПРЯЛ — Русскому миру» прошел научно-практический семинар «Россия — Китай».

Проект был осуществлен Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) при поддержке Фонда «Русский мир», организационной и информационной поддержке Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы и Ляонинского университета.

Для проведения семинара в Китае была сформирована делегация, в состав которой вошли сотрудники секретариата МАПРЯЛ и ведущих вузов Санкт-Петербурга.

Участниками семинара стали школьные и вузовские преподаватели русского языка и литературы, обучающие русскому языку как иностранному, переводчики, культурологи.

На церемонии открытия выступили заместитель Министра образования Китая профессор Лю Лиминь, Секретарь парткома Ляонинского университета профессор Чэн Вэй, Генеральный секретарь КАПРЯЛ профессор Ду Гуйчжи, Директор института иностранных языков Ляонинского университета профессор Чжоу Цзе, декан факультета русского языка Ляонинского университета профессор Цзинь Тефэн. Выступающие отметили неизменно высокий интерес к русскому языку и русской культуре среди китайских граждан, в том числе абитуриентов, которые планируют продолжить обучение в российских вузах. Речь шла также о необходимости повышать качество преподавания русского языка в школах и вузах, о повсеместном внедрении новых форм обучения.

В связи с этим большое внимание участников привлекли выступления канд. филол. наук М. С. Шишкова «Новое в дистанционном обучении» и канд. пед. наук О. А. Великосельского «Дистанционное электронное тестирование по РКИ для иностранных граждан: принципы работы и перспективы», а также А. В. Коротышева «О системе российского образования: возможности для иностранцев».

В рамках программы были проведены круглые столы «Современный учебник по русскому языку: чему учить и как учить» и «Диалог культур при изучении русского языка», во время работы которых участники обсудили основные вопросы использования современной обучающей литературы на уроках РКИ и лингвокультурологический аспект в преподавании.

Большой практический интерес вызвала лекция канд. пед. наук Г. Г. Малышева «Использование зрительной наглядности в обучении русскому языку иностранцев», а проведенная в обоих городах выставка предоставила участникам мероприятия возможность познакомиться с новинками научной и учебно-методической литературы, специализированных периодических изданий.

Е. Р. Корниенко

РОЛЬ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ELENA R. KORNIENKO
THE ROLE OF THE FOLK TALE DISCOURSE
IN THE RUSSIAN CULTURAL ENVIRONMENT

В статье рассматривается роль русской сказки в процессе формирования картины мира иностранных читателей, указываются причины непонимания ее культурной символики. При этом особое внимание уделено глубинным смыслам фольклорных произведений, отражающих национально-специфические культурные концепты. На примере обобщения своего преподавательского опыта автор исследует вопрос о том, в какой степени родная культура иностранных студентов накладывает отпечаток на индивидуальные особенности их восприятия текстов русских сказок.

Ключевые слова: сказочный дискурс, понимание, картина мира, культурный опыт народа, лакуны.

The paper discusses the role of Russian folktales in the process of the Russian culture acquisition by foreigners. Special attention is given to the reasons of certain failure in the perception of cultural symbols of such kind of the Russian discourse. The paper focuses on the analysis of in-depth cognition of folk tales and suggests the ways for a better cultural competence of the foreign language learners. The author summarizes her practical teaching experience and demonstrates to what extent the native culture of foreign students influences the result of their perception of the Russian folktales.

Keywords: folktale discourse, perception, world view, people's cultural experience, gaps.

Елена Радмировна Корниенко

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российской академии живописи, ваяния и зодчества И. Глазунова
► ekorni@mail.ru

На протяжении веков фольклорные произведения активно участвовали в дискурсивной практике людей русского культурного пространства. Ценность таких текстов определяется тем, что, будучи прецедентными, они являются отражением накопленных человеком социокультурных знаний определенной исторической эпохи, источником представлений о культуре народа, говорящего на данном языке. В них особенно ярко выделяются национально-культурные символы и концепты, которые передают важную смысловую информацию. Однако их понимание для иностранца становится возможным лишь при наличии в сознании определенных фреймов и сценариев, т. е. когнитивных структур языка, позволяющих коммуникатору расшифровать получаемое сообщение.

Как известно, картина мира отличается у каждого отдельного народа так же, как и кодовые системы культур. Фольклорное произведение может быть не понято даже тогда, когда снят языковой барьер: мы переводим не слова, а стоящие за ними национально-культурные символы и концепты.

То, что для реципиента является странным, «чужим» и нуждается в истолковании, служит сигналом присутствия в тексте специфических элементов культуры — лакун. Г. Гачев [4] образно называет их «заусенцами», которые «задираются», создавая тем самым трудности при восприятии иностранцами. В сказочном дискурсе зафиксировано большое

количество лакун, т. к. его языку присущ яркий национально-культурный колорит. Необходимо учитывать, что фольклорные произведения представляют собой особую функциональную систему, в рамках которой усваивается опыт народа. Постигая смысл культурной символики сказки, иностранный читатель сталкивается не только с языковой, но и с национальной «картиной мира» носителей русского языка, пропуская ее через свое сознание. Декодируя такого рода культурные схемы, он соотносит их содержание с привычным ему контекстом, что накладывает определенные ограничения на индивидуальные особенности восприятия смысла иноязычного сообщения.

Данное исследование базируется на лингвокультурологическом подходе к анализу языковой картины мира, которая отражает отчасти универсальный способ концептуализации действительности, а отчасти — национально специфичный для каждого языка [1: 350–351]. В последнее время в лингвокультурологии особое внимание уделяется изучению стилистики языка фольклорного текста, его глубинному смысловому пониманию [3; 5; 6].

Рассмотрим с этой точки зрения русский сказочный дискурс, в котором отразились основы православной веры и нравственные заповеди народа: проповедуется идея любви к ближнему, покорности воле Божьей, искупления грехов и спасения души. Русский сказочный дискурс позволяет выделить основные обряды русских людей. Например, *свадьба*, *женитьба* является счастливым финалом многих сказок: «*Царь-девица выступила из терема, взяла доброго молодца за руку и сказала: „Я за тебя замуж иду!“ И на другой же день сыграли они свадьбу... Велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного — все бы шли поздравлять жениха с невестою... С тех пор стали они жить во всяком добре и счастии*». В фольклоре широко представлены *благословение*: «*Говорит царю большой сын: „Батюшка, благослови меня, поеду отыскивать матушку“*»; связанное с браком *венчание*: «*Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня*»; обряд *поминания* умерших: «*Тут коза с кумою лисою сделали чудесный помин по бирюке: наелись, напились, вышли на двор; коза проводила куму, а сама со своим козленком стала жить да поживать и молочко для козленка добывать*». Сюда же можно отнести и культурные концепты, характеризующие традиции, уклад и быт деревни, менталитет народа. Так, неизменно упоминается в сказках *крещение*, сопровождающее рождение ребенка: «*Вот родился у дьякона сын. Пришел он мужичка просить кумом быть — захотелось это ему попробовать медку. Ребенка окрестили, мужик кумом стал*». В сказках играют важную роль родственные связи, в том числе кумовство. Упоминание об этом встречается даже в сказках о животных: «*Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах*». *Кумовья* рассматриваются как духовные наставники ребенка. Они могут помогать друг другу, а могут, напротив, преследовать корыстные цели, получая друг от друга какую-либо выгоду: «*Приходи, куманек, приходи дорогой! Уж я как тебя угощу!*» В русской народной сказке важная роль отводится *семье* и *родственным узам*, взаимоотношению с близкими людьми: «*Худое житье было старику со старухою. Век они прожили, а детей не нажили, смолоду еще перебивались так-сяк; состарились оба, напиться подать некому, и тужат, и плачут*»; «*Было-жило два брата: один богатый, другой бедный, у бедного — жена да дети, а богатый — один как перст*»; «*Жил-был царь с царицею, детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на погляденье, а под старость на прокормленье*». Сказка учит жить по совести, не гнаться за *богатством*: «*... Пожили с месяц, приелось старухе богатое житье, говорит старику: „Хоть живем мы богато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают!“*», совершать добрые дела по велению сердца, а не для того, чтобы получить за них награду: «*Стал купец помирать (а купчиху-то прежде его на погост свезли) и приказывает: „Дети мои! Живите хорошо — в любви и совете, так, как мы с покойницей жили“*».

Для русского сказочного дискурса характерна краткость, простота и образность выражения мыслей, глубина их содержания, передаваемая через традиционные образы и сюжеты, раскрывающие поведение народа.

Сказка имеет оригинальную композиционную структуру. Ей присущи особые формулы зачина: «*Жили-были*», «*В некотором царстве, в некотором государстве, не в нашем было королевстве. Это будет не сказка, а присказка, а будет сказка завтра после обеда, поевши мягкого хлеба, а еще поедим пирога, да потянем бычка за рога...*», «*Был себе дед да баба, у них было три сына...*», «*Летала сова — веселая голова, вот она летала, летала и села. Хвостиком повертела да по сторонам посмотрела. Это присказка, сказка вся впереди*». В качестве сравнения отметим, что как в русских, так и в английских сказках зачин в большинстве случаев носит неопределенный абстрактный характер: "*Once upon a time...*", "*There was once...*". Однако в английской сказочной традиции часто даются указания на определенное время, на действия с упоминанием исторических и легендарных личностей, что свидетельствует о значительно большей конкретности мышления англичан: "*In the days of the great King Arthur*", "*In the reign of King John*" и т. д. В русских сказках проявляется стремление к необычному и невероятному, сюжет переносится в фантастический мир (*за моря и океаны*, в *страшное подземелье, в тридевятое царство, тридесятое государство*), в английских сказках повествование более реалистично. Часто упоминаются конкретные замки, графства, города: *"in Bamborough Castle*", "*at Dublin*", *"in Yorkshire", "they lived in the little house with the green door and the green shutters, which stands on the hill"* и т. д.; описывается местность и долгий путь героя: "*As he travelled far and he travelled fast, and he travelled east and west, north and south, over hills, and dales, and valleys, and mountains, and woods, and sheepwalks, but never a sign of the missing castle did he see*". Думается, что в сказках проявляется прагматическая сдержанность англичан.

Для повествования русских народных сказок типичны повторы**:** «*далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи продвигается*»; «*долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается*», «*ни в сказке сказать, ни пером описать*»**.** В русских сказках обязательны троекратные повторы. Число «три» — это элемент особого кода, с помощью которого описывается реальный мир [8]. В сказке «Сивка-бурка» Иван трижды ходит к отцу на могилу. По три раза повторяются целые эпизоды. Для английского сказочного дискурса типичны лексические повторы: *"So they fought and fought, and fought", "So she went along, and she went along", "So she sat and thought and thought, and thought"*. Повторяются стихотворные вставки: *"Chinny chin chin", "Cat! Cat! Kill the rat"*.

Кроме того, для произведений такого жанра характерны традиционные фольклорные образы: *береза белая*, олицетворяющая русскую природу, *путь-дорога* — символ простора России и т. д.; постоянные эпитеты: *поля чистые, реки быстрые, леса темные, лук тугой, терем высокий*. Как правило, подробно описывается, женская красота: «*красна девица*», «*она краснее солнца, яснее месяца, очи у нее подобны райскому свету*» или «*бела лебедушка*», «*руки белые, уста сахарные*», «*такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать*», «*такая красавица, какой во всем свете другой нет, на щеках румянец, на устах улыбка, белолица и тонкокожа*», «*такая красавица, что весь свет изъездишь, а лучше ее не сыщешь*». Мужская красота представлена следующим образом: «*полюбились ей кудри черные доброго молодца, очи соколиные, брови соболиные, ухватки богатырские*», «*купеческий сын был собою молодец, статный, рослый, кровь с молоком*». В английском фольклоре тоже достаточно подробно описывается реальная внешность героини, красота ее волос, белизна лица: *"golden hair", "milk-white face", "eyes as green as grass", "eyes like a coal of fire", "lips like cherries", "cheeks red as June", "sweet as a rose", "bonnie lady", "fair lady"* и т. д.

Для русского сказочного дискурса характерны сверхъестественные персонажи: *Змей Горыныч — шестиглавый змей*, *Кощей бессмертный, Баба-яга, костяная нога, «живущая в дремучем лесу, на поляне в избушке»*. При создании образа *Бабы-яги* используются следующие характеристики: «*старая ведьма*», «*ехидная баба*», «*древняя старуха — лицо злющее, волосы длинные, седые*», «*...вот и повадилась к ним в избушку ходить Баба-яга, костяная нога и сосать у красной девицы, купеческой дочери, белые груди*», «*никого она к себе*

не подпускала и ела людей, как цыплят»; «...лежала Баба-яга, в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнулся». Часто встречается образ *нечистой силы*, *у которой «три головы», нечистого духа, «утащившего царицу»*.

Образы чудовищ популярны и в английском сказочном дискурсе. Так, *злой Рыжий Этин* характеризуется соответствующими эпитетами: "*horrible*", "*cruel*", "*fierce*" — ужасный. Например: "*the dreadful, terrible, horrible beast*". Отрицательными персонажами произносятся определенные реплики устрашающего содержания: *"Be he alive or be he dead, I' ll grind his bones to make my bread!", "Fee, fi, fo, fum! I smell the blood of an Englishman!"*. Все *чудовища*, *великаны* английских сказок воплощают представления о насилии и зле, поэтому чем сильнее эти чудовища, чем мрачнее их облик, тем светлее контрастирующий с ними образ положительного героя.

Для русского сказочного дискурса типичны персонажи-животные: *конь добрый богатырский*, *конь сивый-сивогривый; старая кобылушка; котишко-мурлышко, серый лобишко; коза рухленая*; *лисичка-сестричка*, *хитрая обманщица; орел сизый; лебедь-лебедушка; гуси-лебеди*. Взаимоотношения животных напоминают поведение людей, но в сказках — все наоборот, и поэтому сильные и хищные звери терпят поражение, а слабые и беззащитные оказываются победителями. Например, в сказке «Лиса, заяц и петух» все звери пытались помочь зайцу, но лишь слабый петух сумел выгнать лису из заячьего дома.

В английских сказках в роли персонажей тоже выступают животные: курица "*Henny-penny*", петух "*Cocky-locky*", гусь "Goosey-poosey" и др.

В русской сказочной традиции распространены особые формулы завершения повествования: «*Стали жить-поживать и добра наживать, я там был, мед, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало», «Был в те поры у нового полковника большой пир, на том пиру и я был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало, кому подкосили ковшом, а мне решетом», «Был у Иванушки колодец, в колодце рыба ему, а моей сказке конец», «Лутоня наелся донельзя, залез на палатки и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя далее начнется, а теперь пока все», «Вот вам сказка, а мне кринка масла», «С тех пор они стали жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют*». В английской сказке типичны формулы завершения повествования, описывающие счастливый исход событий часто с поучительной моралью, награда за доброту и наказание зла: "*They were quite happy now... As for Red Riding-Hood, she decided always to follow her mother's advice*", *"they are still living happily"*. Или же в качестве примера можно привести конец сказки «Три поросенка»: первые два поросенка едва не погибли из-за своего легкомыслия, а дом третьего был крепкий и надежный ("*Safe little house of bricks*"). Такой дом отражает представления англичан о благополучной жизни ("*My house is my castle*").

При изучении русского сказочного дискурса иностранный учащийся, встречаясь с текстами, в которых представлены концепты чужой культуры, может по-иному интерпретировать информацию из-за другого жизненного опыта и видения мира, а также вследствие нетождественных условий материальной и общественной жизни людей, специфических особенностей их культуры.

Практический опыт преподавания русского как иностранного показывает, что обучаемые с интересом воспринимают сказочный дискурс, который задает новый ракурс восприятия русского культурного пространства. Это происходит через познание свойственной данной лингвокультуре концептуальной фольклорной системы.

Особенно занятия с иностранными студентами творческих специальностей (живописцами, скульпторами, дизайнерами) показывают, что работа над сказками вызывает у них живой отклик, т. к. в их воображении создаются яркие и незабываемые художественные образы, которые затем воплощаются ими в учебных проектах. Элиминирование лакун, встречающихся в сказочных произведениях, может осуществляться посредством сопоставительного анализа с родными фольклорными текстами. Например, при изучении «Красной шапочки» у англоязычных учащихся сразу же появляется аналогия с их родной сказкой "Red Riding-Hood", ссылка на которую помогает преподавателю снять трудности смыслового восприятия данного русского сказочного произведе-

ния. Возможно также и использование лингвострановедческого комментирования, что имеет особую важность для адекватного понимания иноязычного текста. Данный процесс может происходить в несколько этапов: снятие предубеждений, стереотипов по отношению к другому народу, осмысление иной психологии, принятие чужой культуры.

Приведем примеры из собственной практики. При чтении сказки «Мужик и заяц» были выявлены следующие лакуны: «***мужик***» — «*незнакомый человек*», «*бедный необразованный человек, который много пьет*», «*бродяга, который ходит по юртам*»; «***зажить домком***» — «*зажить сытно*», «*начинать беспечную жизнь в собственном доме*»; «***чисто поле***» — «*поле большое и без заборов*», «*грязное место, т. к. на нем ничего нет*», «***амбар***» — «*рынок*», «*место для сена*». В сказке «Золотой топор» трудности вызвали следующие лексические конструкции: «***залиться горькими слезами***» — «*это когда на лице много слез, и все они текут*»; «***ходить по дрова***» — «*ходить по дороге, где растет трава*»; «***заблудиться***» — «*неправильно думать*»; «***утро вечера мудренее***» — «*это когда человек утром превращается в более умного, чем он был раньше*». В сказке «Лиса и журавль» зафиксированы следующие лакуны: «***несолоно хлебавши***» — «*это когда у человека ничего нет*», «***как аукнулось, так и откликнулось***» — «*это когда один человек громко закричал, а второй услышал, у него возникла идея, и он ее высказал*».

На наш взгляд, занятие по русскому языку во взрослой аудитории должно строиться как познание характера, образа жизни, ментальности народа, говорящего на этом языке, что предполагает активизацию возможностей личности и обеспечивает мотивацию учащихся. Данная методика способствует постижению языковой картины мира русского культурного сообщества, ведь, как известно, языковая личность начинается на уровне выявления и установления иерархии смыслов и ценностей картины мира, которая закладывается с детства. С активизацией речевой деятельности человека развивается и языковая личность, это происходит через восприятие изучаемого текста. Поэтому принципиально важным является, как отмечал М. М. Бахтин, выработка принципа «участного мышления» [2: 105], основанного на преодолении замкнутости национальной культуры, на формировании диалогичности понимания. Человек должен знать не только систему иностранной культуры, но и проявлять готовность видеть в чужом то, что нас объединяет, а не разобщает. Такая форма взаимодействия, где каждый ставит себя на место другого человека, требует огромных усилий, чтобы понять и принять его позицию. При этом важно, чтобы чужое мировосприятие не вызывало отторжения, это является условием осуществления трансляции опыта другого народа и ценностей иностранной лингвокультуры.

В практике преподавания русского языка как иностранного необходимо:

1) изучение модели культуры того или иного народа в функциональном плане;

2) развитие обучаемого как личности, т. е. развитие таких способностей, которые играют наиболее важную роль для познания нравственного, морально-этического мировоззрения иноязычной культуры;

3) обучение восприятию жестов, мимики, поведения представителей иноязычной культуры;

4) развитие речевых умений, которыми должны овладеть учащиеся в процессе межкультурного общения [7: 29].

Анализ сказочного дискурса способствует формированию фоновых знаний о русском культурном пространстве, о русских культурных стереотипах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Избр. труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.

3. *Богатырев П. Г.* Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 106–116.

4. *Гачев Г. Д.* О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 80–85.

5. *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.

6. *Осовецкий И. А.* О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 10–17.

7. *Пассов Е. И. и др.* Учитель иностранного языка: Мастерство и личность. М., 1993.

8. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М., 2004.

М. Бансимба

ТРУДНОСТИ И БАРЬЕРЫ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КОНГОЛЕЗСКОЙ АУДИТОРИИ

MARCEL BANSIMBA

THE DIFFICULTIS IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING
WITHIN THE CONGOLESE SPEAKING STUDENTS

Носители языка и тем более люди, которые его изучают в качестве иностранного, относятся к данному языку оценочно. Подобное отношение нередко связывается с типологией языков. Внутренние качества языка увязываются с житейским восприятием его как трудного, легкого, красивого и т. д. Именно так рождаются противоречивые идеи об особенной сложности русского языка. Несмотря на это, мы и даже наши оппоненты уверены, что знание русского языка полезно и открывает дополнительные возможности. Но возникает вопрос: как выучить русский язык и преодолеть его сложность?

Большинство наших учеников считают недоступным русский алфавит в письменном виде, хотя он ближе к французскому письму, чем к китайскому и арабскому. Французский и национальные языки Конго (лингала и китуба) не знают законов редукции гласных в зависимости от места ударения. Редукция гласных *а, о, е, я* ; произношение звуков *ы, х,* не имеющих соответствующих звуков во французском или в наших национальных языках лингала и китуба, пугают учеников, не говоря уж о мягком — *ь* и твёрдом *ъ* знаках. Правда, во всех языках есть качества объективно сложные и простые. Например, французский язык устрашает своими 17 временами (presésent, futur, passé simple, passé composé, passé antérieur, imparfait, plusque-parfait, subjonctif), в то время как элементарные времена русского глагола усложнены категорией вида; кроме этого, фиксированное ударение во французском языке, а в русском неопределенное место ударения. При практическом овладении иностранным языком с фонетикой и фонологией тесно связано письмо. Русское письмо просто и закономерно отражает звуковой состав русского языка (что выгодно отличает его, например, от английского языка) и тем самым облегчает усвоение. Трудности, связанные с ударением, облегчаются расстановкой на определенных этапах усвоения языка знаков ударения, что по мере научения проясняет систему русских акцентуационных парадигм. Близость произношения и письма в русском языке отличается от произношения в английском языке, который наши ученики изучают с двенадцатилетнего возраста.

Русское склонение также пугает ученика, но эта трудность как бы компенсируется отсутствием артикля, имеющегося во французском языке.

Марсель Бансимба

Кандидат филологических наук, инспектор русского языка министерства начального образования Конго
► congapryal@yahoo.fr

Исследователи считают, что все языки с позиции постороннего наблюдателя одинаково сложны или одинаково просты. В речевой практике их оценивают исходя из своего родного языка: чем язык ближе к родному, тем он как бы легче, чем дальше — тем труднее. Однако и эту формулу можно считать относительной.

Практика показывает, что в процессе обучения важнейшую роль играет в большей степени субъект изучающий, нежели изучаемый объект. Этим мы не хотим сказать, что изучать русский язык — легкое дело. В его освоении нужны сознательные волевые усилия, нужна убедительная мотивация.

Ученики легче запоминают слова с минимальным количеством слогов типа *стол, стул, сад, брат*, чем их производные — *столик, столовая, садовый, садовник, братство* и т. д. Лексемы конкретного значения (*голова, глаз, рука* и т. д.) проще, чем лексемы с абстрактным значением (*состояние, развитие, самочувствие*). Всё это, к сожалению, создаёт среди учащихся и особенно их родителей миф о трудностях русского языка. Именно поэтому в начале каждого учебного года многие конголезцы заставляют своих детей выбирать не русский, а другой язык как второй иностранный.

Русский язык характеризуется различием твёрдых и мягких согласных фонем. Эта особенность затруднительна для представителей говорящих на французском или других африканских языках, где подобного противопоставления нет (ср.: *день, дядя, пре*подаватель).

Русский язык, в отличие от многих индоевропейских, сохранил в области грамматики многие характерные особенности, в частности склонение имён. Эта грамматическая категория вызывает большие затруднения в обучении русскому языку. Особые трудности испытывают ученики при изучении родительного, дательного, творительного и предложного падежей, а также склонения одушевленных и неодушевленных существительных в винительном падеже. (Ср.: *Я вижу завод*, *заводы*; но: *Я вижу друга*, *друзей*; Род. пад.: *Нет завода*, *нет заводов*, *нет друга*, *нет друзей*.) Нередко ученики задают вопросы: почему?, как?, когда?, встречая предложения: *Я не вижу клея*; *Я жду письма*, и приходится долго объяснять. Ещё сложнее склонение прилагательных.

Много новообразований содержится в формах русского глагола, в частности видовых, изучение вида глагола воспринимается с большой трудностью. Трудность состоит не только в том, что подобная грамматическая категория отсутствует в наших языках, но и в том, что видовые пары в русском языке могут образовываться несколькими способами: 1) приставочный (*читать — прочитать*, *делать — сделать*); 2) суффиксальный (*изучать — изучить*, *покупать — купить*, *забывать — забыть*). В отдельных случаях видовая пара состоит из слов, имеющих разные корни: *говорить — сказать*, *брать — взять, искать — найти* и т. д. Многие глаголы имеют значение как совершенного, так и несовершенного вида, это так называемые двувидовые глаголы. К числу двувидовых относятся многие глаголы на *-овать*: *исследовать, использовать*, а также *ранить*, *женить*, *велеть* и т. д. Трудность состоит в перестройке стереотипов языкового мышления, в выработке устойчивого навыка реагировать на соответствующую ситуацию формой русского совершенного или несовершенного вида, в отличие от родного лингала и китуба или официального французского языка, где для этого случая есть другие формы или единицы других языковых уровней.

Подготовка учащихся к общению предполагает учёт при организации процесса обучения возможных коммуникативных барьеров. К ним исследователи относят:

а) отсутствие или искажение мотивации общения (чем сильнее мотивация, тем большую потребность в речевой деятельности она вызывает. От силы мотивации зависит активность учащегося, его способность к творческим действиям). При этом речь идёт о так называемых ближних мотивах — способности и потребности действовать на языке в данный момент при решении конкретной речевой задачи, в отличие от так называемых дальних мотивов — способности к выполнению данного вида деятельности в целом, а также в отличие от широко понимаемой мотивации учения;

б) отсутствие или недостаточность средств, необходимых для реализации процесса общения (методисты квалифицируют это как проблему речевого дефицита). Когда говорящий владеет изучаемым иностранным языком в недостаточной мере (в процессе овладения

языком весьма частый случай), не знает какого-то явления, не умеет применить его в данной ситуации, не решается употребить, боясь ошибиться, и т. д., возможно создание текстов с применением элементов родного языка. Например, вставка слов, словоформ, отклонения в употреблении близких по звучанию и значению слов. Например: *Я иду на матангу* (вместо *на траурный сбор*); *Я опоздал, потому что на улице много эмбутеяж* (вместо *пробки*); *Я хочу шарже телефон* (вместо *я хочу зарядить телефон*); *Я очень шарже* (*Я очень занят*); *Дайте мне ключ (*вместо *флешку*); *У меня композисионы* (т. е. *у меня письменный экзамен*);

в) определенные индивидуальные психологические характеристики партнёров по общению;

г) неблагоприятная социально-психологическая ситуация общения и т. д. Здесь можно говорить о субъективном сознательном чувстве страха и напряжения в ходе общения. Методисты и психологи квалифицируют это как коммуникативную боязнь.

Традиционным источником ошибок в русской речи конголезских учащихся является отрицательное воздействие явлений французского и родного языков или интерференция. Типичной ошибкой оказывается неправильное употребление местоимения *свой*, *его*, *их* (*На полу лежит своя собака; Тот парень говорит, что потерял его ручку и Тот парень говорит, что потерял свою ручку*).

Одной из трудностей, которая препятствует эффективному овладению русским языком конголезскими учащимися, является расхождение в языковом мышлении, что находит выражение в ощущении «избыточности» или «недостаточности» в формах выражения одного и того же понятия, одной и той же мысли. Картина мира, отражённая в языке, может не совпадать у разных народов. Это проявляется в лексике, в грамматике и т. д. Например, в языке лингала отношение к потоку времени запечатлено следующим образом:

Слово «*lobi*» одновременно означает *вчера, прошлое и завтра, будущее*, и лишь контекст, а точнее, время глагола позволяет определить точное его значение.

В предложении «*Lobi to zalaki na mboka*» (*Вчера мы были в деревне*) глагол «*kozala*» (быть, находиться) стоит в прошедшем времени, а поэтому слово «*lobi*» следует перевести как *вчера*. В предложении «*Lobi to ko kende na mboka*» (*Завтра мы поедем в деревню*) — глагол *ko kende* (*идти, ехать*) стоит в будущем времени. Следовательно, слово «*lobi*» понимается как *завтра*. Это приводит к тому, что значение слова «*lobi*» можно определить лишь с опорой на более широкий контекст, который включает знание о ситуации и конкретных обстоятельствах. Ср.: «*Na bosani likambo ya lobi*». В связи с тем что в этом предложении глагол *ko bosana* (*забывать, забыть*) стоит в настоящем времени, данное предложение имеет два понимания: 1) *Я не помню вчерашнее задание* и 2) *Я не помню завтрашнее задание*.

Например, предложение «*Oyo mosala ya lobi*» — двусмысленно. (*Это вчерашняя или завтрашняя работа.*) Двусмысленность слова «*lobi*» заключается в том, что время, имея два направления течения (слева направо и справа налево), движется из прошлого в будущее и из будущего в прошлое. Оно, таким образом, остаётся трудноуловимым понятием. Однако тот факт, что прошлое и будущее могут выражаться в языке лингала одной лексемой «*lobi*», не означает, что эти части времени равны или тождественны. В русском языке это выражается разными лексемами «вчера», «завтра». «Вчера» — это неповторимое мгновение, которое невозможно пережить вторично.

Многие трудности, с которыми мы сталкиваемся, связаны с неблагоприятными социально-экономическими условиями. Большинство классов переполнены — по 150 и больше учеников. Во многих лицеях остро ощущается нехватка учебников и других дидактических материалов. Нехватка национальных кадров — преподавателей русского языка, число которых сокращается по разным причинам. Преподаватели, окончившие учёбу в советских и российских вузах много лет назад, остро нуждаются в переквалификации, поэтому организация таких мероприятий, как «Неделя русского языка», проводимая МАПРЯЛ, нам необходима.

Преподаватели из глубинки (из далеко удаленных департаментов Конго) чаще работают только с рукописными текстами из-за недостаточного технического обеспечения.

Экзамен по русскому языку как первому иностранному на бакалавриате должен, по указаниям Министерства образования, соответствовать семилетнему обучению, (т. е. должен быть довольно сложным), в то время как русский язык изучается в Конго только три года. Сложные вопросы пугают и обескураживают кандидатов, и в конечном счёте это приводит к резкому сокращению числа изучающих русский язык.

Таким образом, преподавание русского языка как иностранного в конголезской аудитории встречает много проблем. Их решение требует немалых усилий со стороны нашего руководства, методистов и преподавателей.

Г. С. Шатохина

РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ДЕТЕЙ В ЯПОНИИ

HANNA S. SHATOKHINA
RUSSIAN LANGUAGE FOR CHILDREN IN JAPAN

Недавно получила письмо от своего бывшего студента, ученого-химика, который рассказал, что недавно похоронил свою учительницу русского языка (она умерла в 93 года). Во время похорон он произнес прощальную речь по-русски, за что сын покойной, который не знает родного языка своей мамы, был ему очень благодарен. Светлая память человеку, который столько лет обучал японцев русскому языку!

Грустная история! Но, к сожалению, она достаточно типична. Порой японцы знают русский язык лучше, чем дети русскоговорящих родителей! Но есть родители, которые заинтересованы в том, чтобы ребенок знал их родной язык.

Согласно статистическим данным японского правительства от 19 августа 2011 года, в Японии проживает 2 134 151 иностранец, в том числе 7814 россиян (0,4% от всего количества иностранных граждан, проживающих в Японии[1]) (см. подробнее: http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/List.do?lid=000001074828). Женщин, граждан Российской Федерации, насчитывается 5423 человека, а мужчин — 2391 (69,4и 30,6% от общего количества россиян соответственно).

Среди всех проживающих в Японии россиян детей[2] — 1043 человека (13,3%), среди них 545 девочек и 498 мальчиков (10,0и 21,0% от общего количества лиц каждого пола соответственно).

Ганна Станиславовна Шатохина

Кандидат филологических наук,
преподаватель русского языка
в МИД Японии
► familykikyo@yahoo.com

В одном из самых крупных регионов Японии Канто, который объединяет 7 префектур (Гумма, Ибараки, Канагава, Сайтама, Тиба, Тотиги и Токио), проживает 4063 гражданина РФ, что составляет 52,0% от всех проживающих в Японии россиян.

Пройти анонимное анкетирование было предложено следующим категориям граждан: участникам круглого стола «Как нашим детям применить русский язык в Японии, и для чего нужно тестирование по русскому языку» (см. раздел «Последние новости МАПРЯЛ» от 13.12.2011 на http://www.mapryal.org), посетителям сайта «Russian event in Japan» (http://rus-jp.com), участникам форума «Клуб русскоговорящих мам в Японии» (http://yaponomamajp.com/forum/), родителям детей, посещающих среднюю общеобразовательную школу при Посольстве России в Японии (экстернат) (http://www.russchool.jp/hp/index.html).

Не только для граждан РФ, но и для многих граждан ныне независимых государств постсоветского пространства русский язык является родным[3]. И именно на нем многие из них общаются со своими детьми[4].

В анкетировании приняли участие родители в возрасте от 20 до 60 лет и старше. Большинство мам относятся к возрастной категории 30–40 лет (58% от общего числа мам), а папы — к категории 40–50 лет (53,4% от общего числа пап). По-русски в семье говорят преимущественно мамы, реже —

оба родителя и в меньшей степени папы (60,0, 30,0 и 4,0% соответственно). Русскоговорящие родители предпочитают общаться со своим ребенком на русском языке, но есть и те, кто использует два языка (русский + японский, украинский или английский) (71,2, 26,0 и по 1,4% от общего числа родителей соответственно).

Мы получили данные о 73 детях-билингвах, для которых русский и японский языки являются в равной степени родными. Среди них 44 девочки и 29 мальчиков (60,0 и 40,0% от общего числа опрошенных детей). Наиболее многочисленные возрастные группы составили дети 2 и 7 лет (15,1 и 13,7% соответственно), а также дети 4 и 5 лет и 6 и 9 лет (11,0 и 10,0% соответственно).

Большинство детей в настоящий момент имеет гражданство и Японии, и России (53,4%). При тестировании детей по русскому языку как иностранному (ТРКИ) необходимо учитывать этот фактор, так как к такому тестированию допускаются только иностранные граждане.

Большинство опрошенных детей (86,3%) имеет возможность бывать в России и лишь 14,0% пока такой возможности не имели.

Родители хотели бы, чтобы их ребенок использовал русский язык для общения с русскоязычными родственниками и носителями русского языка, в профессиональной деятельности (30,0, 36,0 и34,4% от общего числа ответов соответственно).

В ходе круглого стола «Как нашим детям применить русский язык в Японии, и для чего нужно тестирование по русскому языку» (см. выше) родителей познакомили с теми японскими фирмами и организациями, сотрудники которых должны знать язык ближайшего соседа[5]: МИД Японииии и другие министерства страны; японские Силы самообороны; таможня и миграционный контроль; полиция; крупные торговые компании Mitsubishi, MITSUI, ITOCHU, Sumitomo, Marubeni, ToyotaTsusho, Sojitz[6]; туристические фирмы, работающие с Россией, Euras Tours (http://www.euras.co.jp), ROSSIA RYOKOSHA (http://www.russia.co.jp), JIC Travel Center (http://www.jic-web.co.jp/russia/index.html), Intourist Japan (http://www.intourist-jpn.co.jp), PROCO AIR SERVICE INC (http://www.proco-air.co.jp/); профессиональные переводчики (Японская Ассоциация переводчиков-русистов, отделение в Токио http://www.h6.dion.ne.jp/~apr/).

В настоящее время достаточно широко сотрудничество Японии с Россией в сфере науки, спорта и культуры. Всех сфер, где может пригодиться русский язык, просто не перечислить.

Современные русскоязычные родители предпочитают сами заниматься со своими детьми, кто-то выбирает занятия в экстернате в школе при посольстве РФ, некоторые дети посещают занятия в частной школе или занимаются с преподавателем индивидуально, и весьма редко ребенок занимается самостоятельно (61,1, 18,0, 11,8, 7,1 и 2,4% от общего количества ответов соответственно). В настоящее время только 10 детей (14,0% от общего количества опрошенных) не занимаются русским языком: 2, 4, 5 и 7 лет (по 2 человека); 3 и 16 лет (по 1 человеку).

Приведем перечень детских учебных центров региона Канто, где преподают русский язык:

клуб детского развития «Ладушки» http://www.ladushki.jp (Лада Викторовна Крыс)[7]; школа русского языка, литературы и искусств «Лингвадар» http://www.linguadar.com, http://linguadar.ru (Елена Юрьевна Корээда); детский развивающий центр «Радуга» http://radugatokyo.web.fc2.com/index.html (Жанна Юрьевна Такахаши); детская русская студия «Родничок» (руководитель Мария Юрьевна Карасава)[8]; альтернативная русская школа «Росинка» http://rosinkajp.com (Мария Владимировна Кураока); школа русского языка для детей «Умка» http://www.umka-russian.com (Анна Юрьевна Ариоси); учебный центр «BilinguaClass» (Стелла Валериановна Сивакова); курс русского языка как иностранного в YummyEnglishSchool (Светлана Игоревна Тсуджимото); подворье Русской Православной Церкви (http://www.sam.hi-ho.ne.jp/podvorie) проводит занятия с детьми в Воскресной Школе; класс при православном соборе Воскресения Христова (TokyoFukkatsuDaiseido, или Nikolai-do), занятия в котором проводятся после воскресной литургии.

Этим возможности изучения русского языка не исчерпываются. В нашем регионе можно заниматься русским языком в различных японских учебных заведениях. Перечислим их.

I. Старшие школы (10–12 классы)[9]: частная мужская гимназия Waseda Daigaku Koutougakuin (Waseda University Senior High School)[10] http://www.waseda.jp/gakuin/index-j.html; частная Kanto Kokusai Koutou Gakkou (Kanto International Senior high School) http://www.kantokokusai.ac.jp/school/curriculum_russian.php; государственная Toritsu Kitazono Koukou (Tokyo Metropolitan Kitazono High School)http://www.kitazono-h.metro.tokyo.jp/.

II. Вузы, где русский язык является языком специальности[11]: кафедра славянских языков Токийского государственного университета (UNIVERSITYOFTOKYO) http://www.u-tokyo.ac.jp/index_e.html; русское отделение

Токийского государственного университета иностранных языков (TOKYOUNIVERSITYOFFOREIGNSTUDIES) http://www.tufs.ac.jp/english/; кафедра русского языка университета Васеда (WASEDAUNIVERSITY) http://www.waseda.jp/top/index-e.html; кафедра русского языка университета София (SOPHIAUNIVERSITY) http://www.sophia.ac.jp/eng/e_top; кафедра русского языка университета Сока (SOKAUNIVERSITY) http://www.soka.ac.jp/en/index.html.

III. Многочисленные вузы региона Канто, где русский язык является факультативным (вторым или третьим) иностранным языком.

Среди них государственные: (Ochanomizu University) http://www.ocha.ac.jp/index-e.html; (Hitotsubashi University) http://www.hit-u.ac.jp/index-e.html; (University of Tsukuba) http://www.tsukuba.ac.jp/english; (Chiba University) http://www.chiba-u.ac.jp/e.

Частные университеты: (Keio University) http://www.keio.ac.jp/index-en.html; (International Christian University) http://www.icu.ac.jp/index_e.html; (Meiji University) http://www.meiji.ac.jp/cip/english/; (Aoyama Gakuin University) http://www.aoyama.ac.jp/en/; (Chuo University) http://www2.chuo-u.ac.jp/global/; (Nihon University) http://www.nihon-u.ac.jp/en/; (Tokai University) http://www.u-tokai.ac.jp/international/index.html; (HoseiUnivesity) http://www.hosei.ac.jp/english/; (Komazawa University)http://www.komazawa-u.ac.jp/cms/english/; (J. F. Oberlin University) http://211.15.48.41/en/index.html; (Dokkyo University) http://www.dokkyo.ac.jp/english/index_e.html; (Kanagawa University) http://www.kanagawa-u.ac.jp/english/.

IV. Языковые школы[12]: Токийский институт русского языка (очное, вечернее и заочное обучение)[13] http://www.tokyorus.ac.jp; DAIGAKUSHYORIN KOKUSAI ACADEMY (DAIGAKUSHY ORIN International Language Academy) http://www.dila.co.jp/top.html.

V. Курсы русского языка (в группах и индивидуально): в обществе «Япония-Страны Евразии»: отделение в Токио http://www.kt.rim.or.jp/~jes/; отделение Канагава http://www.geocities.jp/eurask/ http://www.rosiago.org/index.html); в Обществе японо-российских связей http://www.nichiro.org; в обществе Япония-Россия http://www.nichiro-kyokai.jp; в Центре международных дружеских обменов http://www.jic-web.co.jp.

Возможностей много, но, к сожалению, не все родители (по разным причинам) могут ими воспользоваться, поэтому-то многие и выбирают другие пути обучения своего ребенка русскому языку. Например, дети смотрят мультфильмы и фильмы на русском языке[14].

К сожалению, не у всех есть возможность просмотра российского ТВ (36,0%). Кто-то сознательно не смотрит его сам и не показывает детям (4,1%). Некоторые дети не хотят смотреть российское телевидение (10,0%). Родители же 37 детей (50,0%) используют и этот способ обучения русскому языку.

Русскоязычные дети слушают, как им читают взрослые, русские песни, аудиозаписи произведений русской художественной литературы, российские радиоканалы (39,0, 27,3, 18,2 и 16,0% от общего числа ответов соответственно). Только у 9,0% всех опрошенных детей нет желания слушать всё перечисленное выше, хотя родители предоставляют им такую возможность.

Большинство русскоязычных детей, проживающих в Японии (88,0%), имеет возможность общения по-русски вне семьи, лишь у 12,3% ее нет.

С учетом возрастных особенностей, согласно родительской оценке, дети владеют русским языком следующим образом: свободно (71,4%)[15], понимают, но не говорят (10,0%), говорят, но не умеют читать и писать (4,1%), имеют иные навыки (14,0%), например:

1. «Понимает только на бытовом уровне, говорит достаточно лаконично, иногда с трудом выражает свою мысль. Не читает, не пишет, буквы путает с английскими» (5 лет).
2. «Относительно свободно, но хуже, чем сверстники, проживающие в РФ» (6 лет).
3. «Понимает, читает, пишет, но говорит несвободно» (7 лет).
4. «Не свободно понимает и говорит» (9, 10 лет).
5. «Недостаточный словарный запас, с трудом подбирает слова» (10 лет).
6. «Говорит со вставками японских слов, читает, пишет только печатными буквами, с ошибками, но знает некоторые правила правописания» (11 лет).
7. «Владеет русским языком, но не свободно» (14 лет).
8. «Не хватает лексики для выражения своих мыслей по-русски, читает медленно, путает русские буквы с английскими» (16 лет).

45,2% опрошенных детей владеют иностранным языком (английским, португальским, испанским, украинским (соответственно 82,0, 9,1, 6,1 и 3,0% от 33 — общего количества ответов), и 55,0% — не владеют никакими иностранными языками[16].

Большинство родителей не знает о существовании ТРКИ или имеет поверхностное представление об этом, и лишь немногие хорошо знакомы с данной системой тестирования (50,7, 41,1 и 8,2% соответственно). Радует тот факт, что большинство родителей хотели бы, чтобы их ребенок прошел тестирование по русскому языку как иностранному (87,7%), и только 12,3% не выразили подобного желания.

Сертификат ТРКИ уже сейчас может принести ребенку дополнительные баллы при поступлении в японскую частную среднюю или старшую школу, где к документам прилагаются многочисленные сертификаты, демонстрирующие его достижения (победы в спортивных соревнованиях, на конкурсах, уровневые сертификаты по иностранным языками т. п.). В будущем же ТРКИ (I и II уровни) откроет ребенку, гражданину Японии, двери в российские вузы, захочет ли он учится уже на бакалавриате или, после окончания японского университета, в магистратуре или аспирантуре.

На вопрос: «*Как вы думаете, хотел бы ваш ребенок пройти ТРКИ, чтобы определить свой уровень владения русским языком?*» 46,6% респондентов ответили *да*, 30,1% — *нет* и 23,3% — *не знаю*.

Полученные нами данные говорят о том, что современные русскоязычные родители, живущие в Японии, стараются, чтобы дети знали их родной язык[17]. Тестирование детей по русскому языку может стать для них одним из стимулов не опускать руки, хотя тяжело заставить себя заниматься русским языком с собственным ребенком. А заставить ребенка делать это порой ещё сложнее, особенно когда японские друзья зовут его гулять, когда рядом компьютерная игра, телевизор и др. Родителям жаль своего малыша, у которого и без русского языка большая нагрузка (кружки, секции, английский язык, дополнительные занятия в дзюку[18]).

В настоящее время Японская ассоциация культурных связей с зарубежными странами (см.: http://www.taibunkyo.com/kentei/kentei.htm), ответственный организатор ТРКИ в Японии, ведет переговоры с Центром тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку (ИРЯК СПбГУ) о проведении тестирования детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В это количество входят и постоянно проживающие в Японии граждане РФ (дети и взрослые), и те, кто приехал на работу или учебу.

[2] В Японии, в отличие от РФ, совершеннолетие наступает в 20 лет. Под возрастную категорию «дети» попадают лица от 0 до 19 лет.

[3] Об изменениях в русском языке русскоязычной диаспоры в Японии см. подробнее: *Казакевич Маргарита*. Русский язык в диаспоре // Матер. конф. АЯР, Кумамото, 6–7 нояб. 2010 года. Токио, JASRLL 2010. С. 19.

[4] На это в своих работах указывает и преподаватель японского университета Сока С. В. Сивакова (см.: *Сивакова С. В.* 1) Проблемы обучения русскому языку детей-билингвов и детей-мигрантов в Японии // Русский язык за рубежом. 2009. № 6; 2) Факторы, влияющие на сохранение и/или потерю естественного билингвизма русско-японскими детьми в Японии // Бюллетень Японской ассоциации русистов. 2010. № 42 С. 27–31).

[5] Кроме того, Россия, наряду с Бразилией, Индией, Китаем и Южно-Африканской Республикой, входит в пятерку быстро развивающихся стран (BRICS), что делает ее привлекательной для японских деловых кругов.

[6] Только в японский бизнес-клуб Санкт-Петербурга входит 45 компаний. Здесь работает около 50 компаний с японским капиталом (см. подробнее журнал «Консул», № 1 (24) за 2011 год. С. 12–15.).

[7] В скобках указаны Ф. И. О. руководителя детского учебного центра.

[8] Данная школа территориально не относится к региону Канто, т. к. расположена в городе Ниигата (префектура Ниигата), но активно с нами сотрудничает.

[9] Сайты первых двух школ на японском и английском языках, третьей — только на японском.

[10] В скобках указано английское название учебного заведения.

[11] Сайты вузов на английском языке.

[12] Сайты языковых школ и курсов русского языка на японском языке.

[13] В этом институте 2 раза в год (весной и осенью) проводится тестирование по русскому языку. Сертификаты этого института в Японии признаются. Эта система тестирования отличается от ТРКИ.

[14] Те иностранные фильмы или мультфильмы, которые в Японии еще только выйдут в прокат, уже можно посмотреть в русском переводе. Один из способов мотивации!

[15] В скобках указано относительное количество ответов (процент от 73).

[16] Иностранный язык (английский) является одним из обязательных учебных предметов, начиная со средней школы (7–9 классы российской школы).

[17] Проблемы освоения и сохранения русского языка, возникающие у русскоязычных детей, живущих в Японии, освещаются в работах О. С. Басовой (см.: *Басова О.* 1) Mondaikakaeru Russia-no gakkoukyoiku // Japan-Eurasia Society, № 1395. Токио, 2010 (на японском языке); 2) Heritage Language Education of Russian Immigrant Children in Japan // Матер. конф. The 70th Annual Conference of Japanese Educational Research Association. 26 августа 2011 года. Токио, 2011 (на английском языке). 3) Nihon-niokeruimin-no bogokeishoukyouiku-no kenkyu Russia shushin-no kodomo-wozeinin: Дис. магистра искусств. Ун-т Хитоцубаси. Токио, 2011 (на японском языке).

[18] Репетиторская школа, где занимаются дети от 6 до 19 лет.

ВЛАДИМИР

Владимир — город на холмах

Город Владимир расположен на левом берегу реки Клязьмы, в центре европейской части нашей страны, в 180 км. к северо-востоку от Москвы. Железные и шоссейные дороги связывают его с Москвой и другими крупными промышленными и культурными центрами страны. Рельеф Владимира сложный, ландшафтное окружение города очень живописное.

Современный Владимир — крупный промышленный и научный центр. В городе свыше 50 промышленных предприятий. Ведущие отрасли промышленности — машиностроение (ПО «Владимирский тракторный завод», «Точмаш», «Автоприбор»), химическая, легкая, пищевая. Владимир — популярный туристический центр на маршруте «Золотое кольцо России».

Страницы истории

На месте современного Владимира и его окрестностей люди поселились еще в I в. н. э. В районе Успенского собора в начале нашей эры был поселок, основанный финно-угорским племенем. Славяне появились в этих местах только в X–XI вв., сюда пришли смоленские кривичи и новгородские словены. В Южной (Киевской) Руси ее отдаленную северную вотчину называли *Залесский край*, который был богат рыбой, пушным зверем, имел плодородные почвы.

Год основания Владимира точно не известен. В Ипатьевской летописи говорится, что этот город основал в 990 году великий киевский князь Владимир Красное Солнышко. В советский период считали, что Владимир основал в 1108 году не святой князь Владимир, а другой князь — Владимир Мономах, однако работы археологов свидетельствуют, что в XI веке этот город был торговым центром.

Развитие Владимира и всей Владимирской земли уже на первом этапе было связано с князьями: Владимиром Красное Солнышко, Владимиром Мономахом, его сыном Юрием

Долгоруким и внуком Андреем Юрьевичем Боголюбским.

При Мономахе город достигает внушительных размеров — свыше 36 га, а при Андрее Боголюбском город переживает небывалый расцвет, становясь столицей Руси. Начинается интенсивное расширение и укрепление города. Были возведены новые оборонительные сооружения, городской каменный храм Успения Богородицы и деревянные жилые постройки горожан.

В конце XII — начале XIII века складывается школа белокаменного зодчества, оставившая памятники удивительной красоты и величия.

После смерти Всеволода III в 1212 году Владимирская земля была разделена между его многочисленными сыновьями на мелкие уделы. Однако политическое значение Владимира для Северо-Восточной Руси по-прежнему оставалось весомым. Он продолжал считаться столицей Владимирского княжества, а князья продолжали оспаривать титул «великого».

С усилением Москвы Владимир постепенно переходит в разряд рядовых русских городов. Активные действия Ивана III по объединению Руси и связанные с этим военные мероприятия заставили правительство обратить внимание на Владимир как на важный форпост на подступах к юго-восточным рубежам Московского княжества: он превращается в довольно сильную крепость.

Долгие годы военного лихолетья привели город в упадок. Резко сократилось число его жителей. В начале XVIII века Владимир уже не числился в списке русских крепостей, а был за Московской губернией. В 1719 году, когда из Московской губернии было образовано 9 провинций, Владимир, став центром одной из них, обзаводится различными учреждениями, оживляется строительное дело. В 1786 году в городе было открыто первое дворянское учебное заведение с 4 учителями, преобразованное в 1804 году в гимназию, также развивалось театральное искусство.

Владимир — родина многих выдающихся деятелей русской науки и культуры. Среди них журналист и писатель, редактор известного журнала «Вестник Европы» Панкратий Платонович Сумароков (1765–1814), писатель-народник Николай Николаевич Златовратский (1845–1911), адмирал и ученый-путешественник, открывший Антарктику, Михаил Петрович Лазарев (1788–1851), ученый-географ и генерал, герой русско-турецкой войны 1877–1912 гг. Николай Григорьевич Столетов (1834–1912) и его брат, известный ученый-физик Александр Григорьевич Столетов (1839–1896), крупный философ и адвокат с прогрессивными взглядами Владимир Иванович Танеев (1840–1921) и его брат, выдающийся музыкальный деятель Сергей Иванович Танеев (1856–1915).

Хотя в XIX веке Владимирская губерния была развитой в промышленном отношении, губернский центр оставался небольшим, тихим, ничем особо не выделявшимся дворянско-чиновничьим и мещанским городом.

Владимир и его архитектура

В городе расположено свыше 100 памятников архитектуры, которые находятся под государственной охраной. Особое место занимают памятники белокаменной архитектуры, украшенные великолепной резьбой. Церковь Покрова на Нерли, Успенский и Дмитриевский соборы давно снискали себе всемирную славу и составляют особую гордость Владимирской земли. Многие памятники сохранили замечательные росписи, относящиеся к разным эпохам. Сокровищами мирового значения являются фрески Андрея Рублева в Успенском соборе.

Остановимся лишь на самых интересных страницах архитектурной летописи города.

Золотые ворота (1164) были парадным въездом в город (то есть своего рода триумфальной аркой) и значимой частью крепостной оборонительной системы (толщина стен Золотых ворот была 5–6 м). Владимирские князья хотели иметь Золотые ворота, как в Киеве и византийском Константинополе, тяжелые дубовые створы врат были обшиты золочеными медными листами, похожими на золотые. На втором ярусе ворот была устроена церковь Положения риз Богородицы, которая в первоначальном белокаменном виде не сохранилась.

В давние времена у Золотых ворот, аркисимвола гостеприимства Владимира, встречали именитых гостей и полки, возвращавшиеся из походов на врага.

В истории Золотых ворот есть курьезные случаи. Например, в 1767 году в проезде этих ворот застряла роскошная карета императрицы Екатерины II. Чтобы подобного не повторялось, примыкавшие к воротам оборонительные валы частично отрыли, давая возможность для удобного объезда ворот с обеих сторон.

До нашего времени рядом с Золотыми воротами сохранился небольшой участок валов времен князя Андрея Боголюбского. Рядом с остатками валов, в бывшей водонапорной башне (1912 года), находится **музей «Старый Владимир»,** с его смотровой площадки открывается красивый вид на город.

Собор во имя Успения Пресвятой Богородицы (Успенский собор) имеет духовно-религиозную, историческую и архитектурно-художественную ценность. Как и другие белокаменные храмы Владимира, построенные при князе Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо (XII — начало XIII в.), он принадлежат к памятникам архитектуры мирового значения.

Успенский собор был заложен по указу князя Андрея Боголюбского в 1158 году Собор построили из белого камня, привезенного на судах из волжской Булгарии. Строился собор с большим размахом: его центральная глава по желанию Андрея Боголюбского стала выше киевской Софии и новгородской Софии, двух выдающихся соборов Южной и Северо-Восточной Руси.

В 1299 году, когда митрополит Максим перенес митрополичью кафедру из Киева во Владимир, Успенский собор стал первопрестольным, то есть главным храмом русской церкви, а чудотворная икона Владимирской Богоматери — ее главной святыней.

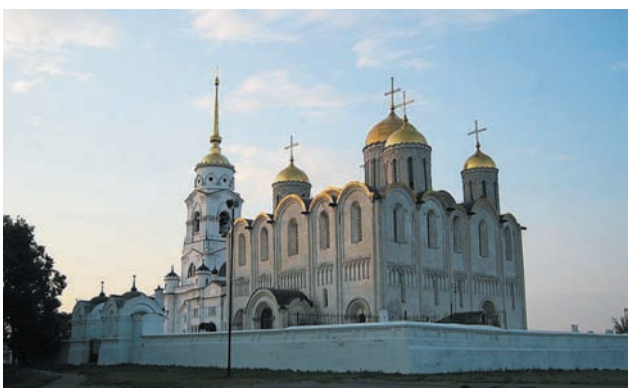
У алтаря собора возводились на княжение легендарные полководцы Александр Невский, Дмитрий Донской, другие владимирские и московские князья до Ивана III. В Успенском соборе более восьми столетий назад были составлены первые владимирские летописи, ставшие основой всего северо-русского летописания.

Архитектурный облик Успенского собора определил развитие зодчества Северо-Восточной Руси на несколько столетий вперед, стал основой для более поздних московских построек.

Когда в XV веке известный итальянский архитектор Аристотель Фиораванти приступил к созданию проекта и строительству Успенского собора Московского Кремля, то он вначале приехал во Владимир и тщательно изучал владимирский Успенский собор. Затем по подобию владимирского Успенского собора был построен одноименный собор в Московском Кремле.

Судьба Успенского собора оказалась славной, но трудной.

Собор, построенный (1158–1160) при князе Андрее Боголюбском, жестоко пострадал от пожара в 1185 году; тогда соборный храм фактически полностью сгорел, а чудотворная Владимирская икона от пламени не пострадала, но строители, восстанавливавшие обгоревший собор, были вынуждены возвести вокруг него новые стены, связать их арками со стенами старого собора, который как бы оказался в своеобразном «футляре».



После пожара 1185 года при князе Всеволоде Большое Гнездо собор расширили (1185–1189), окружили галереями, по углам которых поставили четыре главы; тогда его вместимость увеличилась с 2 до 4 тысяч человек.

Большой урон собору нанесли ордынцы, которые в 1238 году взяли Владимир штурмом, расхитили богатства и реликвии и подожгли Успенский собор, в котором укрылись многие владимирцы. В конце XIII века собор в основном восстановили, но в 1410 году ворвавшийся с отрядом во Владимир ордынский царевич Талыч разграбил Успенский собор, но главные церковные ценности и реликвии успели спрятать в тайнике. В 1536 году Успенский собор снова сильно пострадал от пожара, снова его все вместе восстанавливали на пожертвования князей, купцов и простых людей.

В настоящее время Успенский собор находится в совместном ведении РПЦ и Владимиро-Суздальского музея-заповедника, является главным кафедральным собором Владимирской епархии. В храме проводятся регулярные службы, в остальное время он открыт как музейная экспозиция. Успенский собор включен в объект Всемирного наследия ЮНЕСКО «Белокаменные памятники Владимира и Суздаля».

Собор во имя Дмитрия Солунского (Дмитриевский собор) (1194–1197) построил как дворцовый храм князь Всеволод Большое Гнездо в честь его небесного покровителя Дмитрия Солунского и по случаю рождения (1194) сына Дмитрия. Верхний ярус этого белокаменного храма снаружи покрыт резными изображениями (1500 резных камней). Внутри храма сохранилась часть росписей XII века. Первоначально храм отличался от того, что сохранилось до наших дней; галереи и резные лестничные башни разобрали в 1838 году.

Дмитриевский белокаменный собор относится к шедеврам древнерусского зодчества, по его подобию создавали храмы в других русских городах (в Суздале — Рождественский собор, в Юрьев-Польском — Георгиевский собор и др.). В 1783 году в храме был похоронен владимирский наместник граф Р. И. Воронцов, сохранилось скульптурное надгробие над его могилой, установленное потомками графа в первой половине XIX века. Собор действовал до февраля 1919 года, затем его передали музею.

Важно заметить, что собор в качестве музея в последние годы XX века был закрыт на реставрацию и лишь два — три года назад Дмитриевский собор вновь открыл двери для посетителей.

Владимир как культурный центр

Видную роль в культурной жизни города играет **Владимирский драматический театр им. А. В. Луначарского**. Это один из старейших театров нашей страны.

В 1848 году на Козловом валу, у Золотых ворот, было построено деревянное здание театра. Его репертуар был однообразен и невелик. Несколько оживилась театральная жизнь в старом Владимире в 1864 году, когда во главе театра встали актриса Петербургского Александринского театра А. Читау и ее муж М. Огарев. В 1865 году театр гастролировал в Санкт-Петербурге. Постепенно в репертуар театра входили пьесы Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. Горького, А. Н. Островского. Здание театра у Золотых ворот существовало до 1903 года, когда, придя в сильную ветхость, было разобрано.

Подлинного расцвета театр достиг в советское время. В 1925 году на его сцену приходят первые советские пьесы: «Любовь Яровая» Тренева, «Виринея» Сейфуллиной и другие. В годы Великой Отечественной войны в театре была создана бригада из восьми актеров, которая дала 46 спектаклей для бойцов Брянского фронта.

В 1944 году театр стал областным. В театре работали актеры: Е. Мирская, А. Евдокимов, Я. Муратов, Б. Соломонов, И. Соломонова, Е. Евстигнеев, В. Кашпур, А. Бокова, А. Белокринкин.

В ноябре 1971 года театр получил новое здание, построенное по проекту архитекторов И. Былинкина, Г. Горлышкова, В. Давиденко, В. Шебалиной.

Любовь к театру воспитывается у молодых владимирцев на спектаклях **Владимирского областного театра кукол.** Этот театр образовался в 1971 году, не имея своего помещения, жил как бы «на колесах». В 1979 году театр получил помещение — реконструированное, красивое и уютное здание в центре города, на ул. Гагарина.

Репертуар театра разнообразен, тут спектакли и для малышей, и для школьников. В театре 18 актёров-кукловодов.

Владимирский областной театр кукол активно участвует во Всероссийских и региональных фестивалях. Дважды (2002–2007) театр принял участие в Международном фестивале театров кукол им. С. Образцова в г. Москве.

Спектакли «Ночь перед Рождеством» Н. Гоголя и «Краса ненаглядная» Е. Сперанского отмечены дипломами фестиваля. Спектакль по сказке Островского «Снегурочка» записан Российским телевидением каналом «Культура» и неоднократно транслировался по центральному телевидению.

Концертный зал им.Танеева также играет важную роль в культурной жизни города. Зал был открыт 7 ноября 1967 года. Одно из достоинств зала — превосходная акустика. Концерты классической и национальной музыки чередуются с выступлениями артистов современной эстрады.

Еще одно из самых популярных мест города — **областная универсальная научная библиотека им. А. М. Горького**. Здесь находится более 850 тысяч печатных единиц различной продукции. Библиотеку ежедневно посещают более 500 читателей.

Уже 5 лет сотрудники информационно-библиографического отдела ведут занятия «Школы информационной культуры». Она «выросла» из традиционных библиотечных уроков 80–90-х гг. Основной целью «Школы информационной культуры» является формирование практических навыков активного использования как источников информации традиционных и электронных каталогов библиотеки, электронных информационных ресурсов Интернета, правовых баз данных.

Библиотека является и местом встречи читателей с поэтами и писателями Владимирской области. Среди них наиболее яркие: 20 августа 2009 года в рамках празднования юбилея издательства «Калейдоскоп» состоялась презентация книги Дмитрия Барскова «Наша фамилия (История рода Барсковых с XVI века)», вышедшая в этом издательстве. А так же презентация книги «Храм Святой Троицы в селе Арбузове» при участии настоятеля храма Святой Троицы протоиерея Владимира (Трухачева) и составителя Олега Георгиевича Бежаева.

Владимир и образование

Образование во Владимире научных учреждений и организаций относится к послевоенному времени. Ведущими на тот момент институтами являлись Владимирский политехнический институт и Владимирский педагогический институт им. П. И. Лебедева — Полянского.

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (ВлГУ) (бывший Владимирский политехнический институт).

Широкопрофильный классический университет, реализующий многоуровневую подготовку, а также выполняющий научные исследования (как по региональным, так и федеральным программам) и большое число прикладных исследований по заказам предприятий.

Сегодня на 10 факультетах университета обучается около 17 тысяч студентов по различ-

ным формам обучения. Ведется подготовка по 85 образовательным программам: 17 направлениям подготовки бакалавров и магистров; 68 специальностям и направлениям.

В 2008 году университет отметил юбилей — 50-летие со дня основания. В этом же году Владимирскому государственному университету присвоили почетное звание имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Со времени своего создания университет подготовил более 60 тысяч специалистов.

В состав университета входят следующие факультеты: архитектурно-строительный факультет; автотранспортный факультет; механико-технологический факультет; факультет радиофизики, электроники и медицинской техники (ФРЭМТ); факультет информационных технологий; факультет химии и экологии; экономический факультет; факультет права и психологии; факультет прикладной математики и физики; факультет философских и социальных наук; исторический факультет; факультет заочного обучения с применением дистанционных образовательных технологий; корпоративный институт; факультет довузовской подготовки, Колледж инновационных технологий и предпринимательства.

Самая молодая кафедра Владимирского государственного университета — **кафедра «Журналистика».** Она является одной из востребованных кафедр факультета философских и социальных наук.

Елена Сергеевна Михайлишина, заслуженный работника культуры РФ, стояла у истоков создания кафедры. Именно она занималась подбором преподавателей как из числа профессиональных преподавателей, так и среди практикующих журналистов. Так среди преподавателей секции появились Андрей Николаевич Филинов (в 1997-м главный редактор ГТРК Владимир) и др.

В июне 2002 г. состоялся первый выпуск студентов-журналистов. А в марте 2005 года секция превратилась в кафедру. И именно в 2006 году переместилась с технического на гуманитарный факультет (сейчас факультет философских и социальных наук).

В 2006 году начинается строительство собственной телевизионной студии. Мечта о собственной телестудии появилась у руководства кафедры с момента ее основания. Участие в федеральной инновационной образовательной программе позволило воплотить мечту в жизнь. На оборудование было выделено три миллиона рублей и еще 650 тысяч потрачено на реконструкцию помещений телестудии. В мае 2008 года состоялось торжественное открытие студии, оснащенной самой современной съемочной и монтажной аппаратурой. Все это предназначено для учебных и рабочих целей. Будущие телерадиожурналисты, операторы, режиссеры и другие специалисты могут получать здесь прекрасную практику.

Владимирский государственный гуманитарный университет (бывший Владимирский педагогический институт им. И. П. Лебедева-Полянского).

История старейшего и ведущего высшего учебного заведения Владимирской области уходит своими корнями в начало XX века.

9 июля 1919 года Народный комиссариат просвещения советской России принял по-

становление о преобразовании существовавшей во Владимире учительской семинарии в Институт народного образования, который расположился в здании реального училища у Золотых ворот (улица Никитская, дом 1; здание, в котором сегодня располагается филологический факультет ВГУ).

В связи с развитием всеобщего обучения и с введением в стране всеобщего семилетнего образования с 1934 года стали организовываться двухгодичные учительские институты для подготовки учителей неполных средних школ (5–7-е классы), и в 1939 году был основан Владимирский государственный учительский институт, который вобрал в себя традиции Института народного образования, ВПИНО, педагогического техникума и училища.

В 1949 году было принято постановление о преобразовании этого учебного заведения во Владимирский государственный педагогический институт (ВГПИ). В составе педагогического института были организованы два факультета: физико-математический и факультет русского языка, литературы и иностранного языка.

В 2008 году Владимирский государственный педагогический университет был переименован во Владимирский государственный гуманитарный университет.

Владимирский государственный гуманитарный университет сегодня — это: 7 учебных корпусов; 12 факультетов, на которых обучаются более 7,5 тысяч студентов.

Одним из старейших факультетов в университете является **Филологический факультет**, основанный в 1939 году. Он осуществляет подготовку студентов по специальностям «Русский язык и литература», «Библиотечно-информационные ресурсы», «Практическая журналистика», «Русский язык как иностранный», «Русская православная культура», «Корректура текста».

Подготовка кадров осуществляется профессорско-преподавательским составом двух ведущих кафедр: русского языка (заведующий кафедрой — доктор филологических наук, профессор Марина Васильевна Пименова) и литературы (заведующий кафедрой — доктор филологических наук, профессор Половинкина Ольга Ивановна). Среди преподавателей кафедр 6 профессоров, докторов филологических наук: Инна Львовна Альми, Август Борисович Копелиович, Марина Васильевна Пименова, Владимир Иванович Фурашов, Наталья Владимировна Юдина, Ольга Ивановна Половинкина. Август Борисович Копелиович и Владимир Иванович Фурашов имеют звания «Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации».

Ученые-филологи занимаются проблемами изучения морфологии и синтаксиса современного русского языка, анализа древнерусского текста, исследования языковой картины мира, лексикографического описания владимирских говоров; исследованием мифопоэтики творчества отечественных и зарубежных писателей и поэтов XIX–XX вв.

На факультете работает лингвистический кружок «ЮС» («Юный словесник»), научным руководителем которого является профессор Марина Васильевна Пименова.

Литфак вчера — это фундамент, на основе которого были заложены лучшие литфаковские традиции искренности и высокого профессионализма профессорско-преподавательского состава под руководством деканов факультета.

Филфак сегодня — это современный, динамично развивающийся учебный и научный центр, готовящий специалистов-филологов для преподавательской, научной и издательской деятельности.